ВСЯ МИСС МАРПЛ

АГАТА КРИСТИ

ОБЪЯВЛЕНО УБИЙСТВО

Объявлено убийство

Агата Кристи

Аннотация
Агата Кристи. ОБЪЯВЛЕНО УБИЙСТВО
Глава 1. Объявлено убийство
Глава 2. Завтрак в Литтл-Педдоксе
Глава 3. В восемнадцать часов тридцать минут
Глава 4. Отель “Ройял Спа”
Глава 5. Мисс Блеклок и мисс Баннер
Глава 6. Джулия, Мици и Патрик
Глава 7. ...И другие
Глава 8. На сцену выходит мисс Марпл
Глава 9. По поводу двери
Глава 10. Пип и Эмма
Глава 11. Мисс Марпл приходит на чай
Глава 12. Утренние хлопоты в Чиппинг-Клеорне
Глава 13. Утренние хлопоты в Чиппинг-Клеорне. (продолжение)
Глава 14. Экскурс в прошлое
Глава 15. Дивная смерть
Глава 16. Возвращение инспектора Креддока
Глава 17. Альбом
Глава 18. Письма
Глава 19. Попытка воссоздать картину преступ-

ления
Глава 20. Мисс Марпл исчезает
Глава 21. Три женщины
Глава 22. Правда
Глава 23. Вечер у викария
Эпилог

Аннотация

Только премудрая мисс Марпл в состоянии увидеть за случайными обстоятельствами хорошо продуманное преступление. Поэтому ее не обманет ни глупый розыгрыш, обернувшийся смертью.

Агата Кристи
ОБЪЯВЛЕНО УБИЙСТВО

Посвящается Рейфу и Энн Ньюменам, в чьем доме я впервые попробовала “Дивную смерть”

Глава 1
Объявлено убийство

Ежедневно, кроме воскресений, с семи тридцати до восьми тридцати утра, Джонни Батт, пронзительно свистя, объезжал на велосипеде поселок Чиппинг-Клеорн; перед каждым домом он останавливался и бросал в почтовый ящик те утренние газеты, на которые подписывались хозяева этих домов у киоскера с Хай-стрит. А посему полковнику Истербруку с женой он положил в ящик “Таймс” и “Дейли грэфик”, миссис Светтенхэм он оставил “Таймс” и “Дейли уоркер”, мисс Хинчклифф и мисс Мергатроид — “Дейли телеграф” и “Ньюс кроникл”, мисс Блеклок — “Телеграф”, “Таймс” и “Дейли мейл”.

А по пятницам он заносил в эти, как и во все другие дома Чиппинг-Клеорна, еще и “Норт бэнхэм ньюз энд Чиппинг-Клеорн газетт”, которую называли здесь попросту “Газетой”.

И каждую пятницу, бросив беглый взгляд на заголовки Других изданий (НАПРЯЖЕННОСТЬ В МИРЕ ОБОСТРЯЕТСЯ! СЕГОДНЯ—АССАМБЛЕЯ ООН! ИЩЕЙКИ ВЫСЛЕЖИВАЮТ УБИЙЦУ

БЕЛОКУРОЙ МАШИНИСТКИ! ТРИ ШАХТЫ БАСТУЮТ! ДВАДЦАТЬ ТРИ ЧЕЛОВЕКА УМЕРЛИ ОТ ПИЩЕВОГО ОТРАВЛЕНИЯ В ОТЕЛЕ “СИСАЙД” И Т. Д.), большинство жителей Чиппинг-Клеорна нетерпеливо разворачивали “Газету” и погружались в изучение местных новостей. Наскоро просмотрев раздел писем (в которых пышным цветом расцветали страстная ненависть и кровная вражда), девять подписчиков из десяти обращались к столбцу частных объявлений, здесь, вперемешку с объявлениями о купле или продаже и слезными мольбами о помощи по хозяйству, печатались бесчисленные объявления о собаках, домашней птице и садовом инвентаре, — короче говоря, все то, что могло заинтересовать членов маленькой общины Чиппинг-Клеорна.

Пятница, 29 октября, не была исключением из правил…

Откинув со лба очаровательные пепельные кудряшки, миссис Светтенхэм развернула “Таймс”, окинула томным взглядом левую страницу с новостями и, решив, по своему обыкновению, что даже если в мире и случилось что-нибудь из ряда вон выходящее, то “Таймс” все равно ограничится лишь туманными гладкими фразами ни о чем, быстренько проглядела хронику рожде-

ний, свадеб и смертей (последние — с большим интересом!), затем с чувством выполненного долга отложила “Таймс” в сторону и торопливо потянулась за “Чиппинг-Клеорн газетт”.

Когда немного погодя ее сын Эдмунд вошел в комнату, она уже была погружена в изучение объявлений.

— Доброе утро, дорогой, — сказала миссис Светтенхэм. — Смедли продают свой “даймлер”. Он у них с тридцать пятого года — совсем развалина, да?

Сын пробурчал в ответ что-то маловразумительное, налил кофе, взял пару копченых рыбешек, уселся за стол и развернул “Дейли уоркер”, прислонив газету к подносу с гренками.

— Щенки бульмастифа[1], — читала вслух миссис Светтенхэм. — Ей-богу, не понимаю, как можно в наше время прокормить такую большую собаку… Гм-м, Селина Лоуренс опять дала объявление насчет кухарки… По-моему, пустая трата времени по нынешним временам. Она даже не указала адреса, только номер почтового ящика… да… роковая ошибка, скажу я вам… прислуга теперь просто с ножом у горла требу-

---

[1] notes: 1

Бульмастиф — большая догообразная собака, выведенная в 60-х годах прошлого века специально для защиты птиц от браконьеров.

ет, чтобы ей сообщали точный адрес: все хотят попасть в престижный район… Искусственные зубы… Не понимаю, почему искусственные зубы пользуются таким спросом. Вполне доступные цены!.. Прекрасные луковицы. Наш особый сорт. Действительно, недорого… Девушка ищет интересную работу, хотела бы путешествовать. Тоже мне!.. А кто бы не хотел? Таксы… Вот мне лично никогда не нравились таксы, не потому что порода немецкая, это теперь уже не так важно, просто не нравились — и все тут!.. Да-да, миссис Финч?

Дверь приоткрылась, и показалась мрачная особа могучего телосложения в потертом бархатном берете — миссис Финч.

— Доброе утро, мэм, — сказала она. — Можно убирать со стола?

— Нет-нет, подождите. Мы еще не позавтракали, ответила миссис Светтенхэм. — Скоро кончим, — добавила она заискивающе.

Метнув грозный взгляд на сидевшего с газетой Эдмунда, миссис Финч презрительно фыркнула и удалилась.

— Я ведь только сел, — начал было Эдмунд, но мать перебила его:

— И, пожалуйста, не читай эту жуткую газету, Эдмунд! Миссис Финч этого не любит.

— Не понимаю, какое дело миссис Финч до моих политических убеждений.

— Тем более, — не слушая его, продолжала миссис Светтенхэм, — что ты не рабочий. Ты вообще не работаешь.

— Ну, это уж чистая ложь! — возмутился Эдмуэд. — Как не работаю? Я пишу книгу.

— Я имею в виду настоящую работу, — сказала миссис Светтенхэм. — А миссис Финч нам очень даже нужна. Вот обидится она, уйдет — кого мы найдем вместо нее?

— Напечатаем объявление в “Газете”, — ухмыльнулся Эдмунд.

— Да говорю тебе, это бесполезно! Ей-богу, в наши дни если нет в доме старенькой нянюшки, которая готовит еду и ведет хозяйство, пропадешь.

— А почему у нас ее нет? Как же ты так оплошала и вовремя не обеспечила меня нянюшкой? О чем ты только думала, мама?!

— Но, дорогой, у тебя была айя[2].

— Как ты недальновидна, — пробормотал Эдмунд. Миссис Светтенхэм снова углубилась в частные объявления.

---

[2] notes: 2

Айя — туземное название няни в Индии, индийская женщина, служащая у англичан.

— Продается подержанная газонокосилка. Интересно… Боже, что за цена!.. Еще таксы… “Напиши или свяжись со мной, я в отчаянии. Макака”. Ну и дурацкие бывают прозвища!.. Кокер-спаниели… Эдмунд, помнишь Сьюзи? Она была прямо как человек. Все понимала… Продается буфет в стиле шератон. Подлинник, фамильная реликвия. Миссис Лукас. Дайяс-Холл. Вот лгунья! Можно подумать и впрямь шератон!

Миссис Светтенхэм презрительно хмыкнула и продолжала читать:

— “Дорогая, все ошибка. Любовь до гроба. В пятницу как обычно”. Наверное, влюбленные поссорились. А может, это воровской пароль? Как ты думаешь, Эдмунд? Опять таксы! Ей-богу, люди помешались на таксах! Словно других собак нет! Вот у твоего дяди Симона были манчестерские терьеры[3]. Такие грациозные крошки! Мне лично нравится, когда у собак длинные лапы… Дама, собирающаяся за границу, продает двухместный катер… и ни описания, ни цены… Объявлена свадьба… нет, УБИЙСТВО… Что?! Первый раз слышу… Эдмунд, Эдмунд, ты ТОЛЬКО ВЗГЛЯНИ: “ОБЪЯВЛЕНО УБИЙСТВО. КОТОРОЕ ПРОИЗОЙДЕТ

---

[3] notes: 3

Манчестерский терьер — мелкая, гладкошерстная порода собак, использовалась для травли крыс.

В ПЯТНИЦУ, ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОГО ОКТЯБРЯ В ВОСЕМНАДЦАТЬ ЧАСОВ ТРИДЦАТЬ МИНУТ В ЛИТТЛ-ПЕДДОКСЕ. ТОЛЬКО СЕГОДНЯ. ДРУЗЬЯ, СПЕШИТЕ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ”.

— Что такое? — оторвался от газеты Эдмунд.

— В пятницу двадцать девятого октября… Ой, ведь это сегодня!

— Дай-ка, дай-ка, — взял у нее газету сын.

— Однако что все это значит? — сгорая от любопытства, спросила миссис Светтенхэм.

Эдмунд Светтенхэм задумчиво почесал нос.

— Наверное, они устраивают вечеринку. “Игру в убийство” или что-то в этом духе.

— А-а, — с сомнением в голосе откликнулась миссис Светтенхэм. — Но что за странная манера давать такие объявления! Совершенно не похоже на Летицию Блеклок, я ее считала на редкость здравомыслящей женщиной.

— Может, на нее подействовали развеселые юнцы, живущие сейчас в доме?

— Очень уж лаконичная заметка. Сегодня… Как ты считаешь, нам стоит пойти?

— Здесь говорится: “Друзья, спешите принять участие”.

— Однако эта новая мода приглашать гостей ужасно беспардонна, — решительно заявила

миссис Светтенхэм.

— Хорошо, мама, не ходи туда.

— И не пойду! — воскликнула миссис Светтенхэм. Они помолчали.

— Неужели тебе действительно хочется съесть эту последнюю гренку, Эдмунд?

— Ах, мама, а я-то думал, что мое правильное питание для тебя важнее, чем то, что старой карге приспичило убрать со стола!..

— Тс-с, дорогой, она может услышать!.. А что такое “игра в убийство”?

— Точно не знаю. Кажется, к тебе прицепляют клочок бумаги… нет, пожалуй, их все-таки тянут из шапки. Один становится сыщиком, другой — жертвой, гасят свет, и кто-нибудь хлопает тебя по плечу; ты орешь, падаешь и притворяешься мертвым.

— Что ж, весьма увлекательно.

— А по-моему, чертовски скучно. Я не пойду.

— Глупости, Эдмунд! — решительно возразила миссис Светтенхэм. — Раз я собираюсь, значит, и ты пойдешь. И нечего тут обсуждать!

— Арчи, — сказала миссис Истербрук своему мужу, — ты только послушай!

Полковник Истербрук не обратил на нее внимания, поскольку возмущенно пыхтел, читая

статью в “Таймс”.

— Вся беда этих деятелей в том, — изрек он, — что они не имеют об Индии ни малейшего понятия. Ни малейшего!

— Конечно, милый, конечно.

— Иначе они не писали бы такой чепухи.

— Ну, разумеется, Арчи, послушай: “ОБЪЯВЛЕНО УБИЙСТВО, КОТОРОЕ ПРОИЗОЙДЕТ В ПЯТНИЦУ, ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОГО ОКТЯБРЯ (значит, сегодня!) В ВОСЕМНАДЦАТЬ ЧАСОВ ТРИДЦАТЬ МИНУТ В ЛИТТЛ-ПЕДДОКСЕ. ТОЛЬКО СЕГОДНЯ. ДРУЗЬЯ, СПЕШИТЕ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ”. — Миссис Истербрук торжествующе умолкла.

Полковник взглянул на нее снисходительно, но без особого интереса.

— “Игра в убийство” — вот что это такое, — сказал он.

— А… — пробормотала миссис Истербрук.

— Только и всего. — Полковник слегка выпрямился. — Однако она может оказаться очень даже забавной, если только играют со знанием дела. А для этого нужен кто-то, кто хорошо знает правила. Сначала положено тянуть жребий. Один из игроков — убийца, кто именно — никому не известно. Гасят свет. Убийца выбирает жертву. Она должна сосчитать до двадцати, а потом

закричать. Тогда тот, кому выпало быть детективом, начинает расследование. Всех допрашивает. Где они были, что делали… Пытается вывести убийцу на чистую воду. Да, хорошая игра, если детектив… м-м… имеет представление о том, что ему нужно делать.

— Вот как ты, например. Арчи. Сколько интересных дел было в твоем округе!

Полковник Истербрук снисходительно улыбнулся и самодовольно покрутил ус.

— Да уж, Лаура, — сказал он. — Думаю, я мог бы их кое-чему научить.

Он приосанился.

— Мисс Блеклок зря не попросила тебя помочь.

Полковник хмыкнул.

— Так у нее ж есть этот молокосос! Племянник или кем он там ей доводится?.. Наверное, это он ее и подбил. Надо же додуматься — дать такое объявление!.. Забавно!

— Оно напечатано в частных объявлениях. Мы могли бы и не заметить. Как ты считаешь, это приглашение, Арчи?

— Хорошенькое приглашение! На меня, во всяком случае, пусть не рассчитывают.

— Но, Арчи! — Голос миссис Истербрук стал пронзительно-плаксивым.

— Должны были предупредить заранее. Они же знают, что я могу быть занят.

— Но ведь ты не занят, милый, правда? — вкрадчиво прошептала миссис Истербрук. — Арчи, по-моему, пойти помочь бедной мисс Блеклок — это твой долг. Она наверняка рассчитывает на твою помощь. Ты же столько знаешь про работу в полиции, про суды… Если ты ей не поможешь, у них ничего не получится. В конце концов, соседей надо выручать!

Миссис Истербрук склонила набок головку с крашеными светлыми волосами и широко распахнула голубые глаза.

— Ну, коли так, то конечно, Лаура… — Полковник Истербрук снова с важным видом покрутил ус и снисходительно глянул на свою пышную женушку. Миссис Истербрук была моложе его, по крайней мере, лет на тридцать. — Раз ты так считаешь, Лаура, — протянул он.

— Но ведь это действительно твой долг. Арчи! — торжественно отчеканила миссис Истербрук.

“Чиппинг-Клеорн газетт” принесли и в Боулдерс — так назывались три живописных, соединенных друг с другом коттеджа, где обитала мисс Хинчклифф и мисс Мергатройд.

— Хинч!

— В чем дело, Мергатройд?

— Ты где?

— В курятнике.

— Ой!

Осторожно ступая по высокой мокрой траве, мисс Эми Мергатройд добралась до подруги. Облачившись в вельветовые штаны и военный китель, та добросовестно растирала ладонями корм и бросала его в таз, в котором дымилось малоаппетитное варево из картофельных очисток и капустных кочерыжек.

Мисс Хинчклифф обернулась. Волосы ее были подстрижены коротко, по-мужски, кожа на лице задубела.

Мисс Мергатройд, миловидная толстушка, была одета в твидовую юбку и растянувшийся пуловер ярко-синего цвета. Седые кудряшки ее растрепались и напоминали птичье гнездо. Она слегка запыхалась.

— Тут, в “Газете”, — выдохнула Мергатройд. — Ты только послушай… что бы это значило? “ОБЪЯВЛЕНО УБИЙСТВО, КОТОРОЕ ПРОИЗОЙДЕТ В ПЯТНИЦУ, ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОГО ОКТЯБРЯ В ВОСЕМНАДЦАТЬ ЧАСОВ ТРИДЦАТЬ МИНУТ В ЛИТТЛ-ПЕДДОКСЕ. ТОЛЬКО СЕГОДНЯ. ДРУЗЬЯ, СПЕШИТЕ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ”.

У нее перехватило дыхание, и она умолкла, ожидая авторитетного заключения подруги.

— Рехнуться можно, — сказала мисс Хинчклифф.

— Да-да, но что же все-таки это значит, как ты думаешь?

— Выпивон, что же еще? — хмыкнула мисс Хинчклифф.

— Значит, это приглашение?

— Выясним, когда придем, — сказала мисс Хинчклифф. — Херес наверняка будет паршивый. Ты бы сошла с травы, Мергатройд. Ты же в домашних тапочках. Они насквозь промокли.

— О Боже! — Мисс Мергатройд уныло уставилась на свои ноги. — Сколько сегодня яиц?

— Семь. Эта проклятая курица все еще высиживает цыплят. Надо будет загнать ее в курятник.

— Странный все-таки это способ, как ты думаешь? мечтательно протянула Эми Мергатройд, имея в виду объявление в “Газете”.

Однако подруга была сделана из более простого и жесткого теста. Она нацелилась на борьбу с непокорной курицей, и никакие, даже самые загадочные, объявления не могли ее отвлечь.

Мисс Хинчклифф тяжело прохлюпала но грязи и набросилась на пятнистую наседку. Послыша-

лось громкое возмущенное кудахтанье.

— Надо будет завести уток, — изрекла мисс Хинчклифф. — С ними куда меньше хлопот.

— Восхитительно! — воскликнула за обедом миссис Хармон, обращаясь к мужу, преподобному Джулиану Хармону. — У мисс Блеклок будет убийство.

— Убийство? — переспросил, слегка удивившись, муж. — Когда?

— Сегодня днем… Вернее, ранним вечером. В половине седьмого. Ах, что за невезенье, милый, тебе как раз надо готовиться к конфирмации! А ведь ты обожаешь убийства!

— Совершенно не понимаю, о чем ты, Банч. Миссис Хармон, этакая пышечка, протянула ему “Газету”.

— Вот, взгляни. Там, где подержанные пианино и вставные зубы.

— Какое странное объявление!

— Правда? — радостно подхватила Банч. — Никогда бы не подумала, что мисс Блеклок увлекается подобными играми. Наверное, ее подбили молодые Симмонсы… Хотя, по-моему, для Джулии Симмонс такие забавы грубоваты. Но факт остается фактом, и просто возмутительно, что ты не сможешь пойти. А я пойду обязательно

и потом тебе все расскажу. Хотя сама я едва ли получу удовольствие — не люблю игр в темноте. Признаться, они меня пугают, надеюсь, что мне не выпадет роль жертвы. Уверена, что, если кто-нибудь вдруг схватит меня за плечо и шепнет: “Ты убита”, у меня сердце так подпрыгнет, что я и вправду умру. Как ты думаешь, это возможно?

— Конечно нет, Банч. Я думаю, ты будешь жить долго-долго… вместе со мной…

— И мы умрем в один день, и нас похоронят в одной могиле. Вот было бы чудесно!

При мысли о такой перспективе Банч просияла.

— Ты выглядишь очень счастливой, — сказал, улыбаясь, ее муж.

— А кто на моем месте не был бы счастлив? — чуть смущенно спросила Банч. — У меня есть ты, и Сьюзан, и Эдвард, и все вы во мне души не чаете, и вам не важно, глупа я или умна. И солнышко светит! И у нас такой чудный большой дом!

Преподобный Джулиан Хармон оглядел просторную полупустую столовую и нерешительно кивнул.

— Для некоторых жить в таком огромном бестолковом доме, где гуляют сквозняки, хуже каторги.

— А мне нравятся большие комнаты. В них подолгу задерживаются приятные ароматы, долетающие с улицы. И чувствуешь себя вольготно, и можно разбрасывать вещи, потому что беспорядка не будет заметно.

— Но у нас нет ни электроприборов, облегчающих быт, ни центрального отопления. Тебе, должно быть, тяжко приходится, Банч.

— Да что ты, Джулиан! Я, как встану в полседьмого, сразу включаю бойлер и ношусь туда-сюда, как вихрь, и к восьми у меня уже все готово. Разве я плохо справляюсь? Я натираю полы пчелиным воском, стираю пыль с полировки и ставлю в большие кувшины осенние листья. На самом деле с большим домом хлопот вовсе не прибавляется. Вытираешь пыль и моешь полы гораздо быстрее, потому что не натыкаешься на разные вещи, как это бывает в маленьких комнатушках. И спать в большой холодной комнате мне нравится: свернешься клубочком, так что только нос торчит, — уютно! А чистить картошку и мыть посуду все равно приходится везде, не важно, в каком доме ты живешь. Сам посуди, как прекрасно, что у Сьюзан и Эдварда такая большая пустая комната! Они могут играть сколько им вздумается и в железную дорогу, и в куклы, и им не нужно убирать

игрушки. А потом, когда дом большой, есть где разместить гостей. Возьми, к примеру, Джимми Саймса и Джонни Финча — им пришлось жить с родителями жен. А ты сам знаешь, каково это. Ты преданно любишь свою маму, но, наверно, тебе не очень хотелось бы после свадьбы жить с ней и с папой. И мне тоже. Я чувствовала бы себя маленькой девочкой. Джулиан улыбнулся.

— Но ты и вправду до сих пор как маленькая девочка, Банч.

Сам Джулиан Хармон, судя по всему, давно ощущал себя шестидесятилетним старцем. Однако до края, предначертанного природой, ему оставалось еще лет двадцать пять.

— Знаю, я глупая…

— Ты не глупая, Банч. Ты очень умная.

— Нет-нет… Я совсем не интеллектуалка. Правда, я стараюсь… и мне действительно очень нравится, когда ты рассказываешь о литературе, истории, природе… Хотя, наверное, читать мне по вечерам Гиббона[4] все-таки не стоило. Знаешь, когда за окном свистит ветер, а у нас тут внутри тепло и уютно, меня от Гиббона почему-то кло-

---

[4] notes: 4

Гиббон Эдуард (1737—1794) — английский историк и политический деятель, автор многотомного труда “История упадка и разрушения Римской империи”.

нит в сон.

Джулиан рассмеялся.

— Но я обожаю тебя слушать, Джулиан. Расскажи мне еще раз про старого священника.

— Ты же знаешь эту историю наизусть, Банч.

— Ну, еще разочек. Пожалуйста!

— Ладно, — уступил муж. — Священника звали старик Скримгор. Однажды кто-то заглянул к нему в церковь. Стоя на кафедре, он держал страстную речь перед двумя поденщицами. Грозил им пальцем и говорил: “Ага! Знаю-знаю, о чем вы думаете. Вы думаете, что Агасфер[5] — это Артаксеркс Второй[6]. Так вот: ошибаетесь! — восклицал старик и добавлял с неописуемым торжеством:

— Агасфер был Артаксерксом Третьим[7]!

Джулиан не находил в этой истории ничего

---

[5] notes: 5

Агасфер — имя персидского царя, встречающееся в Библии; специалисты по толкованию Священного писания отождествляют его с Ксерксом Первым (486—465 до н.э.), царем Персии, сыном Дария Первого, совершившим поход на Грецию, но потерпевшим поражение и убитым своими телохранителями.

[6] notes: 6

Артаксеркс Второй Мнемон — царь персидского царства Ахеменидов в 404—358 гг. до н.э.

[7] notes: 7

Артаксеркс Третий — царь той же династии, что и Артаксеркс Второй Мнемон, правивший Персией в 358—338 гг. до н.э.

особо смешного, но Банч не переставала потешаться.

Раздался всплеск ее звонкого смеха.

— Какой душка! — воскликнула она. — Когда-нибудь и ты станешь таким, Джулиан.

Джулиану явно было не по себе.

— Я знаю, что порой не могу выражаться просто и доходчиво, — ответил он, — и очень из-за этого переживаю.

— Ну, на сей счет я бы на твоем месте не беспокоилась. — Банч поднялась из-за стола и начала собирать на поднос грязную посуду. — Вчера миссис Батт сказала мне, что ее муж, который раньше в церковь вообще не заглядывал и слыл местным атеистом, теперь каждое воскресенье отправляется послушать твою проповедь… “А недавно, мадам, — продолжала она, мастерски подражая голосу “рафинированной” миссис Батт, — мой Батт сказал мистеру Тимкинсу из Литтл-Ворсдейла, что у нас в Чиппинг-Клеорне настоящая культура, не то что в Ворсдейле, где мистер Гросс говорит с прихожанами, будто с детьми неразумными. Наш священник — человек высокообразованный. Еще бы! Он не в каких-нибудь там Мильчестерах, он в Оксфорде обучался! И он дарит всех нас плодами своей уче-

ности. И про все-то он знает! И про Древний Рим, и про Грецию, и про Вавилон с Ассирией! Даже кота своего назвал в честь ассирийского царя!” — победоносно закончила Банч. — Видишь, какая о тебе идет слава!.. О Господи Боже мой! Мне же надо делать дела, а то я до вечера не управлюсь. Кис-кис, Тиглатпаласар, попробуй-ка селедочный хребет!

Она открыла дверь, ловко придержала ее ногой и юркнула в нее с полным подносом, громко и не особенно благозвучно распевая собственную версию шуточной песенки:

Мы на убийство собрались,
Собрались, собрались!
А сыщики все разбрелись
Сегодня майским утром…

Грохот вываливаемой в раковину посуды заглушил следующие слова, но, выходя из дому, преподобный Джулиан Хармон услышал заключительную ликующую строку: “Идем мы на убийство!”

Глава 2
Завтрак в Литтл-Педдоксе

В Литтл-Педдоксе завтрак тоже был в самом разгаре.

Мисс Блеклок, шестидесятилетняя хозяйка дома, сидела во главе стола. На ней было домашнее платье, совершенно не вязавшееся с ожерельем из крупного фальшивого жемчуга. Она читала статью Лейн Норкотт в “Дейли мейл”. Джулия Симмонс томно перелистывала “Дейли телеграф”. Патрик Симмонс решал кроссворд в “Таймсе”. Мисс Дора Баннер с головой ушла в местный еженедельник и ничего вокруг не замечала.

Мисс Блеклок тихонько хихикнула; Патрик пробормотал: “Не авторитетный, а авторитарный — вот где я ошибся”.

И вдруг мисс Баннер закудахтала, как вспугнутая курица:

— Летти, Летти, ты видела? Что это?

— В чем дело, Дора?

— Какое странное объявление! В нем черным по белому назван Литтл-Педдокс. Но что это

значит?

— Дора, милочка, дай-ка взглянуть…

Мисс Баннер послушно протянула газету мисс Блеклок и ткнула дрожащим пальцем в загадочные строчки:

— Только посмотри, Летти.

Мисс Блеклок взглянула. Брови ее приподнялись. Окинув стол испытующим взором, она громко прочла:

— “ОБЪЯВЛЕНО УБИЙСТВО, КОТОРОЕ ПРОИЗОЙДЕТ В ЛИТТЛ-ПЕДОКСЕ В ПЯТНИЦУ, ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОГО ОКТЯБРЯ В ВОСЕМНАДЦАТЬ ЧАСОВ ТРИДЦАТЬ МИНУТ. ТОЛЬКО СЕГОДНЯ. ДРУЗЬЯ, СПЕШИТЕ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ”. Патрик, это твои штучки? — Ее вопрошающий взгляд остановился на красивом молодом повесе, сидевшем на противоположном конце стола.

Патрик Симмонс поспешил оправдаться:

— Что вы, тетя Летти! Как вы могли подумать? И вообще, при чем тут я?

— От тебя вполне можно этого ожидать, — жестко сказала мисс Блеклок. — Такие выходки в твоем духе.

— Выходки? Да что вы, тетя Летти!

— Тогда, может, это ты, Джулия?

— Ну, разумеется, нет, — устало ответила Джу-

лия.

— Неужели вы думаете, что миссис Хаймс… — пробормотала мисс Блеклок и взглянула на уже освободившееся место за столом.

— Нет, вряд ли наша Филлипа вдруг сделалась шутницей, — откликнулся Патрик. — Она у нас девушка серьезная.

— Однако чья же это тогда выдумка? — спросила, зевая, Джулия. — И что это означает?

— Наверное, какой-то глупый розыгрыш, — задумчиво произнесла мисс Блеклок.

— Но зачем? — воскликнула Дора Баннер. — С какой целью? По-моему, это очень неумная шутка. И дурного тона!

Ее дряблые щеки негодующе затряслись, а близорукие глаза возмущенно сверкнули.

Мисс Блеклок улыбнулась.

— Не переживай так, Банни. Просто кто-то решил пошутить: хотелось бы только узнать, кто именно.

— Здесь говорится “сегодня”, — напомнила мисс Баннер, — сегодня в восемнадцать тридцать. Как ты думаешь, что будет?

— Будет Смерть, — загробным голосом ответил Патрик. — Дивная Смерть!

— Патрик, уймись! — цыкнула на него мисс

Блеклок, а мисс Баннер тихо взвизгнула.

— Но я имел в виду всего лишь торт, который готовит Мици, — принялся оправдываться Патрик. — Вы же знаете, мы называем его “Дивная Смерть”.

Мисс Блеклок рассеянно улыбнулась.

Однако мисс Баннер никак не желала оставить ее в покое.

— Нет, правда, Летти, как ты думаешь…

Подруга прервала ее, стараясь держаться беспечно.

— Я знаю только одно, — сухо сказала она, — в шесть тридцать к нам пожалует, сгорая от любопытства, полпоселка. На твоем месте я бы лучше выяснила, есть ли у нас что-нибудь выпить.

— Но ведь ты волнуешься, Лотти?

Мисс Блеклок вздрогнула. Она сидела за письменным столом, рассеянно рисуя на промокашке каких-то рыбок. Подняв голову, она посмотрела на встревоженную подругу.

Что ей было сказать Доре Баннер? Банни нельзя волноваться, нельзя расстраиваться. Мисс Блеклок помолчала, раздумывая…

Они с Дорой Баннер вместе учились в школе. В те времена Дора была светловолосой, голубоглазой глуповатой девочкой. Но глупость ее никому

не мешала, и с ней с удовольствием общались, потому что она была веселой, жизнерадостной и хорошенькой. Мисс Блеклок считала, что ей нужно выйти замуж за симпатичного военного или за сельского присяжного. Ведь Дора обладала массой достоинств: нежностью, привязчивостью, верностью. Но жизнь жестоко обошлась с ней: Доре пришлось самой зарабатывать себе на хлеб. Она всегда была очень старательной… Но — неумехой страшной… За что бы она ни бралась, ничего у нее не получалось.

На долгое время подруги потеряли друг друга из виду. Но полгода назад мисс Блеклок получила письмо, сбивчивое и патетическое. Дорино здоровье было подорвано. Она жила в маленькой комнатушке, пытаясь кое-как просуществовать на свою жалкую пенсию. Ей хотелось бы брать на дом вышиванье, но из-за ревматизма она не могла сделать и этого. Банни вспоминала школьную дружбу… конечно, жизнь разбросала их… но, может быть… вдруг подруга ей поможет?

Поддавшись внезапному порыву, мисс Блеклок откликнулась. Бедная Дора, бедная, милая, глупенькая, пухленькая Дора! Летиция бросилась к ней, увезла ее с собой и поселила в Литтл-Педдоксе, сказав, что одной вести хозяйство тяжело

и ей нужна помощница. Жить Доре оставалось недолго — так, по крайней мере, уверяли врачи. И все же порой мисс Блеклок чувствовала, что взяла на себя непомерно тяжелую ношу. Дорогая ее Дора путала все на свете, расстраивала темпераментную иностранку-домработницу, теряла счета, письма и временами доводила мисс Блеклок до белого каления. Бедная бестолковая старушка, такая преданная, так искренне желающая помочь, столь гордая тем, что она нужна и приносит пользу, — только, увы, на нее ни в чем нельзя было положиться…

— Не надо, Дора. Я же тебя просила, — резко произнесла мисс Блеклок.

— Ой! — виновато поглядела на нее мисс Баннер. — Конечно… Я просто забыла. Но… ты ведь действительно…

— Волнуюсь? Вовсе нет. По крайней мере, — добавила Летиция, стараясь быть правдивой, — не из-за этого. Ты же говоришь про дурацкое объявление в “Газете”?

— Да… И даже если это шутка, то, по-моему, она очень злая.

— Злая?

— Да. Я чувствую во всем какую-то злость. То есть… я хочу сказать… нехорошая это шутка,

вот что.

Мисс Блеклок взглянула на подругу. Кроткие глаза, длинный упрямый рот, слегка вздернутый нос. Бедная Дора, от нее с ума можно сойти! Такая преданная и такая суетливая… Боже, сколько с ней хлопот! И вот на тебе — у этого милого, выжившего из ума существа еще остался нюх на нравственные и безнравственные поступки!

— Пожалуй, ты права, Дора, — сказала мисс Блеклок. — Это нехорошая шутка.

— Мне она совсем не нравится, — с внезапной яростью выпалила мисс Баннер. — Я боюсь… И ты тоже боишься, Летиция, — неожиданно прибавила она.

— Ерунда! — бодро возразила мисс Блеклок.

— Это опасно… Это… это как бомба, которую присылают по почте.

— Да нет же, дорогая, просто какой-то недоумок решил сострить.

— Не вижу ничего смешного.

И действительно, ничего смешного тут не было… Лицо мисс Блеклок вдруг выдало ее мысли, и Дора торжествующе вскричала:

— Я же говорила! Ты тоже так думаешь!

— Но, Дора, милочка…

Мисс Блеклок осеклась. В комнату, словно

цунами, ворвалась молодая женщина, пышная грудь ее бурно вздымалась под тесным свитером. Широкая яркая юбка была посажена на корсаж, вокруг головы были обмотаны грязные черные косы. Темные глаза сверкали.

— Я могу вам говорить, пожалуйста, да? — затарахтела она.

Мисс Блеклок вздохнула:

— Конечно, Мици, в чем дело?

Порой ей казалось, что лучше самой готовить еду и вести хозяйство, чем терпеть бесконечные истерики домработницы-беженки.

— Я сразу говорить… надеюсь, все нормально? Я даю вам предупреждение… и уходить… уходить сейчас.

— Но почему? Вас кто-нибудь расстроил?

— Да, расстроил, — трагически воскликнула Мици. — Я не хочу умереть! Я уже убежать Европа. Моя семья — они все умереть… их убивать… мама, и маленький брат, и моя такая милая маленькая племянница… всех, всех их убивать. Но я убежать, я прятаться… прийти в Англия. Я работаю. Я делаю работа, какая никогда не делать на моей родине… Я…

— Все это мне известно, — решительно оборвала мисс Блеклок вечную песню Мици. — Но

почему вы намерены уйти именно сегодня?

— Потому что они опять приходят меня убивать!

— Кто?

— Мои враги. Наци! А может, на этот раз и большевики. Они узнали, что я здесь. И приходят убивать. Я читала об это, да, я читала газету!

— Вы имеете в виду нашу “Газету”?

— Здесь, здесь написано. — Мици вытащила из-за спины “Газету”. — Посмотрите, вот здесь есть прямо: “Убийство”. В Литтл-Педдоксе. Или это не значит здесь? Сегодня вечером в половине седьмого. Ай! Я не хочу ждать, когда меня убивают… Нет.

— Но почему это обязательно про вас? Мы думаем, кто-то просто пошутил.

— Шутка? Разве убивать кого-нибудь — шутка?

— Разумеется, нет. Но, дорогая девочка, если бы кто-нибудь захотел вас убить, он бы не стал давать объявление в газете.

— Вы думаете? — Мици слегка заколебалась. — Вы думаете, они никто не хотеть убивать? А может, они хотеть убивать вас, мисс Блеклок.

— Ни за что не поверю, что кому-то хочется меня убить, — беспечно заявила мисс Блеклок. — И, ей-богу, Мици, я совершенно не понимаю, зачем

им убивать вас. Ну, зачем, скажите на милость?

— Потому что они плохие… очень плохие. Я вам уже говорить: и маленький брат, и мама, и моя такая милая маленькая племянница…

— Да-да, конечно, — ловко остановила лавину словоизлияний мисс Блеклок. — Но мне как-то не верится, что кто-то хочет вас убить, Мици. Однако если, дорогая, вы хотите уйти, причем предупредив меня за пять минут до своего ухода, я не в силах вам помешать. Но учтите, вы сделаете большую глупость, — уже другим тоном произнесла мисс Блеклок и решительно добавила, видя, что Мици засомневалась:

— Говядина, что прислал к обеду мясник… по-моему, она очень жесткая.

— Я буду готовить гуляш, особый гуляш.

— Ну, гуляш так гуляш… А не могли бы вы из того засохшего куска сыра сделать сырные палочки? Может, у нас сегодня будут гости.

— Сегодня? Что значит “сегодня”?

— В половине седьмого вечера.

— Но это время, которое есть в газете! Кто придет? Зачем?

— Они явятся на похороны, — сказала, подмигивая, мисс Блеклок. — Хватит, Мици. Мне некогда. И закрой за собой дверь поплотнее, — строго

добавила она.

Дверь за ошарашенной Мици захлопнулась.

— Так… на некоторое время покой обеспечен, — произнесла мисс Блеклок.

— Ах, Летти! Ты такая деловая! — восхищенно воскликнула мисс Баннер.

Глава 3
В восемнадцать часов тридцать минут

— Ну, вроде все, — сказала мисс Блеклок, окидывая оценивающим взглядом сдвоенную гостиную. Расписанный розочками мебельный ситец, две вазы с золотистыми хризантемами, маленькая вазочка с фиалками и серебряная сигаретница на столике возле стены, поднос с напитками на столе посреди комнаты…

Литтл-Педдокс, особняк средних размеров, был построен в ранневикторианском стиле. Узкая длинная гостиная освещалась плохо, потому что крыша веранды заслоняла солнечный свет; в конце гостиной некогда были двойные двери, которые вели в маленькую комнатку с окном в нише. Но со временем двойные двери убрали и заменили их бархатными портьерами. Позже мисс Блеклок убрала и портьеры, окончательно объединив обе комнаты. В каждой имелся камин, и, хотя ни один не горел, по комнате разливалось приятное тепло.

— Вы включили центральное отопление, — до-

гадался Патрик.

Мисс Блеклок кивнула.

— Тут было так зябко и промозгло! В доме ужасно сыро. Вот я и заставила Эванса перед уходом включить отопление.

— И не пожалели драгоценного кокса? — насмешливо сказал Патрик.

— Именно драгоценного. Но иначе нам пришлось бы тратить еще более драгоценный уголь. Сам знаешь, муниципальные власти ни на грамм не дают больше, чем положено на неделю… если только мы не заявим, что нам совершенно не на чем готовить еду.

— Но ведь были же когда-то горы угля и кокса, и они продавались свободно? — сказала Джулия так, будто речь шла о диковинной заморской стране.

— Да, и причем по дешевке.

— И кто угодно мог пойти и купить сколько хотел, без всяких карточек и ограничений? Неужели всего было полно?

— Да, и любого сорта, любого качества… и к тому же без камней и сланца, не то что теперь.

— Жили же люди! — мечтательно вымолвила Джулия. Мисс Блеклок улыбнулась.

— Мне тоже приходят на ум такие мысли, ко-

гда я оглядываюсь назад. Но ведь я старуха. И естественно, время моей юности кажется мне самым лучшим. Но вам, молодым, негоже вести подобные речи.

— Я могла бы не работать, — продолжала, не слушая, Джулия. — Сидела бы себе дома, составляла цветочные букеты и писала бы письма… Почему тогда писали столько писем? И кому?

— Всем, кому ты сейчас звонишь по телефону, — лукаво прищурилась мисс Блеклок. — Право, мне что-то не верится, что ты умеешь писать, Джулия.

— Да уж, конечно, я не следую “Полному руководству по написанию писем”, которое я недавно тут раскопала. Просто прелесть! Там, например, даются советы, как достойно отказать вдовцу, если он просит твоей руки.

— Вряд ли тебе удалось бы всю жизнь бездельничать. У людей все равно было много разных обязанностей. — Голос мисс Блеклок звучал сухо. — Но вообще-то я мало знаю о светской жизни. Банни и мне, — она послала Доре Баннер нежную улыбку, — рано пришлось отправиться на биржу труда.

— О да, да, — поддакнула мисс Баннер. — Каких гадких, отвратительных детей мне пришлось

учить! Никогда их не забуду. Летти, конечно, оказалась умнее. Она проникла в деловой мир, стала секретаршей крупного финансиста.

Дверь открылась, и вошла Филлипа Хаймс, высокая, красивая, спокойная женщина. Она удивленно огляделась.

— Привет! Вы что, гостей ждете? А почему мне ничего не сказали?

— Вот это да! — вскричал Патрик. — Наша Филлипа не знает. Бьюсь об заклад: она единственная женщина в Чиппинг-Клеорне, которая ничего не знает!

Филлипа вопросительно взглянула на него.

— Узрим мы вскоре, — театрально воскликнул Патрик и взмахнул рукой, — убийства сцену!

В глазах Филлчпы мелькнуло удивление.

— Вот это, — Патрик указал на хризантемы, — похоронные венки, а оливки и сырные палочки символизируют поминальное угощенье.

Филлипа перевела непонимающий взгляд на мисс Блеклок.

— Это что, шутка? — спросила она. — Вы же знаете, я начисто лишена чувства юмора.

— Это очень гадкая шутка! — возбужденно откликнулась мисс Баннер. — И мне она совсем не нравится.

— Покажи ей объявление, — сказала мисс Блеклок. — А я пойду загоню уток. Уже темно. Им пора домой.

— Давайте я схожу, — сказала Филлипа.

— Ну что ты, дитя мое. На сегодня твоя работа закончена.

— Тогда давайте я, — предложил Патрик.

— Нет-нет, ни в коем случае, — решительно возразила мисс Блеклок. — В прошлый раз ты плохо задвинул засов.

— Летти, дорогая, позволь пойти мне! — закричала мисс Баннер. — Честное слово, я с удовольствием! Вот только галоши надену и джемпер… куда он запропастился?

Но мисс Блеклок, улыбаясь, уже выходила из комнаты.

— Дохлый номер, Банни, — сказал Патрик. — У тети Летти уйма энергии, она не выносит, когда что-нибудь делают за нее. Она везде хочет поспеть сама.

— Да, ей это нравится, — поддакнула Джулия.

— Правда, ты, кажется, и не предлагала ей своих услуг, — поддел Джулию брат. Девушка лениво улыбнулась.

— Ты же сам только что сказал, что тетя Летти любит все делать сама. И потом, — она вытянула

вперед красивую ногу в тонком чулке, — я же надела свои выходные чулки.

— Смерть в шелковых чулках, — с пафосом произнес Патрик.

— Не в шелковых, кретин, это капрон.

— Капрон не звучит.

— Послушайте, может, кто-нибудь объяснит мне, жалобно попросила Филлипа, — почему здесь столько говорят о смерти?

Все загалдели, перебивая друг друга, хотели показать ей “Газету”, но не смогли — Мици унесла ее на кухню.

Через несколько минут вернулась мисс Блеклок.

— Ну, — оживленно начала она, бросая беглый взгляд на часы, — теперь все готово. А времени — двадцать минут седьмого. Значит, так: или сейчас кто-нибудь пожалует, или я плохо знаю своих соседей.

— Но с какой стати им приходить? — в замешательстве спросила Филлипа.

— Неужели, дорогая, ты действительно не в курсе? Хотя похоже, что нет. Да, такую нелюбопытную особу еще надо поискать.

— Отношение Филлипы к жизни можно выразить одним словом: равнодушие, — гаденьким

тоном произнесла Джулия.

Филлипа предпочла промолчать.

Мисс Блеклою огляделась по сторонам.

Мици успела поставить на стол бутылку хереса и три блюда — с оливками, сырными палочками и какими-то печеньицами.

— Патрик, если тебе не трудно, перенеси поднос… нет, лучше передвинуть стол в угол, в ту нишу. В конце концов, у нас ведь не званый ужин. Я лично никого не приглашала. И не хочу, чтобы все сразу решили, будто я жду гостей.

— Тетя Летти, неужели вы хотите скрыть свою мудрую прозорливость?

— Прекрасно сказано, Патрик. Спасибо, дорогой.

— Изобразим же тихий семейный вечер в домашнем кругу, — сказала Джулия, — а при виде нежданных гостей выразим искреннее удивление.

Мисс Блеклок взяла бутылку хереса и застыла в нерешительности.

— Да здесь почти полбутылки, — попытался успокоить ее Патрик. — Должно хватить.

— Конечно… конечно. — Мисс Блеклок, однако, колебалась. Потом, слегка зардевшись, произнесла:

— Патрик, пожалуйста… там, в кладовке, в шкафу, стоит еще одна бутылка. Принеси ее и захвати штопор. Я… мы вполне можем поставить и новую бутылку. А эта… эта уже початая.

Патрик молча исполнил ее просьбу. Откупорив бутылку и, поставив ее на поднос, он с любопытством поглядел на мисс Блеклок.

— А вы, никак, принимаете все всерьез? — ласково спросил он.

— О-о! — воскликнула шокированная Дора Баннер. — Нет, Летти, неужели ты даже думаешь…

— Тсс, — резко оборвала ее мисс Блеклок. — Звонок. Видите, как я мудра и прозорлива?

Мици распахнула дверь в гостиную и впустила полковника Истербрука с женой. У Мици была своеобразная манера объявлять о приходе гостей.

— Тут этот… полковник и миссис Истербрук… явились, — фамильярно сообщила она.

Пытаясь скрыть смущение, полковник вел себя разудало.

— Ничего, что мы так ввалились? — сказал он. (С кресла, где сидела Джулия, раздался тихий смешок.) — Просто проходили мимо и решили заскочить. Промозглый сегодня вечерок. Я смотрю, вы уже топите. А мы еще не начинали.

— Что за прелесть ваши хризантемы! — зашлась от восторга миссис Истербрук.

— А по-моему, тут и смотреть не на что, — возразила Джулия.

С Филлипой Хаймс миссис Истербрук поздоровалась с особой, чуть преувеличенной сердечностью, желая подчеркнуть, что понимает, насколько Филлипа выше обычных сельскохозяйственных рабочих.

— Как поживает садик миссис Лукас? — поинтересовалась она. — Вы полагаете, его можно привести в божеский вид? Он ведь в полнейшем запустении… всю войну без ухода… да и после войны им никто не занимался… этот противный старикан Эш только подметал листья и посадил немного капусты.

— Да, сад можно привести в порядок, — кивнула Филлипа. — Но это потребует времени.

Мици снова распахнула дверь и выпалила:

— Тут эти… дамы из Боулдерс.

— Добрый вечер. — Миссис Хинчклифф в два шага пересекла всю комнату и стиснула руку мисс Блеклок в своей огромной клешне. — Я, знаете ли, и говорю Мергатройд: “А не нагрянуть ли нам в Литтл-Педдокс?” Я хотела спросить, как ваши утки, уже сели на яйца?

— Так быстро стало смеркаться, не правда ли? — чуть взволнованно обратилась мисс Мергатройд к Патрику. — Какие прелестные хризантемы!

— Дохлые, — буркнула Джулия.

— Могла бы и не вредничать, — с упреком шепнул ей Патрик.

— А, вы затопили! — сказала мисс Хинчклифф: в ее устах это прозвучало как обвинение. — Рановато.

— В это время года в доме ужасно сыро, — виноватым тоном произнесла мисс Блеклок.

Патрик просигналил бровями: “Подавать херес?” И мисс Блеклок послала ответный сигнал: “Пока не надо”. Она вернулась к полковнику Истербруку:

— Вам прислали из Голландии луковицы тюльпанов?

Дверь вновь отворилась, и вплыла немного пристыженная миссис Светтенхэм, за спиной которой маячил хмурый и сконфуженный Эдмунд.

— А вот и мы! — весело воскликнула миссис Светтенхэм и с явным любопытством посмотрела по сторонам. Потом смутилась и добавила:

— Я просто решила забежать… узнать, не нужен ли вам котенок, мисс Блеклок. Наша кошка вот-вот…

— Принесет потомство от рыжего кота, — сказал Эдмунд. — Результат будет ужасающим. Так что потом не говорите, что я вас не предупреждал.

— Она прекрасно ловит мышей, — поспешно вставила миссис Светтенхэм. И добавила:

— Какие прелестные хризантемы!

— А вы, я вижу, затопили, — пытаясь выглядеть оригинальным, изрек Эдмунд.

— До чего же люди похожи на граммофонные пластинки! — прошептала Джулия.

— Последние сводки новостей мне не нравятся, — говорил полковник Истербрук, вцепившись в Патрика мертвой хваткой. — Не нравятся, и точка! Спросите меня, и я отвечу: война неизбежна… неизбежна — и точка.

— Я не интересуюсь последними сводками новостей, — сказал Патрик.

Дверь открылась опять, и вошла миссис Хармон. Пытаясь одеться помоднее, она нацепила на затылок поношенную фетровую шляпку, а вместо обычного свитера напялила несуразную блузку с рюшечками.

— Здравствуйте, мисс Блеклок! — лучезарно улыбаясь, воскликнула она. — Я не опоздала, нет? Когда у вас начнется убийство?

Все ахнули. Джулия одобрительно хихикнула, Патрик сморщился, а мисс Блеклок растянула губы в улыбке.

— Джулиан рвал и метал, что не может прийти, — сказала миссис Хармон. — Он обожает убийства. Из-за них он прочел такую чудесную проповедь в прошлое воскресенье… наверно, мне не стоит ее хвалить, как-никак он мой муж, но она действительно удалась, правда же? Куда больше, чем остальные проповеди… А все из-за романа “Смерть строит козни”. Вы читали? Продавщица из Бутса[8] отложила для меня экземплярчик. Там ничего не разберешь. Думаешь: наконец-то хоть что-то прояснилось, и вдруг на тебе — опять ничего не понятно! А убийств сколько… четыре или даже пять, просто прелесть! Я забыла книжку в кабинете, а Джулиан там готовился к проповеди. Он решил взглянуть, зачитался и не смог оторваться до самого конца. В общем, проповедь пришлось составлять наспех, без всяких там ученых выкрутасов, и, конечно, получилось в сто раз лучше. Господи, я совсем заболталась! Так когда же, скажите на милость, начнется убийство?

---

[8] notes: 8

Бутс — однотипные аптеки, принадлежащие компании Бутс, в которых кроме аптекарских товаров продаются также некоторые предметы домашнего обихода — книги, канцелярские принадлежности и т.п.

Мисс Блеклок взглянула на каминные часы.

— Если ему суждено начаться, — бодро ответила она, то уже вот-вот. До половины седьмого осталась одна минута. А пока выпейте хересу.

Патрик с готовностью устремился в проход под аркой. Мисс Блеклок подошла к столику, сдвинутому в нишу, и потянулась за сигаретами.

— Я-то с удовольствием выпью, — сказала миссис Хармон. — Но почему вы говорите “если”?

— Так ведь я, — пожала плечами мисс Блеклок, — пребываю в таком же неведении, как и вы. Откуда мне знать…

Она осеклась и повернула голову на бой каминных часов. Звук был нежный, мелодичный, похожий на звон серебряных колокольчиков. Все замолчали и замерли, глядя на циферблат.

Часы отбили четверть, потом половину. И едва затих последний звук, комната погрузилась во тьму.

Послышались восхищенные вздохи и женский писк. “Началось!” — в экстазе воскликнула миссис Хармон. Дора Баннер жалобно захныкала: “Ой, мне это совсем не нравится!” Раздавались и другие голоса: “Какой ужас, какой ужас! Жуть как страшно!.. У меня мурашки по коже!..”, “Арчи, где ты…”, “Что мне делать?..”, “О Господи, кажется, я

наступила вам на ногу. Простите, пожалуйста”.

Потом с грохотом отворилась дверь. Яркий свет фонаря замельтешил по комнате. Хриплый мужской голос скомандовал:

— Руки вверх, руки вверх, кому говорят!

Все сразу почувствовали себя героями кинобоевика и восхищенно подняли руки над головой.

— Ну, разве не замечательно? — выдохнула какая-то дамочка. — Просто с ума сойти.

И вдруг раздался выстрел. Затем второй. Свист пуль вдребезги разбил всеобщее благодушие. Игра перестала быть игрой. Кто-то взвизгнул…

Внезапно человек в дверях обернулся и на мгновение словно замер, потом грянул третий выстрел, и незнакомец упал. Фонарь выпал из его руки и погас. Все опять погрузилось во мрак. А дверь в гостиную медленно, со слабым, негодующим стоном закрылась и защелкнулась.

В комнате было вавилонское столпотворение. Все наперебой кричали: “Свет, включите свет!.. Неужели нельзя найти выключатель?”… “У кого есть зажигалка?”… “Ой, не нравится мне это, не нравится!”… “Но ведь стреляли по-настоящему!”… “У него был настоящий пистолет!”… “Это кто — грабитель?”… “Арчи, Арчи, я хочу выбраться отсюда!”… “Ради Бога, есть у кого-нибудь

зажигалка?..”

Затем почти одновременно щелкнули две зажигалки, и вспыхнуло два маленьких ровных пламени.

Щурясь, все смотрели друг на друга. Лица были испуганные. Возле стены у прохода под аркой, прижав руку к лицу, стояла мисс Блеклок. Что-то темное сочилось у нее между пальцами; ничего больше при слабом свете разглядеть было невозможно.

Полковник Истербрук откашлялся и даже встал ради такого случая.

— Попробуйте выключатель, Светтенхэм, — приказал он.

Застывший возле двери Эдмунд послушно щелкнул выключателем.

— Или это на станции, или пробки, — изрек полковник. — А там что за базар?

Где-то за дверью вопил-разрывался женский голос. Он завопил еще истошней, и кто-то забарабанил в дверь. Тихо всхлипывающая Дора Баннер воскликнула:

— Это Мици! Мици убивают!..

— Как же! Дождешься такого счастья! — пробормотал Патрик.

Мисс Блеклок сказала:

— Надо достать свечи, Патрик, ты не мог бы…

Но полковник уже открыл дверь. Они с Эдмундом, светя перед собой зажигалками, вышли в холл и чуть не споткнулись о лежащего на полу человека.

— Похоже, подбит, — сказал полковник. — Ну, где ваша горлодерка?

— В столовой, — ответил Эдмунд. Двери столовой выходили в холл. Кто-то бился о стены, выл и визжал.

— Ее заперли, — сказал, наклоняясь и ища замочную скважину, Эдмунд.

Он повернул ключ, и Мици выпрыгнула из комнаты, как тигр из клетки. В столовой свет горел. Стоявшая против него Мици являла собой картину неописуемого ужаса и продолжала визжать. Во всей ситуации было нечто комическое, потому что в момент нападения она чистила столовое серебро и до сих пор сжимала в одной руке шкурку, в другой — длинный нож для рыбы.

— Успокойся, Мици, — сказала мисс Блеклок.

— Прекрати! — поддержал ее Эдмунд, но поскольку замолкать Мици явно не собиралась, то он подался вперед и влепил ей звонкую пощечину. Мици судорожно глотнула воздуха, икнула и замолчала.

— Достаньте свечи, — велела мисс Блеклок. — Они на кухне в шкафу. Патрик, ты знаешь, где у нас пробки?

— В коридоре за моечной? Сейчас посмотрю.

Мисс Блеклок вступила в полосу света, падавшего из столовой, и Дора Баннер захлебнулась рыданиями. Мици издала еще один душераздирающий вопль.

— Кровь! Кровь! — истошно заголосила она. — Вас стреляли, мисс Блеклок… Вы умереть от потери крови.

— Не глупи! — оборвала ее мисс Блеклок. — Я совсем не ранена. Только ухо слегка задето.

— Но, тетя Летти, — сказала Джулия, — это действительно кровь.

И правда, белая блузка мисс Блеклою, ее жемчужное ожерелье, руки — все было запачкано кровью.

— Уши всегда сильно кровоточат, — сказала мисс Блеклок. — Помню, как-то в детстве я упала в обморок в парикмахерской. Мастер чуть-чуть порезал мне ухо, а крови натекло чуть не целый таз. Но надо зажечь свет — У меня есть свечи, — подала голос Мици. Джулия пошла вместе с ней, и они принесли несколько свечей, поставленных на блюдца.

— Ну-ка, ну-ка, взглянем на нашего злодея, — сказал полковник. — Опустите свечу пониже! Ниже, как можно ниже.

— Я зайду с другой стороны, — сказала Филлипа.

Твердой рукой она взяла пару блюдец. Полковник Истербрук опустился на колени.

Поверженный человек был одет в грубо сшитый черный плащ с капюшоном. Черная маска закрывала ему лицо, черные хлопчатобумажные перчатки — руки Капюшон сполз, и из-под него выбились взъерошенные светлые волосы.

Полковник Истербрук перевернул его, пощупал пульс, послушал, бьется ли сердце, и, с возгласом отвращения отдернув руки, воззрился на них Руки были липкими и красными.

— Застрелился, голубчик, — сказал полковник. — Может, это самоубийство, а может, он запутался в плаще, и в момент падения пистолет разрядился. Если б разглядеть получше…

И тут, как по мановению волшебной палочки, зажегся свет.

Со странным чувством, будто все происходит невзаправду, обитатели Чиппинг-Клеорна, стоявшие в холле Литтл-Педдокса, вдруг поняли, что у них на глазах трагически погиб человек. Рука

полковника Истербрука была красной от крови. Кровь все еще стекала по шее мисс Блеклок, капая на блузку и юбку, а на полу лежал, нелепо растянувшись, незваный гость.

— Кажется, только одна пробка перегорела, — начал было, войдя в комнату, Патрик и осекся.

Полковник потянулся к маленькой черной маске, закрывавшей лицо погибшего.

— Давайте-ка взглянем, что это за тип. Хотя, думаю, мы вряд ли его знаем.

Он сорвал маску. Все вытянули шеи. Мици икнула, судорожно ловя ртом воздух. Остальные стояли, как будто окаменев.

— Совсем молоденький, — с жалостью в голосе протянула миссис Хармон.

И вдруг Дора Баннер взволнованно закричала:

— Летти, Летти, да это ж молодой человек из отеля “Спа” в Меденхэм-Уэллсе! Он еще приходил к нам и просил, чтобы ты дала ему денег для возвращения в Швейцарию, а ты отказалась. Наверное, это был лишь предлог, чтобы проникнуть в дом и хорошенько все тут разглядеть! Боже, Боже, он ведь мог убить тебя!..

Мисс Блеклок взяла инициативу в свои руки:

— Филлипа, отведи Банни в столовую и дай ей полстакана бренди. Джулия, дорогая, сбегай

в ванную и принеси мне из шкафчика лейкопластырь, а то противно — кровь так и хлещет. А ты, Патрик, будь добр, немедленно позвони в полицию.

Глава 4
Отель “Ройял Спа”

Джордж Райдсдейл, начальник полиции Мидлшира[9], был человеком спокойным. Этот среднего роста мужчина с проницательными глазами под кустистыми бровями имел обыкновение больше слушать, чем говорить. Выслушав собеседника, он бесстрастным голосом отдавал краткие приказания, и они выполнялись неукоснительно.

Сейчас он слушал инспектора Дермута Креддока, которому было поручено расследование происшествия в Литтл-Педдоксе. Вчера ночью Райдсдейл отозвал его из Ливерпуля, куда Креддока послали для наведения справок по другому делу. Райдсдейл высоко ценил Креддока. Тот обладал не только острым умом и богатым воображением, но, что было для Райдсдейла еще важнее, выдержкой и терпением, позволяющими вести расследование очень медленно, перепроверяя каждый факт и сохраняя способность мыслить

---

[9] notes: 9

Миддлшир — название приграничных районов между Англией и Шотландией, введенное королем Яковом Первым (правил 1603—1625).

непредубежденно до самого конца следствия.

— Вызов принял констебль Легг, сэр, — говорил Креддок. — Он проявил оперативность и не потерял присутствия духа. А это было нелегко. Вообразите себе десяток людей, галдящих наперебой, да еще эта беженка, которая боится полицейских, как черт ладана. Она решила, что попала в ловушку, и вопила так, что чуть стены не обрушились.

— Вы установили личность покойного?

— Да, сэр. Это Руди Шерц. Швейцарец. Работал администратором в отеле "Ройял Спа" в Меденхэм-Уэллсе. Если вы не возражаете, сэр, я сначала выясню все в отеле, а потом отправлюсь в Чиппинг-Клеорн. Там сейчас сержант Флетчер. Он должен встретиться с шоферами автобусов, а после пойти в Литтл-Педдокс.

Райдсдейл одобрительно кивнул.

Открылась дверь. Начальник полиции поднял глаза.

— Входите, Генри, — сказал он. — У нас довольно необычное дело.

Сэр Генри Клитеринг, высокий, видный мужчина средних лет, бывший комиссар Скотленд-Ярда, изумленно поднял брови.

— Неужели мы сумели вас заинтересовать?

При вашей-то пресыщенности!

— Ну, уж пресыщенным я никогда не был, — с негодованием возразил сэр Генри.

— Последний крик моды, — сказал Райдсдейл, — объявлять об убийстве заранее. Креддок, покажите сэру Генри объявление.

Сэр Генри прочел то место, куда ткнул пальцем Креддок.

— Гм, действительно необычно.

— А вам известно, кто дал объявление? — спросил Райдсдейл у Креддока.

— Судя по описаниям, сэр, сам Руди Шерц. В эту среду.

— И оно никого не заинтриговало? Не удивило человека, который его принимал?

— Тщедушная блондинка, сидящая на приеме объявлений, совершенно неспособна думать. По крайней мере, у меня создалось такое впечатление, сэр. Она просто сосчитала количество слов и взяла деньги.

— Но зачем он это затеял?

— Чтобы собрать побольше местных зевак, — предположил Креддок. — Собрать их в определенном месте в определенное время, потом крикнуть: “Руки вверх!” — и быстренько облегчить их карманы от лишних денег и драгоценностей.

Идея довольно оригинальная.

— А что за местечко Чиппинг-Клеорн? — спросил сэр Генри.

— Большая, растянувшаяся на несколько миль, живописная деревня. Есть лавка мясника, зеленщика, булочная, вполне приличный антикварный магазинчик, две чайные. Красивое местечко. “Приманка для туристов”. Плотно заселено. Раньше в коттеджах жили фермеры, а теперь там обитают старые девы и пожилые супружеские пары. Значительное число домов построено в викторианскую эпоху.

— Представляю, — сказал сэр Генри. — Милые настырные старушки и отставные полковники. Эти действительно явятся, прочитав объявление, и станут вынюхивать что к чему. Много бы я дал за то, чтобы одна такая настырная старушка оказалась в то время там. Моя давняя знакомая. Уж она бы вцепилась в эту историю своими маленькими зубками. Это вполне в ее духе.

— И кто же она, эта ваша старушка, сэр Генри? Тетушка?

— О нет, — вздохнул сэр Генри. — Она мне не родственница… Но она — самый лучший сыщик на свете. Гений сыска, взращенный на благодатной почве.

Он повернулся к Креддоку.

— И вам не стоит пренебрегать старушками в вашей деревне, мой мальчик. Запомните на случай, если дело окажется запутанным: пожилая незамужняя женщина, занятая преимущественно вязаньем и обихаживанием клумб в своем саду, всегда даст сто очков вперед любому следователю. Она расскажет вам, что могло произойти и что должно было произойти, и даже — что на самом деле произошло. А главное — она расскажет, почему это произошло!

— Буду иметь в виду, сэр, — кивнул инспектор Креддок, стараясь держаться как можно официальной. Никто не догадался бы, что Дермут Эрик Креддок — крестник сэра Генри и отношения у них самые что ни на есть дружеские.

Райдсдейл кратко изложил суть дела сэру Генри.

— Можно было поручиться, что они соберутся в половине седьмого, — сказал он. — Но откуда было об этом знать нашему швейцарцу? И еще одно: как он мог быть уверен, что ему будет чем поживиться?

— Да, улов бы был невелик… Пара старомодных брошек, нитка фальшивого жемчуга, одна, максимум две банкноты, — задумчиво протянул

сэр Генри. — А мисс Блеклок хранит дома много денег?

— Вроде бы нет, сэр. Фунтов пять, не больше.

— Выходит, поживиться особо нечем, — сказал Райдсдейл.

— То есть вы думаете, — спросил сэр Генри, — что молодчику просто нравились розыгрыши? Что это был не грабеж, а маскарад, игра в налетчика? Как в кино? М-да, вполне вероятно. Но как он умудрился застрелиться?

Райдсдейл протянул ему бумагу.

— Предварительное медицинское заключение. Выстрел произведен с близкого расстояния… ожоги… гм… но отсюда никак не следует, что это такое: самоубийство или несчастный случай. Может, он застрелился, а может, пистолет разрядился случайно, когда молодой человек споткнулся и упал. Вероятнее всего последнее. — Сэр Генри посмотрел на Креддока. — Надо очень деликатно опросить свидетелей, так, чтобы они точно описали, что же они на самом деле видели.

Инспектор Креддок вздохнул:

— Каждый из них видел свое.

— Меня всегда занимал вопрос, — сказал сэр Генри, что видят люди в минуту крайнего возбуждения или нервного напряжения? А еще

интересней: чего же они не видят?

— Каковы характеристики пистолета?

— Марка иностранная… в Европе таких довольно много. Шерц не имел разрешения на ношение оружия. Когда он въезжал в Англию, то не заявил о пистолете.

— Вот негодяй! — сказал сэр Генри.

— Да, сомнительный тип, с какой стороны ни посмотри. Ну, Креддок, можете идти. Выясните все, что можете, о Руди Шерце в отеле “Ройял Спа”.

В “Ронял Спа” Креддока сразу же провели в контору управляющего.

Управляющий Роулендсон, высокий румяный добряк, принял его с бурным радушием.

— Счастлив буду помочь, чем смогу, инспектор. Воистину для меня это неожиданность. Вот уж никогда бы не поверил… Шерц казался мне таким заурядным парнем, симпатичным, но обыкновенным. Никак не могу представить его в роли налетчика.

— Как долго он работал у вас, мистер Роулендсон?

— Как раз перед вашим приходом я рылся в бумагах. Он проработал тут чуть больше трех месяцев. Представил хорошие рекомендации,

нужные разрешения… все что полагается.

— И вы были им довольны?

— Вполне.

Однако Креддок заметил, что Роулендсон слегка замялся. Тогда инспектор прибегнул к испытанному средству:

— Ну-ну, мистер Роулендсон, — сказал он, ласково покачивая головой, — вы не до конца со мной откровенны.

— Э-э… — Похоже было, что управляющий застигнут врасплох.

— Ну-ну! Ведь что-то было не так. А что именно?

— В том-то и загвоздка, что не знаю.

— Но вам казалось, что что-то неладно.

— Да-да… я… но у меня нет доказательств. И мне не хотелось бы, чтобы мои домыслы были занесены в протокол и обернулись потом против меня.

Креддок любезно улыбнулся.

— Я вас понял. Не беспокойтесь. Мне просто нужно уяснить, что из себя представлял этот Шерц. Вы его подозревали. В чем?

— Пару раз у нас возникали сложности со счетами, — произнес Роулендсон довольно нерешительно. — Туда было включено то, чего не следовало бы включать.

— То есть вы подозревали Шерца в том, что он запрашивал деньги за услуги, которые не числятся в прейскуранте гостиницы, а разницу прикарманивал?

— Примерно так. В лучшем случае — речь шла о непростительной небрежности с его стороны. Дважды это касалось весьма крупных сумм. Если честно, то я заставил нашего бухгалтера проверить все книги Шерца, предполагая найти… мм… ошибки, но, хотя было обнаружено несколько неточностей и записи велись весьма небрежно, в целом касса оказалась на месте. Так что я сделал вывод, что напрасно его обвинял.

— Ну а если нет? Что, если Шерц брал небольшие суммы, урывая понемножку то тут, то там, а потом покрывал недостачу за счет оборота взятых ранее средств?

— Это было бы возможно, если бы у него были деньги. Но люди, которые, как вы изволили выразиться, “урывают понемножку то тут, то там”, обычно нуждаются в деньгах, а получая, сразу же их тратят.

— Значит, если бы Шерцу понадобилось покрыть недостачу, ему нужно было бы раздобыть денег… например, ограбить кого-нибудь?

— Да. Интересно, это первая его попытка?

— Вероятно. Проделано все очень неумело. А кто мог, что называется, подкидывать ему деньжат? Может, у него была женщина?

— Была, одна официантка из гриль-бара. Ее зовут Мирна Хэррис.

— Пожалуй, мне стоит с ней переговорить.

Мирна Хэррис оказалась миловидной девушкой, курносенькой, с огромной копной рыжих волос.

Она была встревожена и держалась напряженно, ее явно возмущало, что приходится отвечать на расспросы полицейского.

— Я ничего не знаю, сэр. Абсолютно ничего! Знай я, что он за типчик, ни за что не стала бы с ним связываться. А так я видела, что он работает в отеле, и думала, что человек приличный. Мне так казалось. А вообще-то гостиницам надо тщательней отбирать персонал, особенно иностранцев. С ними нужно держать ухо востро. Он, наверно, был из тех гангстеров, о которых пишут в газетах.

— Мы полагаем, — сказал Креддок, — что он действовал в одиночку.

— Подумать только, такой спокойный, солидный! Никогда бы не заподозрила! Правда, у меня пропало несколько вещей, я только сейчас вспом-

нила. Брошка с бриллиантиком и небольшой золотой медальончик. Но я даже мысли не допускала, что это Руди.

— Охотно верю, — сказал Креддок. — Кого угодно можно ввести в заблуждение. А вы хорошо его знали?

— Да как вам сказать…

— Но вы были в дружеских отношениях?

— О да, именно в дружеских, не больше. Ничего серьезного между нами не было. Я не доверяю иностранцам. Поди разберись, что у них на уме… Ох уж эти мне поляки, как они вели себя во время войны! Да и американцы тоже не лучше. Ни за что не признаются, что женаты, а когда выяснят, уже поздно… Руди любил пустить пыль в глаза, но я не очень верила его россказням. Креддок ухватился за ее последнюю фразу.

— Пустить пыль в глаза? Любопытно… Мисс Хэррис, я вижу, вы сможете нам помочь. Как это он пускал пыль в глаза?

— Ну… распинался, какие у него богатые предки в Швейцарии, какие они важные персоны. Но не больно-то это вязалось с тем, что он постоянно сидел без денег. Он уверял, будто не смог вывезти свои капиталы из Швейцарии из-за таможенных ограничений. Может, оно и правда, но шмотки

его были не очень-то… Я об одежде. В них не было шику. И я думаю, большинство его россказней — чистое вранье. И о восхождении на Альпы, и о том, как он спасал людей на леднике. А у самого голова закружилась, когда мы взобрались на нашу горку Боултерс. Тоже мне! Альпы!..

— Вы проводили много времени вместе?

— Д-да… много. Он был ужасно хорошо воспитан и знал, как… ну… как ухаживать за девушкой. В кино брал лучшие билеты. И даже цветочки дарил иногда. И потом, он классно танцевал… просто классно!

— А он когда-нибудь упоминал мисс Блеклок?

— Ту, что приезжает к нам иногда пообедать? Она еще останавливалась как-то в гостинице… Нет, вроде бы нет. Я и понятия не имела, что он с ней знаком.

— А он не говорил про Чиппинг-Клеорн?

Креддоку показалось, что во взгляде Мирны Хэррис промелькнула настороженность. Но, может быть, только показалось…

— Да нет… Правда, как-то он спросил про автобусы, как они ходят, но я не уверена, что ему было нужно именно в Чиппинг-Клеорн. Не могу вспомнить. Это было довольно давно.

Больше инспектору не удалось ничего у нас

выудить. Руди Шерц вел себя как обычно. Накануне налета она его не видела. Мирна и понятия не имела, ни малейшего (она особенно на это упирала), что Руди Шерц — проходимец.

“И вероятно, — подумал Креддок, — девица говорит правду”.

Глава 5
Мисс Блеклок и мисс Баннер

Литтл-Педдокс оказался примерно таким, каким и представлял его себе инспектор. Он обратил внимание на цыплят и уток и на цветочный бордюр, который еще совсем недавно выглядел просто прелестно и где теперь последним всплеском летней красоты цвело несколько пурпурных астр. На лужайках и тропинках были следы запустения.

Креддок сделал вывод, что у хозяев, очевидно, нет денег на садовника, но цветы здесь любят: клумбы разбиты со вкусом. Дом нуждается в покраске. Большинство домов сейчас нуждается в покраске. Ах уж эти миленькие особнячки!..

Машина Креддока остановилась около парадного входа, и тут же из-за угла вынырнул сержант Флетчер. Выправкой он напоминал гвардейца и обладал способностью вкладывать множество различных значений в одно коротенькое слово “сэр”.

— Вот вы где, Флетчер.

— Сэр, — сказал сержант.

— Какие новости?

— Только что закончили осмотр дома, сэр. Похоже, Шерц не оставил отпечатков пальцев. Понятное дело он же был в перчатках. Следов взлома нет ни на дверях, ни на окнах. Наверно, он приехал на автобусе из Меденхэма и появился тут в шесть. Черный ход, я так понимаю, закрыли в семнадцать тридцать. Видимо, он прошел через парадный. Мисс Блеклок утверждает, что эта дверь не запирается допоздна, пока все не лягут спать. Но служанка показала, что парадная дверь была заперта целый день; правда, она может сказать что угодно. Девушка с норовом, сами убедитесь. Какая-то беженка с континента.

— Трудновато с ней?

— Сэр! — с чувством произнес сержант Флетчер.

Креддок улыбнулся.

Флетчер продолжал докладывать:

— Освещение везде в порядке. Пока что не удалось установить, что он сделал с проводкой — свет отключился в гостиной и в холле. Конечно, сейчас бра и верхний свет проводят раздельно, но здесь старая система освещения. Даже не представляю, что он мог сделать такого с пробками, ведь они находятся около кладовки, и, чтобы

добраться до них, ему пришлось бы идти через кухню, а тогда служанка его бы увидела.

— А если она была с ним заодно?

— Вполне вероятно. Оба они иностранцы… я бы ни одному ее слову не поверил, ни единому.

Креддок поймал на себе испуганный взгляд огромных черных глаз. Кто-то смотрел на него из окна возле главного входа. Лица, расплющенного об оконное стекло, было почти не разглядеть.

— Она?

— Так точно, сэр.

Лицо исчезло.

Креддок позвонил.

Ждал он довольно долго. Наконец дверь открыла хорошенькая девица с каштановыми волосами и с выражением скуки на лице.

— Инспектор Креддок.

Девица вперила в него холодный взгляд удивительно красивых миндалевидных глаз и ответила:

— Проходите. Мисс Блеклок ждет вас.

Креддок заметил, что холл длинный, узкий, и в него выходит очень много дверей.

Между тем скучающая девица распахнула одну из дверей на левой стороне и сказала: “Тетя Летти, к вам инспектор Креддок. Мици открыть не

пожелала. Она заперлась в кухне и издает оттуда восхитительные стоны. Полагаю, что ленча мы сегодня не дождемся". Потом повернулась к Креддоку и пояснила: "Мици не любит полицейских". После чего удалилась, прикрыв за собой дверь.

Креддок сделал шаг навстречу хозяйке Литтл-Педдокса. Перед ним стояла высокая энергичная женщина лет шестидесяти. Ее седые волнистые волосы служили великолепной оправой для умного решительного лица. Проницательные серые глаза и волевой подбородок. Левое ухо перевязано. Косметикой дама не пользовалась и была одета в простой, хорошего покроя, пиджак, юбку и свитер. На шее поверх свитера у нее красовалось старомодное ожерелье из жемчуга, плохо сочетавшееся с костюмом. Этот отголосок викторианской эпохи указывал на некоторую сентиментальность, которая внешне никак больше не проявлялась.

Рядом с ней стояла женщина примерно того же возраста, на ее круглом лице было написано усердие, а растрепанные волосы выбивались из-под сеточки; Креддок без труда угадал в ней Дору Баннер, которую констебль Легг назвал в докладной записке "компаньонкой", а на словах добавил, что она "немножко с приветом".

Мисс Блеклок заговорила приятным голосом — чувствовалось хорошее воспитание:

— Доброе утро, инспектор. Это моя подруга, мисс Баннер, она помогает мне вести хозяйство. Не желаете ли присесть? Вы не курите, я надеюсь?

— Только в свободное от работы время.

— Зря, надо бросать.

Креддок окинул комнату быстрым опытным взглядом. Типичная сдвоенная гостиная викторианских времен. Два продолговатых окна в этой комнате, в другой — эркер[10], стулья, диван, посреди комнаты стол, на нем в большой вазе хризантемы, на окне другая ваза… все чистенькое, миленькое, но довольно ординарное. Из общей картины выпадала только маленькая вазочка с увядшими фиалками. Креддоку не верилось, что мисс Блеклок могла бы терпеть у себя в комнате увядшие цветы, и решил, что недосмотр объясняется пережитым потрясением.

— Если я правильно понял, мисс Блеклок… э-э… инцидент имел место именно здесь? — спросил он.

— Да.

---

[10] notes: 10

Эркер — часть внутреннего объема здания, вынесенная за пределы наружной стены.

— Видали бы вы нашу комнату вчера! — воскликнула мисс Баннер. — Ну и кавардак был! Два столика перевернуты, от одного ножка отлетела… темень, сутолока… кто-то бросил зажженную сигарету и подпалил один из столиков. Люди, а в особенности молодежь, так наплевательски относятся к вещам! Хорошо хоть фарфор цел остался.

Мисс Блеклок мягко, но решительно осадила ее:

— Дора, конечно, это все досадно, но, право же, ты говоришь о мелочах. По-моему, нам лучше отвечать на вопросы инспектора.

— В таком случае, мисс Блеклок, я сразу перейду к вчерашнему вечеру. Прежде всего мне хотелось бы знать, когда вы впервые увидели Руди Шерца?

— Руди Шерца? — удивленно переспросила мисс Блеклок. — Вот, значит, как его зовут. А я думала… Впрочем, не важно. Впервые я увидела его, когда приехала в Меденхэм за покупками, это было… дай Бог памяти… недели три тому назад. Мы с мисс Баннер обедали в “Ройял Спа”. Мы уже собрались уходить, как вдруг я услышала, что меня кто-то окликнул. И увидела этого молодого человека. Он сказал: “Простите, вы случайно не мисс Блеклок?” И продолжил, что, может быть, я

его не помню, но он сын владельца отеля “Альпы” в Монтре. Во время войны мы с сестрой прожили там около года.

— Отель “Альпы”, Монтре, — отметил для себя Креддок. — И вы вспомнили этого юношу?

— Нет. Я совершенно его не помнила. Юноши, работающие в гостиницах, все на одно лицо. Но мы с сестрой так чудесно провели время в Монтре, хозяин гостиницы был чрезвычайно услужлив, и я постаралась сделать вид, что помню его… сказала, что, надеюсь, ему нравится в Англии, а он ответил — да, нравится, дескать, отец послал его сюда на полгода изучать гостиничное дело. Все это звучало очень естественно.

— А следующая ваша встреча?

— Где-то… где-то дней десять назад он вдруг объявился у нас. Я очень удивилась, когда его увидела. Он извинился за беспокойство, но объяснил, что я — единственный человек, которого он знает в Англии. Ему срочно понадобились деньги, чтобы вернуться в Швейцарию, так как мать его серьезно захворала.

— Но Летти не дала ему денег, — задыхаясь, выпалила мисс Баннер.

— О, все это было шито белыми нитками, — решительно заявила мисс Блеклок. — Я поняла,

что тут дело нечисто. Эти его уверения, что, ему не на что вернуться в Швейцарию! Да отец его прекрасным образом мог сюда телеграфировать и все устроить! Владельцы гостиниц все друг друга знают. Я заподозрила его в растрате. — Она помолчала и сухо добавила:

— Может, вы считаете меня жестокой, но я много лет работала секретаршей одного крупного финансиста и привыкла осторожно относиться к просьбам о деньгах. Мне не раз доводилось слышать подобные душещипательные истории. Меня поразило лишь то, — задумчиво прибавила она, — что он так легко сдался. Туг же ушел, даже не попытавшись ничего возразить. Словно и не ожидал никаких денег.

— Теперь, задним числом, вы считаете его просьбу лишь предлогом для того, чтобы проникнуть в дом, не так ли?

Мисс Блеклок уверенно кивнула.

— Когда я его провожала, он отпустил несколько замечаний насчет комнат, например, сказал: “У вас очень милая столовая”. Явная ложь, ведь это жуткая, малюсенькая, темная комнатушка. Он просто хотел туда заглянуть. А потом забежал вперед и открыл дверь, приговаривая: “Я сам”. Наверно, хотел попробовать, как отпирается

замок. Вообще-то мы, как и все, кто здесь живет, не запираем двери до самой темноты. Кто угодно может войти.

— Но черный-то ход был заперт?

— Да. Перед приходом гостей я выходила закрыть уток.

— Дверь была тогда заперта?

Мисс Блеклок наморщила лоб.

— Не припомню. Кажется, да. Но я точно помню, что заперла ее, когда вернулась.

— Это было примерно в четверть шестого?

— Да, где-то так.

— А парадная дверь?

— Обычно ее не запирают допоздна.

— Тогда Шерц мог свободно войти через нее. Или же проскользнуть через черный ход, пока вы загоняли уток. Он уже знал расположение комнат и, очевидно, заметил, где можно спрятаться. Например, в шкафах. В общем, с этим вроде все ясно.

— Прошу прощения, вовсе даже не ясно, — сказала мисс Блеклок. — Зачем, скажите на милость, ему понадобилось вваливаться в дом и устраивать эту комедию с налетом?

— А вы храните деньги дома, мисс Блеклок?

— Ну… фунтов пять здесь, в письменном столе,

и фунт, от силы два, в кошельке.

— А драгоценности?

— Пару колец и эти камеи. Согласитесь, инспектор, это полнейший абсурд.

— Да он вовсе и не был грабителем! — вскричала мисс Баннер. — Сколько раз тебе говорить, Летти? Он мстил! За то, что ты не дала ему денег. И стрелял он именно в тебя… целых два раза.

— Ага, — сказал Креддок. — Вот мы и подошли к вчерашнему вечеру. Что произошло, мисс Блеклок? Расскажите, пожалуйста, только поточней и поподробней.

Мисс Блеклок немного подумала.

— Пробили часы. Те, что на камине. Помню, я сказала, что если чему-то суждено случиться, то оно вот-вот случится. И тут начали бить часы. Мы все молча слушали. Они успели отбить две четверти, и вдруг совершенно неожиданно погас свет.

— Что именно погасло?

— Бра, здесь и в той комнате. Большая люстра и ночники не были включены.

— А перед тем как они погасли, была какая-нибудь вспышка или шум?

— Вроде нет.

— Была, была вспышка, — сказала Дора Бан-

нер. — И треск. Просто ужас!

— Ну, а потом, мисс Блеклок?

— Распахнулась дверь…

— Какая? Их две.

— Эта. Та, другая, не открывается. Она ложная. Открылась дверь, и вошел он, человек в маске. В руках у него был пистолет. Зрелище было совершенно невероятное, но, конечно, в ту минуту я подумала, что это просто глупая шутка. Он что-то сказал… не помню…

— Руки вверх! Стрелять буду, — театрально выкрикнула мисс Баннер.

— Что-то в этом духе, — неуверенно кивнула мисс Блеклок.

— И все подняли руки?

— О да, — сказала мисс Баннер. — Все. Ведь мы думали, это игра.

— Я лично не подняла, — сказала мисс Блеклок. — Все выглядело так глупо, вопиюще глупо. Меня это раздражало.

— Ну, а потом?

— Свет ударил мне прямо в глаза. Он меня ослепил. А затем… я не поверила своим ушам. Пуля просвистела у меня над головой и ударилась в стену. Кто-то взвизгнул, и я ощутила жгучую боль в ухе и услышала второй выстрел.

— Это было чудовищно! — вставила мисс Баннер.

— Ну, а потом что случилось, мисс Блеклок?

— Трудно сказать… От боли и от потрясения у меня голова пошла кругом. Он… он повернулся… похоже, споткнулся, а затем прогремел третий выстрел. Фонарь упал, и начались толчея и гвалт. Впотьмах все натыкались друг на друга.

— А где вы стояли, мисс Блеклок?

— Она стояла возле столика и держала вазочку с фиалками, — опять вылезла вперед мисс Баннер.

— Я была здесь. — Мисс Блеклок подошла к маленькому столику возле прохода под аркой. — Но на самом деле в тот момент я держала сигаретницу.

Инспектор Креддок осмотрел стену за ее спиной. На ней ясно виднелись две дырки от пуль. Сами пули уже изъяли и отправили на экспертизу, чтобы сравнить с пистолетом.

— Вы чудом избежали смерти, мисс Блеклок, — хладнокровно заметил Креддок.

— Он стрелял в нее! — воскликнула мисс Баннер. — Именно в нее! Я его видела. Он наводил фонарь на всех подряд, пока не нашел ее, а потом прицелился и выстрелил. Он хотел тебя убить, Летти.

— Дора, милая, ты просто вбила это себе в голову.

— Он стрелял в тебя, — упрямо повторила Дора. — Он хотел тебя застрелить, а когда промахнулся, то покончил с собой. Именно так все и было, я уверена.

— А по-моему, ни о каком самоубийстве он и не помышлял, — возразила мисс Блеклок. — Не из той он породы.

— Значит, мисс Блеклок, вы до самого последнего момента, вплоть до выстрелов, считали происходящее шуткой?

— Разумеется, а что еще я могла думать?

— И кто, по вашему мнению, выступал в роли шутника?

— Сначала ты подумала на Патрика, — напомнила ей Дора Баннер.

— На Патрика? — резко переспросил инспектор.

— Да, это мой племянник, — так же резко ответила мисс Блеклок и продолжала, раздосадованная поведением подруги:

— Когда я увидела объявление, мне пришло в голову, что Патрик попытался так сострить, но он категорически все отрицал.

— И ты заволновалась, Летти, — сказала мисс

Баннер. — Ты волновалась, хотя и притворялась спокойной. И правильно делала, что волновалась. В газете говорилось: “Объявлено убийство”, и действительно было объявлено убийство, твое убийство. Если бы он не промахнулся, тебя бы уже не было в живых. И что бы тогда с нами было?

Дора Баннер вся дрожала, произнося эти слова. Лицо ее сморщилось; казалось, она вот-вот заплачет.

— Все хорошо, милая Дора, не волнуйся. Тебе вредно. Все хорошо. Это было ужасно, но все позади. — Мисс Блеклок потрепала ее по плечу. — Ради меня, возьми себя в руки, Дора. Ты моя опора, ты ведешь хозяйство. Кстати, кажется, сегодня должны привезти белье из прачечной?

— О Господи, Летти, как хорошо, что ты мне напомнила! Интересно, принесут они пропавшую наволочку? Надо будет это записать. Я сейчас пойду узнаю.

— И унеси фиалки, — сказала мисс Блеклок. — Больше всего на свете я ненавижу увядшие цветы.

— Ах, какая жалость! Я же только вчера их сорвала. Совсем не постояли. О Господи, да я забыла налить в них воды! Представляешь? То и дело что-нибудь забываю! Значит, я пошла выяснять

про белье. Ведь они могут приехать с минуты на минуту.

И, совершенно успокоившись, она поспешила прочь.

— У Банни слабое здоровье, — сказала мисс Блеклок, и ей вредно волноваться. Ну, что еще вы хотели узнать, инспектор?

— Кто, кроме вас, живет в доме и что это за люди?

— Сейчас здесь живут двое моих дальних родственников — Патрик и Джулия Симмонс.

— Дальние родственники? Разве они вам не племянники?

— Нет, хоть они и называют меня тетей Летти; на самом деле они дальняя родня. Их мать моя троюродная сестра.

— И они всегда жили с вами?

— О нет, что вы! Только два последних месяца. До войны они жили на юге Франции. Когда началась война, Патрика призвали на флот, он воевал, а Джулия, кажется, работала в каком-то министерстве. Они жили в Льяндудно. Когда война кончилась, их мать написала мне: попросила, чтобы они пожили у меня квартирантами… Джулия учится в Мильчестерской больнице на фармацевта, а Патрик — на инженерном фа-

культете в Мильчестерском университете. Ведь знаете, от нас до Мильчестера всего пятьдесят минут на автобусе… Ну, и я их с радостью приняла. Для меня одной дом слишком велик.

Они вносят небольшую сумму за жилье и питание, и мы прекрасно уживаемся. Люблю, когда рядом молодежь! добавила она с улыбкой.

— Еще тут обитает миссис Хаймс, не так ли?

— Да. Она работает помощницей садовника в Дайас-Холле, у миссис Лукас. Старый садовник с женой живут там, и миссис Лукас попросила меня выделить Филлипе комнату. Филлипа очень хорошая женщина. Ее мужа убили в Италии. У нее остался восьмилетний сын, он ходит в подготовительный класс, и я договорилась, что он будет приезжать сюда на каникулы.

— А какая у вас прислуга?

— Пять раз в неделю по утрам приходит миссис Хиггинс из поселка; еще есть одна беженка с неудобопроизносимым именем, она здесь за кухарку. Общаться с ней нелегко — сами увидите. У нее что-то вроде мании преследования.

Креддок кивнул. Он вспомнил еще одно бесценное замечание констебля Легга. Сказав, что Дора Баннер “с приветом”, а Летиция Блеклок “нормальная”, он наделил Мици единственным

определением — “лгунья”.

Словно читая его мысли, мисс Блеклок сказала:

— Прошу вас, не относитесь к бедняжке с предубеждением. Я верю, что за любой ложью скрывается значительная доля правды. Она так извела себя кошмарными рассказами о всяческих злодеяниях, что теперь ей кажется, будто любое несчастье, о котором написано в газете, произошло с ней или с кем-нибудь из ее родственников. Но, поймите… она действительно испытала когда-то тяжелое потрясение, и у нее на глазах действительно убили кого-то из близких. Мне кажется, большинство перемещенных лиц требуют к себе внимания и симпатии вполне заслуженно; они считают, что пережили много жестокостей и, чтобы вызвать к себе сочувствие, что-то преувеличивают и присочиняют. Хотя, — добавила мисс Блеклок, — откровенно говоря, Мици кого хочешь с ума сведет. Она всех нас раздражает и выводит из себя, она хмурая, подозрительная, у нее вечно какие-то предчувствия, она строит из себя обиженную. Но все-таки мне ее жаль. — Она улыбнулась. — И потом, Мици, когда захочет, готовит очень вкусно.

— Попытаюсь особенно ее не тревожить, — успокоил ее Креддок. — А девушка, которая мне

открыла?.. Это Джулия Симмонс?

— Да. Хотите — можете с ней поговорить. Патрика сейчас нет, а Филлипу вы застанете в Дайас-Холле, она на работе.

— Благодарю, мисс Блеклок. А сейчас, с вашего позволения, я побеседую с мисс Симмонс.

Глава 6
Джулия, Мици и Патрик

Джулия с таким хладнокровным видом вошла в комнату и уселась в кресло, в котором только что сидела Летиция Блеклок, что Креддок почувствовал досаду. Она устремила на него ясный взгляд и стала ждать расспросов.

Мисс Блеклок тактично удалилась.

— Расскажите мне, пожалуйста, о прошлой ночи, мисс Симмонс.

— О прошлой ночи? — пробормотала Джулия, глядя на него пустыми глазами. — О, мы спали как убитые. Наверное, это была реакция на случившееся.

— Я имел в виду время с шести часов вечера…

— Понимаю… Ну, значит, пришли эти зануды…

— Кто именно?

Она снова устремила на него томно-безмятежный взгляд.

— А разве вы не знаете?

— Вопросы буду задавать я, мисс Симмонс, — мягко сказал Креддок.

— Ах, извините! Но мне кажется, выслушивать

одно и то же так скучно! Вам, очевидно, нет… Ну что ж, пришли полковник Истербрук с женой, мисс Хинчклифф, мисс Мергатройд, миссис Светтенхэм с Эдмундом Светтенхэмом и миссис Хармон, жена викария. Именно в том порядке, как я их назвала. Хотите знать, что они говорили?

Все примерно одно и то же: “А вы, оказывается, уже затопили” и “Какие прелестные хризантемы!”.

Креддок закусил губу. Здорово она их изобразила.

— Единственным исключением оказалась миссис Хармон. Она просто душечка! Явилась в шляпе набекрень и в ботинках с развязанными шнурками и напрямик спросила, когда начнется убийство. Все ужасно смутились: они-то делали вид, будто заскочили случайно! А тетя Летти сухо сказала, — она на подобные вопросы таким образом отвечает, — что это произойдет довольно скоро. Потом пробили часы, и с последним ударом погас свет, дверь распахнулась, и какой-то человек в маске как заорет: “А ну, руки вверх, кому говорят!” Или что-то в этом роде… Как в плохом боевике. Нет, правда, все выглядело ужасно нелепо. А потом он два раза выстрелил в тетю Летти, и стало вдруг очень даже не смешно.

— Где были в тот момент остальные?

— Когда погас свет? Ну, кто где… Миссис Хармон сидела на диване, Хинч, — мисс Хинчклифф, — стояла напротив камина… Какая она все-таки мужеподобная!

— Все находились в этой комнате или кто-то был в дальней?

— Большинство, по-моему, было здесь. Патрик пошел в ту комнату принести херес. Полковник Истербрук, кажется, отправился за ним, но я не уверена. Остальные, как я уже говорила, находились здесь.

— А вы сами где были?

— Кажется, у окна. Тетя Летти пошла за сигаретами.

— Они лежали на том столике под аркой?

— Да… И тут погас свет и началось…

— У мужчины был карманный фонарик. Что он с ним делал?

— Ну… светил, естественно. Прямо нам в лицо. Совсем ослепил. Совершенно ничего не было видно.

— Пожалуйста, постарайтесь вспомнить как можно точнее, мисс Симмонс: он держал фонарь неподвижно или шарил им по комнате?

— Шарил, — медленно произнесла Джулия.

Томности ее поубавилось. — Как прожектором в дансинге. Сначала свет ударил мне по глазам, потом заплясал по комнате, а затем раздались выстрелы. Два хлопка.

— А потом?

— Он обернулся… Мици начала откуда-то завывать как сирена, фонарь упал, и раздался третий выстрел. А потом дверь закрылась, знаете, так медленно, с жалобным визгом… Просто жуть… И мы очутились в кромешной темноте, что делать — не знаем, а бедная Банни визжала словно поросенок… ну, а Мици — та прямо наизнанку выворачивалась.

— Как вы полагаете, он выстрелил в себя нарочно или нечаянно, скажем, споткнулся, и пистолет разрядился?

— Понятия не имею. Я ведь считала, что это всего лишь глупая шутка… пока не увидела на ухе тети Летти кровь. Но, с другой стороны, даже если стреляешь просто так, чтобы игра была больше похожа на правду, нужно целиться очень тщательно, чтобы ни в кого не попасть, да?

— Конечно. А вы думаете, он видел, в кого стреляет? Я хочу сказать, мисс Блеклок хорошо высвечивалась фонарем?

— Да Бог его знает. Я не на нее смотрела, а на

него.

— Я вот к чему спрашиваю… Как вам кажется, он целился именно в нее?

Джулию, казалось, эта мысль поразила.

— Вы хотите сказать, что он хотел поймать на мушку именно тетю Летти? Не думаю… Разве мало было других способов ее укокошить? Какой смысл собирать для этого всех друзей и соседей? Только чтобы усложнить себе жизнь?.. Он мог в любое время застрелить ее из-за изгороди, по старой доброй ирландской традиции, и его бы не сцапали.

“Да, — подумал Креддок, — это исчерпывающий ответ на предположение Доры Баннер”.

— Благодарю вас, мисс Симмонс, — вздохнул он. — Пойду теперь побеседую с Мици.

Креддок с Флетчером застали Мици на кухне. Она раскатывала тесто для печенья и встретила их настороженно.

Черные волосы лезли ей в глаза, а темно-красный свитер и ярко-зеленая юбка плохо сидели на расплывшейся, бесформенной фигуре. Вид у нее был угрюмый.

— Почему вы входить на мой кухня, мистер полицейский? Вы из полиция, так? Везде, везде преследования! Говорят, Англия другой, но нет,

тот же самый. Я знаю, вы приходить мучить меня, заставлять говорить, но я молчу, слышите? Молчу! Можете снимать мои ногти, подносить горящая спичка к моя кожа, можете делать меня еще более ужасно, но я не буду сказать. Я ничего не буду сказать. И можете посылать меня назад в концентрационный лагерь, все равно…

Креддок задумчиво посмотрел на нее, прикидывая, какую тактику лучше выбрать. Наконец вздохнул и сказал:

— Хорошо, берите шляпу, пальто и пошли.

— Что вы говорить? — испуганно вскинулась Мици.

— Берите шляпу, пальто и пошли. Я не захватил аппарата для сдирания ногтей и прочих приспособлений. Они у меня в отделении. У вас есть наручники, Флетчер?

— Сэр! — восхищенно произнес сержант.

— Но я не хотеть ходить с вами! — в ужасе отпрянув, завопила Мици.

— Тогда вы будете вежливо отвечать на вежливые вопросы. Если хотите, в присутствии адвоката.

— Юристы? Мне не нравятся юристы. Я не хочу юристы.

Она отложила скалку, вытерла руки об одежду

и села.

— Что вы хотели узнавать?

— Я хочу, чтобы вы рассказали о вчерашнем вечере.

— Вы сами хорошо знать.

— Я хочу услышать от вас.

— Я пытаться уйти. Она вам сказать это? Когда я видеть, что в та газета говорят об убийство, я пытаться уйти. Она не разрешать мне. Она очень жестокая, ей все плевать. Она заставить меня оставаться. Но я знать, что будет. Знать, что меня убивать.

— Но вас же не убили.

— Нет, — неохотно признала Мици.

— Ладно, теперь расскажите, что произошло.

— Я быть очень нервный. О, я быть очень нервный. Весь вечер. Я слушать. Около меня ходить люди. Один раз мне казаться, кто-то красться в холл… но это только миссис Хаймс войти в черная дверь, чтобы не делать грязный главный лестница, так она объяснять. Очень ей важно! Она сама наци, этот ее белый волос, синие глаза, такая выше все, смотрит на меня как на грязный… грязный…

— Да Бог с ней, с миссис Хаймс!

— Кто она думает она есть? Может, она училась

дорогой университет, как я? Может, она имеет диплом экономиста? Нет, она простой наемный рабочий. Копает земля и косит трава, и каждый суббота ей столько платить! Как она может называться леди?

— Я же сказал: Бог с ней! Давайте дальше.

— Я нести херес, стаканы и маленькое печенье, которое готовить, очень вкусное — в гостиная. Позвонить дверь, и я ходить открывать… Потом еще раз, и еще, и еще. А я открывать. Очень стыдно, но я делать. Потом шла опять в чулан и начинать чистить серебро, я думать, это удобно, потому что, когда приходить убивать меня, буду иметь нож для резать туша, очень острый и очень большой.

— Очень предусмотрительно.

— А потом вдруг я слышать, как стрелять. Я думать: ну, все, начался. И бежать к столовой. Эта другая дверь, ее нельзя открывать. Я стоять момент и слушать, и тогда третий выстрел, и сильный шум здесь, в холле, я поворачивать ручка двери, но ее запирать с той стороны. Я… как это… в мышеловка… Я чуть с ума не сойти. Я кричать, кричать и бить дверь. Потом они ее открывался и давался мне выходить. Я приносить свечи, много свечи… потом свет зажигать, и я видеть кровь… кровь! Ай! Это не первый раз

я вижу кровь. Мой маленький брат… я видеть, его убивать… я видеть кровь на улица… людей стрелять, они умирать… Я…

— Да-да, — прервал ее инспектор Креддок. — Большое спасибо.

— А теперь, — с пафосом продолжила Мици, — можете меня арестовывать и сажать в тюрьма.

— Не сегодня, — сказал инспектор Креддок.

Когда Креддок с Флетчером пересекали холл, направляясь к выходу, парадная дверь распахнулась, и они чуть не налетели на высокого красивого юношу.

— Сыщики, чтоб мне пусто было! — закричал он.

— Мистер Патрик Симмонс?

— Так точно, инспектор. Вы ведь инспектор, а он сержант, да?

— Совершенно верно, мистер Симмонс. Не могли бы вы уделить мне несколько минут?

— Я невиновен, инспектор. Клянусь, невиновен!

— Знаете что, мистер Симмонс, не валяйте дурака.

Мне еще со многими нужно поговорить, и я не хочу терять времени. Что это за комната? Мы можем сюда пройти?

— Это так называемый кабинет, но здесь никто не работает.

— А мне сказали, вы на занятиях, — протянул Креддок.

— Я обнаружил, что не могу сегодня сосредоточиться на математике, и отправился домой.

Инспектор держался официально: потребовал, чтобы Патрик назвал свое полное имя, возраст, сказал об отношении к военной службе.

— А теперь, мистер Симмонс, будьте добры, опишите вчерашний вечер.

— Мы заклали упитанного тельца[11]. Я хочу сказать, Мици самолично изготовила мятные печенья, а тетя Летти повелела откупорить новую бутылку хереса…

— Новую? — прервал его Креддок. — А что, была старая?

— Да. Целых полбутылки. Но тете Летти что-то в ней не понравилось.

— Она нервничала?

— Да не особенно. Она чрезвычайно разумная женщина. Это старушка Банни всех взвинтила — весь день каркала.

— Значит, у мисс Баннер и вправду были дур-

---

[11] notes: 11

Заклать упитанного тельца — угостить лучшим, что есть в доме, крылатое выражение, восходящее к библейской притче о блудном сыне.

ные предчувствия?

— О да, она натешилась вволю.

— Объявление она восприняла всерьез?

— Еще бы! Она так перепугалась!

— А мисс Блеклок сначала решила, что вы каким-то образом причастны к публикации объявления. Почему?

— Так меня же здесь вечно обвиняют во всех смертных грехах!

— Вы хотите сказать, что к объявлению не имеете ни малейшего касательства?

— Я? Ни с какого бока!

— И вы раньше не видели Руди Шерца и не общались с ним?

— Никогда.

— Но вы способны на такие шутки, верно?

— Кто вам сказал?! А все из-за того, что я однажды подложил Банни в постель яблочный пирог и послал Мици открыточку: “Берегись! Гестапо напало на твой след!”

— Расскажите о случившемся.

— Как только я вышел в маленькую комнату, чтобы принести херес, свет вдруг погас. Я обернулся: в дверях стоял какой-то тип, он рявкнул: “А ну руки вверх!” Все разохались, развопились, а я прикидывал, как бы половчее сбить его с ног. Но

он вдруг принялся палить из пистолета, а потом хлоп — и повалился на пол; фонарик выпал из его руки, и опять стало темно; тут полковник Истербрук стал командовать, как в казарме: “Свет! Свет!..” А где я ему возьму свет? Разве моя зажигалка долго протянет? Эти проклятые новшества — сплошное надувательство.

— Как вам показалось? Налетчик целился именно в мисс Блеклок?

— Откуда мне знать? Думаю, он стрельнул просто так, шутки ради, а потом понял, что зашел слишком далеко.

— И застрелился?

— Почему бы и нет? У него физиономия мелкого жулика, который легко впадает в панику.

— Вы абсолютно уверены, что никогда прежде его не видели?

— Абсолютно.

— Спасибо, мистер Симмонс. Я хотел бы опросить остальных, тех, кто присутствовал здесь вчера. В каком порядке это лучше сделать?

— Значит, так… наша Филлипа — миссис Хаймс — работает в Дайас-Холле. Ворота почти напротив наших. А оттуда ближе всего до Светтенхэмов. Спросите — вам любой покажет дорогу.

Глава 7
...И другие

Даиас-Холл сильно пострадал за время войны. Там, где некогда росла спаржа, теперь радостно произрастали сорняки, среди которых, как свидетели безобразия, с трудом пробивались жалкие, тощие метелочки спаржи. Зато вьюнки, крестовник и прочая нечисть чувствовали себя вольготно.

Часть огорода, правда, уже призвали к порядку, и там Креддок обнаружил унылого старика, который задумчиво опирался о заступ.

— Вы небось миссис Хаймс ищете? Уж и не знаю, что вам сказать. Она все наперекор делает. Я к ней с чистой душой, да что толку? Эти молодые девицы никого не слушают, никого. Думают: раз штаны нацепили и уселись на трактор, так им никто не указ! Но тут настоящий садовник нужен. А эту премудрость в один день не одолеешь. Да, садовник — вот кто тут нужен.

— Пожалуй, — поддакнул Креддок.

Но старик воспринял его слова как упрек.

— Да вы сами посудите, что я могу один? Здесь

всегда работало трое взрослых мужиков и парнишка. Столько и сейчас требуется. Ведь далеко не всякий будет надрываться, как я. Порой до восьми вечера здесь спину гну. До восьми!

— А вы что, с фонариком работаете?

— Так я ж не про сейчас, говорю. Я о лете говорю.

— А-а, — протянул Креддок. — Ну, я пошел искать миссис Хаймс.

Крестьянин, видимо, был заинтересован.

— А чего она вам понадобилась? Вы ж из полиции, да? Она что, в историю влипла, или это из-за Литтл-Педдокса? Там какой-то тип в маске вломился с револьвером в комнату и хотел грабануть, а народу в комнате было яблоку негде упасть! Эх! До войны такого бы не случилось. А все из-за дезертиров. Ишь головорезы, рыщут по стране. И почему только военные их не скрутят?

— Сам не знаю, — пожал плечами Креддок. — Наверно, налет вызвал много пересудов, да?

— Еще бы! И куда мы катимся? Мне-то Нед Баркер рассказал. А виной всему вроде как девчонка, что готовит на мисс Блеклок, мерзопакостный у нее характер, она точно замешана, так он сказал. Он уверяет, она коммунистка или того хуже, а нам такие не подходят. А Марлен, она в баре за

стойкой торчит, ну, вы понимаете, о чем я… она говорит, у мисс Блеклок есть что-то очень ценное. Нет, не то, про что вы подумали, я уверен, что с мисс Блеклок взять нечего, разве что его большущие бусы из фальшивого жемчуга. А Марлен и говорит: “А вдруг они настоящие?” А Флорри, дочка старика Беллеми, ей в ответ: “Еще чего! Это же…” И как-то она их обозвала. Бижутерия, вот как! Бижутерия… Хорошенькое названьице для обыкновенных побрякушек! Мы-то с вами знаем, что это просто стекляшки. Небось и то, что девчонка Симмонс носит, эта ее золотая веточка и собачка — тоже бижутерия. Нынче редко у кого увидишь настоящее золото, даже обручальные кольца, и те делают из какой-то серой платиновой дряни. Сколько б ни стоило, все равно вид убогий, так я считаю; — Старик Эш перевел дух и продолжил:

— Мисс Блеклок дома денег не держит. Джим Хиггинс божился, что точно это знает. А кому еще знать, как не ему, если его жена ходит убираться в Литтл-Педдокс? Она все про всех знает. В каждую дырку свой нос сует, ей-богу.

— И что же, по словам ее мужа, считает миссис Хиггинс?

— А то, что тут Мици замешана. Ну и норов у

девчонки! Спеси-то сколько, спеси! Недавно прямо в глаза назвала миссис Хиггинс батрачкой.

Креддок еще немного постоял, попытался мысленно, — ибо в таких вещах был педантом, — разложить по полочкам сведения, полученные от старого садовника. Тот дал ему исчерпывающий отчет о деревенских сплетнях, но вряд ли это могло пригодиться. Креддок уже собрался уходить, как вдруг старик ворчливо окликнул его.

— Она, может, яблоки собирает. Она молодая, ей это больше по силам.

И естественно, Креддок там и обнаружил Филлипу Хаймс. Сперва он увидел ее стройные ноги, обтянутые бриджами, они легко скользили по стволу дерева. А потом перед ним предстала и сама Филлипа, зардевшаяся, растрепанная, испуганная.

“Из нее вышла бы прекрасная Розалинда”, — машинально подумал Креддок. Надо сказать, инспектор был большим почитателем Шекспира и с успехом сыграл некогда роль меланхолического Жака в пьесе “Как вам это понравится”. Спектакль ставили для сиротского приюта.

Но он тут же изменил свое мнение. Для Розалинды Филлипа Хаймс, пожалуй, чересчур холодна. Правда, ее красота типично английская,

однако слишком современная, в шестнадцатом веке эталон красоты был иным.

Филлипа просто хорошо воспитанная, невозмутимая англичанка, без всякого ветра в голове.

— Доброе утро, миссис Хаймс. Извините, что напугал вас. Я инспектор полиции Креддок из Миддлширского округа. Хотел поговорить с вами.

— Насчет вчерашнего?

— Да.

— А это надолго? Может, нам…

Она нерешительно огляделась. Креддок кивнул на поваленное дерево.

— Давайте побеседуем в неофициальной обстановке, — любезно предложил он, — не хочется отрывать вас от работы дольше, чем это будет необходимо.

— Благодарю.

— Несколько вопросов для протокола. В какое время вы пришли вчера с работы?

— Примерно в половине шестого. Я задержалась минут на двадцать, потому что поливала цветы в оранжерее.

— В какую дверь вы вошли?

— Через черный ход. Если идти мимо уток и курятника, можно чуть срезать путь. А кроме того,

не испачкаешь крыльцо. Я ведь порой прихожу вся чумазая.

— Вы всегда ходите этим путем?

— Да.

— Дверь была не заперта?

— Нет. Летом она всегда нараспашку. Осенью ее прикрывают, не запирают. Мы часто через нее ходим. Когда я вошла, я ее заперла.

— Точно?

— Совершенно точно.

— Хорошо, миссис Хаймс. А что вы сделали, когда вернулись домой?

— Скинула грязные башмаки и поднялась наверх, приняла ванну и переоделась. Потом спустилась и увидела, что у них там в самом разгаре подготовка к приему гостей. Я ведь понятия не имела о том странном объявлении.

— Теперь, пожалуйста, опишите, что происходило во время налета.

— Ну… свет вдруг потух.

— Где вы стояли?

— Возле камина. Я искала зажигалку, думала, я ее там оставила. Свет потух… все захихикали. Потом дверь распахнулась настежь, и этот человек направил на нас фонарик, прицелился и приказал поднять руки вверх.

— И вы подняли?

— Я — нет. Я думала, это шутка… И потом, я устала и не видела особой необходимости.

— Вам все это казалось скучным?

— Довольно-таки. Но пистолет вдруг выстрелил. Грохнул так, что стены затряслись, и тут я перепугалась. Фонарик описал круг, упал и погас, и послышался визг Мици. Она визжала как резаная.

— Свет слепил?

— Не то чтобы очень. Но был довольно сильным. На секунду фонарик высветил мисс Баннер, она была как призрак, представляете, белая-белая, рот раскрыт, глаза выпучены…

— Тот человек двигал фонариком?

— Да-да, он шарил им по комнате.

— Словно кого-то выискивая?

— Да нет, не сказала бы.

— Ну а после, миссис Хаймс?

Филлипа призадумалась.

— Потом началась толкотня и неразбериха. Эдмунд Светтенхэм и Патрик Симмонс зажгли зажигалки и вышли в холл, мы пошли за ними, кто-то открыл дверь в столовую… там свет горел… Эдмунд влепил Мици пощечину, и она прекратила визжать, после этого стало немного легче.

— Вы видели труп?

— Да.

— Вы знали покойного? Может, встречали его где?

— Нет. Никогда.

— На ваш взгляд, его смерть — случайность или самоубийство?

— Не имею ни малейшего представления.

— Вы не видели его, когда он приходил к мисс Блеклок?

— Нет. Кажется, это было днем, я уже ушла из дому.

— Благодарю, миссис Хаймс. И еще один вопрос. У вас нет драгоценностей? Колец? Браслетов?..

Филлипа покачала головой.

— Только обручальное кольцо и пара недорогих брошек.

— И, насколько вам известно, в доме ценностей не было?

— Нет. Только столовое серебро, да и то — ничего особенного.

— Еще раз спасибо.

Возвращаясь через огород, Креддок нос к носу столкнулся с грузной, краснолицей, туго затянутой в корсет дамой.

— Доброе утро! — воинственно заявила она. —

Что вам тут нужно?

— Вы миссис Лукас? Я инспектор полиции Креддок.

— Ах, вон оно что… Тогда извините. Но мне не по душе, когда в мой сад приходят чужие и отрывают садовника от дела. Однако, насколько я понимаю, это ваша работа.

— Так точно.

— А можно узнать, повторится ли то безобразие, что случилось вчера у мисс Блеклок? Это что же, орудует какая-то шайка?

— Нет, миссис Лукас, слава Богу, не шайка.

— Нынче столько ограблений! А полиция ротозейничает.

Креддок на этот ее выпад не отреагировал.

— Вы поговорили уже с Филлипой Хаймс? — поинтересовалась дама.

— Она свидетель, мне нужны ее показания.

— А подождать до часа вы, разумеется, не могли! Вам что, непременно нужно допрашивать Филлипу в ее рабочее время?

— Я тороплюсь в управление.

— Теперь ни в ком не найдешь сочувствия. И должного отношения к работе. Опаздывают, устраивают перекуры по полчаса… В десять — перерыв. В дождь не работают. Если нужно под-

стричь лужайку, так обязательно что-то случится с газонокосилкой. С работы норовят улизнуть на пять-десять минут раньше.

— А из рассказа миссис Хаймс я понял, что вчера она вместо пяти ушла в двадцать минут шестого.

— Ну, может быть. Надо отдать ей должное: миссис Хаймс неплохо справляется, хотя бывало и такое, что я приходила и не могла ее найти. Конечно, она рождена для другого. Филлипа хорошего происхождения, таким несчастным юным вдовам военных лет хочется чем-то помочь. Но с ней тоже свои неудобства. Школьные каникулы слишком длинные, а по договору в каникулы ей полагается дополнительное свободное время. Я ей говорила, что сейчас появились чудесные летние лагеря, где детки прекрасно отдыхают и даже не вспоминают про родителей. И вообще, что за привычку взяли — приезжать домой на каникулы?

— Но миссис Хаймс вашу идею не оценила?

— Девчонка упряма как осел. И надо же, именно сейчас я решила подстричь травку на теннисном корте и обновить разметку. Старый Эш ни одной линии прямо не может провести. Но со мной никто не считается.

— Осмелюсь предположить, что миссис Хаймс

получает во время каникул меньше, чем обычно.

— Естественно! А на что еще она может рассчитывать?

— Разумеется, ни на что, — сказал Креддок. — До свидания, миссис Лукас.

— Это был кошмар! — радостно прощебетала миссис Светтенхэм. — Сущий кошмар! По-моему, газетам следует быть поосторожней, когда они принимают объявления. Я сразу подумала, как только его увидела: странно, очень странно… И так тебе и сказала, правда, Эдмунд?

— А что вы делали, когда погас свет? — спросил инспектор.

— Как вы напоминаете мне мою старую нянюшку! “Где был Моисей, когда погас свет?” Ответ: конечно же в темноте! Как вчера вечером. Все стояли и гадали, что произойдет. А потом прямо дух захватило: темно хоть глаз выколи, представляете, как мы волновались! А дверь открывается — и на пороге вырастает мрачная фигура с пистолетом… Ослепительный свет и грозный голос: “Кошелек или жизнь?” В жизни не получала столько удовольствия! Ну, а через минуту начался кошмар. У меня над ухом свистали настоящие пули! Прямо как на войне.

— Вы сидели или стояли, миссис Светтенхэм?

— Так… дайте подумать… где я была? С кем я разговаривала, Эдмунд?

— Откуда я знаю, мама?

— Может, я спрашивала у мисс Хинчклифф, стоит ли в холода давать курам рыбий жир? Или я спрашивала об этом у миссис Хармон?.. Нет, она только вошла. Кажется, я все-таки говорила полковнику Истербруку, что, на мой взгляд, атомная станция в Англии — это очень опасно. Надо было бы устроить ее на каком-нибудь необитаемом острове, а то, не дай Бог, будет утечка.

— Значит, вы не помните, где находились?

— А что, это важно, инспектор? Я стояла или около окна, или возле камина, потому что часы били совсем близко, я хорошо помню. Какой это был упоительный миг! Вот-вот что-то случится!

— Вы сказали, свет фонарика ослеплял. Он бил вам в глаза?

— Прямо в глаза. Я ничего не видела.

— Этот малый водил фонариком по сторонам или держал его неподвижно?

— Право, не помню. Что он делал, Эдмунд?

— Он довольно медленно перемещал его, высвечивая нас по очереди, будто хотел разглядеть повнимательней, чем мы занимаемся. Наверно,

на случай, если мы вздумаем на него наброситься.

— А вы можете сказать точно, где вы стояли, мистер Светтенхэм?

— Я разговаривал с Джулией Симмонс. Мы стояли посреди большой гостиной.

— А остальные тоже были там или кто-нибудь прошел в дальнюю комнату?

— Кажется, туда пошла Филлипа Хаймс. Она стояла у дальнего камина. По-моему, она что-то искала.

— Как вы считаете, третий выстрел — случайность?

— Не знаю. Этот человек резко повернулся, а потом согнулся и упал, но поднялась такая суматоха… Вы поймите, практически ничего не было видно. А потом беженка завопила истошным голосом.

— Это ведь вы отперли столовую и выпустили ее?

— Да.

— А дверь точно была заперта снаружи?

Эдмунд с любопытством глянул на него.

— Естественно. Уж не думаете ли вы, что…

— Я просто хочу полной ясности. Спасибо, мистер Светтенхэм.

В обществе полковника и миссис Истербрук инспектору пришлось провести довольно много времени.

— Психологический подход — вот единственно верный путь к истине в наше время! — вещал полковник. — Надо преступника понимать. В данном конкретном случае, правда, все ясно… по крайней мере, для человека с моим опытом. Почему наш приятель затевает эту бодягу? Опять же психология. Он хочет заявить о себе… сконцентрировать на себе внимание. Служащие “Спа” его не замечают, может, даже презирают за то, что он иностранец. Возможно, его отвергла любимая девушка. Он хочет привлечь ее внимание. Кто сейчас кумир кино? Гангстер, супермен. Превосходно, он станет суперменом. Ограбление с насилием! Маска? — Есть. Пистолет? — Есть. Но нужна публика. Что ж, он знает, чем ее заманить! И вот он собирает зрителей. А потом в кульминационный момент и слишком уж входит в роль и воображает, что он уже не просто грабитель. Он — убийца. Он палит… наугад…

Инспектор радостно ухватился за последнее слово.

— “Наугад” вы сказали? То есть вы не думаете, что он стрелял в конкретного человека, а именно

— в мисс Блеклок?

— Помилуйте! Он просто разрядил пистолет. Наугад, как я уже сказал. И это привело его в чувство. Пуля в кого-то угодила… на самом деле обошлось пустяковой царапиной, но он-то этого не знал! Он опомнился. Глупый розыгрыш оборачивается трагедией. Он попал в кого-то… возможно, даже убил. И в страшной панике он наставляет пистолет на себя! — Полковник Истербрук выдержал паузу, с чувством прокашлялся и довольным голосом добавил:

— Ясно как Божий день. Как Божий день!

— Просто чудо! — ахнула миссис Истербрук. — И откуда ты все знаешь, Арчи?!

В ее голосе звучало восхищение.

Инспектор Креддок тоже подумал, что это чудо, но особого восторга не испытал.

— А где стояли вы, полковник, когда началась стрельба?

— Рядом с женой, возле круглого стола, на нем еще были какие-то цветы.

— Я схватила тебя за руку, да. Арчи? Я до смерти напугалась. Просто не знаю, что б со мной было, если бы тебя не было рядом.

— Ах ты, мой бедный котеночек, — игриво отозвался полковник.

Мисс Хинчклифф инспектор застал у свинарника.

— Прелестные создания — свиньи! — сказала она, почесывая розовую спину поросенка. — Здорово откормлен, да? К Рождеству будет шикарный бекон. Ну-с, и чего же вам вздумалось меня навестить? Я вчера сказала вашим людям, что об этом вашем разбойничке не имею ни малейшего понятия. Не видела, чтобы он здесь по соседству рыскал. Наша мисс Мопл говорит, он из большой гостиницы в Меденхэм-Уэллсе. Почему ж он не грабанул кого-нибудь там, если ему так приспичило? Мог найти добычу и покрупнее.

С этим спорить было нельзя… Креддок начал допрос:

— Где вы находились во время инцидента?

— Инцидента! Тоже мне! Вот во время войны, когда я работала в отделе противовоздушной обороны, были инциденты так инциденты!.. Значит, где я стояла, когда началась стрельба? Вы это хотели спросить?

— Да.

— Облокотилась о камин и молила Бога, чтобы поскорей дали выпить, — выпалила мисс Хинчклифф.

— Он стрелял наугад или целился в кого-то?

— То есть в Летти Блеклок? Откуда же мне знать? Дьявольски трудно теперь припомнить, все ведь уже позади. Я только знаю, что потух свет, и фонарик замельтешил туда-сюда, ослепляя нас, а когда грохнули выстрелы, я подумала, что если это балуется чертов болван Патрик, то он добалуется — кого-то ведь можно и ранить!

— Вы подумали на Патрика Симмонса?

— А на кого еще? Эдмунд Светтенхэм у нас интеллектуал, он пишет книги и не развлекается грубыми шутками, старый полковник Истербрук таких вещей вообще не понимает. Ну, а Патрик — сорвиголова. Хотя сейчас мне неловко, что я на него грешила.

— Ваша подруга тоже подозревала Патрика Сим-мопса?

— Мергатройд? Да вы лучше с ней самой поговорите. Хотя вряд ли добьетесь чего-нибудь путного. Она в саду. Хочите, я ее кликну?

Мисс Хинчклифф повысила свой и без того зычный голос и оглушительно рявкнула:

— Мергатройд! Ау!

— Иду! — донесся слабый писк.

— Поторопись… полиция! — проревела мисс Хинчклифф.

Мисс Мергатройд прибежала бодрой трусцой,

слегка запыхавшись. На юбке у нее оторвалась подпушка, волосы выбились из-под несуразной сеточки, а круглое добродушное лицо сияло.

— Вы из Скотленд-Ярда? — спросила она, едва переведя дух. — Я не знала, что вы приедете, а то сидела бы дома.

— Мы пока что не обращались в Скотленд-Ярд, мисс Мергатройд. Я инспектор Креддок из Мильчестера.

— Очень мило с вашей стороны, — неопределенно сказала мисс Мергатройд. — Ну что, нашли какие-нибудь улики?

— Где ты была в момент преступления, вот что ему от тебя нужно, — сказала мисс Хинчклифф и подмигнула Креддоку.

— Господи! — разинула рот Мергатройд. — Ах да, конечно. Я должна была подготовиться. Алиби, конечно же, алиби! Так-так, сейчас… значит… я была там же, где и все!

— Но не со мной, — заявила мисс Хинчклифф.

— Разве, дорогая? Ну да, конечно. Я любовалась хризантемами. По правде сказать, они были довольно чахлые. А потом все случилось, только на самом деле я не поняла, что это случилось… то есть, я хочу сказать, я не подозревала, что это что-то такое… Я даже мысли не допускала, что

пистолет настоящий. И потом, в темноте было очень неуютно, и все визжали. Я все поняла не так. Я думала, убили ее… то есть беженку. Я думала, ей перерезали горло. И не знала, что это он… то есть я даже не знала, что это мужчина. Ведь я только голос слышала, представляете, он сказал: “Поднимите руки вверх, пожалуйста”.

— Да просто “руки вверх”, — поправила ее мисс Хинчклифф. — И никаких “пожалуйста”.

— Так жутко сейчас это сознавать, но пока эта девушка не начала кричать, я прямо-таки наслаждалась. Только в темноте было очень неуютно, и я ушибла мозоль. Страшная боль! Вы что-то еще хотели спросить, инспектор?

— Ничего, — сказал инспектор Креддок, задумчиво глядя на Мергатройд. Ее подруга засмеялась:

— Он понял, что ты собой представляешь.

— Но, Хинч, — возразила мисс Мергатройд, — я ведь только старалась сообщить все, что знаю!

— А ему это не нужно, — сказала мисс Хинчклифф. Она посмотрела на инспектора.

— Ежели вы делаете это по географическому принципу, то следующим номером посетите викария. Может, вам и удастся там что-нибудь выудить. Миссис Хармон кажется совершенно

безмозглой, но подчас я думаю, что она отнюдь не глупа. Вдруг ей есть что сообщить вам?

Провожая взглядом удалявшихся инспектора и сержанта, мисс Мергатройд глубоко вздохнула и сказала:

— Ну как, Хинч, я ужасно себя вела? Я так волновалась!

— Отнюдь, — улыбнулась мисс Хинчклифф. — Ты держалась молодцом.

Инспектор Креддок с умилением оглядел большую убого обставленную комнату. Она напомнила ему родной дом в Камберленде. Линялый ситец, большие ветхие стулья, цветы и книги, разбросанные где попало, спаниель в корзинке. Сама миссис Хармон, ее рассеянный неряшливый вид и открытое лицо показались ему симпатичными.

Она тут же простодушно заявила:

— От меня вам никакого проку не будет, потому что я зажмурилась. Ненавижу, когда мне светят в глаза. А когда раздались выстрелы, я зажмурилась еще крепче. И молилась, да-да, молилась, чтоб убивали как можно тише. Мне не нравится, когда стреляют.

— Стало быть, вы ничего не видели, — улыбнулся инспектор. — Но слышать-то вы что-нибудь

слышали?

— Шума, конечно, было много. Двери открывались и закрывались, все говорили глупости и ахали, Мици ревела почище паровозного гудка, а бедняжка Банни верещала как резаная. И все толкались и падали друг на друга. Но я открыла глаза, только когда поняла, что выстрелов больше не будет. Все уже вышли в холл, принесли свечи.

А потом зажегся свет, и сразу стало как обычно… то есть не совсем как обычно, но мы это опять были мы, а не те странные люди в темноте. Ведь в темноте люди совсем другие, да?

— Мне кажется, я понимаю, о чем вы говорите, миссис Хармон.

Миссис Хармон улыбнулась.

— И тут мы увидали его, — сказала она, — этого иностранца, и он был так похож на ласку… такой розовый и удивленный… он был совсем мертвый, а рядом валялся его пистолет. Это все было так нелепо…

Инспектору это тоже казалось нелепым, если только…

Все происходящее его тревожило…

Глава 8
На сцену выходит мисс Марпл

Креддок положил на стол начальника отпечатанный на машинке текст свидетельских показаний. Тот держал в руках телеграмму, только что полученную от швейцарской полиции.

— Выходит, в полиции он был на заметке, — сказал Райдсдейл. — Впрочем, я так и думал.

— Да, сэр.

— Драгоценности… мм… да… махинации с бухгалтерскими книгами… чеками… Настоящий проходимец.

— Совершенно верно, сэр, мелкий жулик.

— Вот-вот. Но малое влечет за собой и большое.

— Будем надеяться, сэр.

Начальник полиции поднял глаза.

— Вы чем-то обеспокоены, Креддок?

— Да, сэр.

— Чем же? Все ведь ясно как Божий день. Или нет? Ну-ка посмотрим, что нам расскажут свидетели.

Он придвинул к себе рапорт и начал быстро

читать.

— Как обычно — масса несовпадений, противоречий. Воспоминания разных людей о стрессовой ситуации всегда разные. Но в целом картина ясная.

— Знаю, сэр, однако она не совсем ясная. Хотите, скажу больше? Она неверная.

— Ладно, обратимся к фактам. Руди Шерц садится в автобус, отправляющийся из Меденхэма в Чиппинг-Клеорн, и прибывает туда в шесть часов. Его запомнили кондуктор и два пассажира. От автобусной остановки он идет пешком по направлению к Литтл-Педдоксу. Без труда проникает в дом, вероятно, с парадного входа. У него пистолет, из которого он делает два выстрела, одна из пуль слегка задела мисс Блеклок, затем третьим выстрелом он убивает себя. За недостаточностью улик мы не можем сказать, сделал он это намеренно или случайно. Согласен, мотивы его поведения кажутся малоубедительными. Но в общем-то мы с вами не призваны отвечать на вопрос “почему?”. Коллегия присяжных решит, признать это самоубийством или расценить как несчастный случай. Но каким бы ни было их заключение, нам это безразлично. Мы в любом случае можем поставить точку.

— То есть схватиться за соломинку полковника Истербрука, за эту его психологию, — мрачно сказал Креддок. Райдсдейл улыбнулся.

— Но, в конце концов, у полковника, наверное, богатый опыт. Правда, меня тошнит от модных ученых словечек, однако нельзя же совсем сбрасывать психологию со счетов.

— И все-таки я чувствую, что картина неверная, сэр.

— У вас есть основания полагать, что кто-то из Чиппинг-Клеорна лжет?

— Мне кажется, иностранка знает больше, чем говорит, — чуть помявшись, сказал Креддок. — Хотя, возможно, у меня против нее предубеждение.

— Вы думаете, она действовала с ним заодно? Впустила его в дом? Подговорила?

— Вполне вероятно. Но тогда надо исходить из того, что в доме есть какие-то ценности: деньги или украшения. А похоже, это не так. Мисс Блеклок, во всяком случае, это решительно отрицала. И остальные тоже. Остается предположить, что в доме были ценности, о которых никто не знал.

— Сюжет для бестселлера.

— Сомасен, это смешно, сэр. И последнее: мисс Баннер почему-то уверена, что Шерц пытался

убить именно мисс Блеклок.

— Ну, из того, что вы о ней рассказывали, и из ее собственных показании похоже, что мисс Баннер.

— Согласен, сэр, — быстро вставил Креддок, — она ненадежный свидетель. Чрезвычайно внушаема. Ей можно вбить в голову любую чепуху… но интересно, что как раз это ее собственные домыслы, не чьи-нибудь, а ее собственные. Остальные с ней не согласны. Она впервые в жизни поплыла против течения.

— А с какой стати Руди Шерцу понадобилось убивать мисс Блеклок?

— В том-то и дело, что не знаю. И мисс Блеклок тоже не знает… или она куда более искусная лгунья, чем кажется на первый взгляд. И никто не знает. Так что, вероятно, это не правда.

Он вздохнул.

— Не унывайте, Креддок, — сказал начальник полиции. — Приглашаю вас пообедать с сэром Генри и со мной. Лучшие блюда, которые может предложить отель “Спа” в Меденхэм-Уэллсе.

— Спасибо, сэр. — Креддок слегка удивился.

— Видите ли, мы получили письмо… — Райдсдейл осекся, потому что в комнату вошел сэр Генри Клитеринг. — А вот и вы, Генри.

Держась на этот раз неофициально, сэр Генри сказал:

— Привет, Дермут.

— У меня для вас кое-что есть, Генри, — сказал начальник полиции.

— Что же?

— Письмецо от одной настырной старушки. Она в “Ройял Спа”. Считает, что может помочь нам в чиппинг-клеорнском деле.

— Ага, что я вам говорил? Старые ведьмочки! — победоносно изрек сэр Генри. — Эти зоркие кошечки все видят и все слышат. И наперекор старинной притче любят позлословить.

Райдсдейл посмотрел на письмо.

— Почерк как у моей бабушки, — пожаловался он. — Пишет будто курица лапой да еще подчеркивает через каждые два слова. Значит, так, сначала очень длинно и нудно о том, что она надеется, что отнимет не очень много нашего драгоценного времени, и что, возможно, ее наблюдения окажутся полезными, и т.д. и т.п. Как бишь ее?.. Джейн Мерпл… нет, Марпл, Джейн Марпл.

— Разрази меня гром! — воскликнул сэр Генри. — Неужто она? Джордж, это же она, моя единственная и неповторимая старушка! Лучшая

из всех самых настырных старушек на свете. А почему она очутилась в Меденхэм-Уэллсе вместо того, чтобы мирно поживать у себя дома в Сент-Мэри-Мид? И главное, поспела вовремя, как раз чтобы ввязаться в расследование! Убийство объявлено — на поживу и на потеху мисс Марпл!

— Что ж, Генри, — язвительно произнес Райдсдейл, — рад буду увидеть эталон сыщика. Отправимся на ленч в "Ройял Спа", там и встретимся с вашей дамой. Креддок, правда, смотрит на свидание весьма скептически.

— Отнюдь, — возразил из вежливости Креддок. Но про себя подумал, что порой его крестный отец заходит в своем энтузиазме уж слишком далеко.

Мисс Марпл была почти такой, какой ее себе представлял Креддок, правда, куда более беззлобной и гораздо старше. Она выглядела очень дряхлой. Волосы ее были белы как снег, румяное лицо иссечено морщинами, а взгляд голубых глаз был кротким и невинным. Мисс Марпл куталась в шерстяную ажурную шаль и вязала. Как потом оказалось — детскую косыночку.

При виде сэра Генри она пришла в неописуемый восторг, а когда ее представили начальнику полиции и инспектору Креддоку, страшно смутилась.

— Ну, сэр Генри, вот так встреча… Сколько лет, сколько зим! Да, совсем ревматизм меня замучил. Особенно в последнее время. Конечно, я не смогла бы себе позволить поселиться в таком роскошном отеле, цены здесь фантастические, но Реймонд, мой племянник Реймонд Уэст, может, вы о нем слышали…

— Это имя знает каждый.

— Да, его книжки пользуются большой популярностью. Последнюю даже отметило книжное общество. Она самая жуткая из всех, но, наверное, такие частенько и хвалят, да? Так вот милый мальчик настоял на оплате всех моих расходов… А его очаровательная жена тоже делает себе имя, она художница. Рисует в основном кувшины с увядшими цветами и гребни со сломанными зубцами. Я не решаюсь ей признаться, но я лично до сих пор обожаю Блера Лейтона[12] и Альму Тадему[13]. Впрочем, я заболталась… Надо же, сам начальник полиции пожаловал сюда! Вот уж не

---

[12] notes: 12

Лейтон Блер Фредерик (1830—1896) — английский художник и скульптор, автор многочисленных произведений на исторические и мифологические сюжеты, с 1878 года президент Королевской Академии художеств.

[13] notes: 13

Альма Тадема Лоуренс (1836—1912) — английский художник голландского происхождения, писавший картины на сюжеты из греческой и римской мифологии в строгом академическом стиле.

ожидала… Боюсь, я отнимаю у вас время…

“Старушка в полном маразме”, — с неприязнью подумал инспектор Креддок.

— Пойдемте в комнату к управляющему, — сказал Райдсдейл. — Там нам будет удобнее разговаривать.

Закутавшись в свою шаль и подобрав спицы, мисс Марпл взволнованно засеменила за ними в приемную мистера Роулендсона.

— Итак, мисс Марпл, что вы можете нам рассказать? — спросил шеф полиции.

Мисс Марпл подошла к сути дела неожиданно быстро.

— Чек, — только и сказала она. — Он его подправил.

— Он?

— Молодой человек, сидевший за конторкой, тот, что вроде бы инсценировал налет и застрелился.

— Вы говорите, он подделал чек?

Мисс Марпл кивнула.

— Вот, посмотрите. — Она вытащила чек из сумки и положила на стол. — Сегодня утром его вместе с остальными прислали мне из банка. Можете убедиться сами: было семь фунтов, а он сделал семнадцать. Поставил единичку и дописал

“надцать”. А для надежности поставил кляксочку на мягкий знак и смазал все слово. Мастерская работа, ничего не скажешь! Думаю, у него была достаточная практика. И чернила те же самые — я выписывала чек прямо за банковской конторкой. Должно быть, он частенько проделывал это и раньше, как вы считаете?

— Но на сей раз не на того нарвался, — заметил сэр Генри.

Мисс Марпл еще раз кивнула.

— Да. Боюсь, на сей раз он не очень преуспел бы на преступной стезе. Я была совершенно неподходящей кандидатурой. Молодая деловая замужняя женщина или влюбленная девушка — те выписывают чеки на самые разные суммы и никогда не проверяют чековые книжки. Но старуха, считающая каждый пенни, старуха со своими закоренелыми привычками совершенно иное. Я никогда не выписываю чеков на семнадцать футов. Двадцать — это круглая цифра, я откладываю двадцать футов на прислугу и книги. А на карманные расходы обычно отвожу семь. Раньше было пять, но с тех пор цены так подскочили!

— А не напомнил ли он вам кого-нибудь? — подсказал сэр Генри, и в глазах его мелькнул озорной огонек. Мисс Марпл улыбнулась и пока-

чала головой.

— Ах, какой вы проказник, сэр Генри! Ну, конечно же Фреда Тайлера из рыбной лавки. Он всегда приписывал лишний шиллинг. А поскольку рыбы мы едим много и счета бывали довольно длинные, почти никто никогда их не проверял, и он каждый раз клал в карман по десять шиллингов; не так уж много, но вполне достаточно, чтобы купить несколько галстуков и сводить в кино Джесси Спрегг, продавщицу из драпировочной мастерской. Эти молодчики так и норовят урвать везде, где только можно!.. Так вот, в первую же неделю моего пребывания здесь я обнаружила ошибку в счете. Я указала на нее молодому человеку, он рассыпался в извинениях и, похоже, очень расстроился; но про себя я подумала: “Жуликоватые у тебя глаза, мой милый”. Для меня жуликоватые глаза, — пояснила мисс Марпл, это когда человек смотрит прямо на тебя и даже не моргнет.

Креддок одобрительно кивнул, вспомнив отъявленного мошенника Джимми Келли, которого он недавно засадил за решетку.

— Поведение Руди Шерца было подозрительным во всех отношениях, — сказал Райдсдейл. — Мы выяснили, что он стоял на учете в швейцар-

ской полиции.

— Значит, на родине ему пришлось туго, и он по фальшивым документам приехал сюда? — спросила мисс Марпл.

— Именно так, — подтвердил Райдсдейл.

— Его часто видели с рыжей официанткой из гриль-бара, — сказала мисс Марпл. — К счастью, как мне кажется, ее сердце не разбито. Ей просто хотелось чего-нибудь новенького, а он имел обыкновение дарить ей цветы и шоколадки, чего редко дождешься от английских парней… Она рассказала вам все, что знала? — спросила мисс Марпл, неожиданно повернувшись к Креддоку. — Или не совсем все?

— Полной уверенности у меня нет, — осторожно молвил Креддок.

— Думаю, тут все уладится, — сказала мисс Марпл. — Она очень встревожена. Сегодня утром принесла мне вместо селедки лососину и забыла поставить молочник. А ведь она отличная официантка. Да, она встревожена. Но надеюсь, — и простодушные голубые глазки мисс Марпл с чисто женским восхищением окинули ладную фигуру и красивое лицо инспектора Креддока, — надеюсь, вы сможете убедить ее, и она расскажет все, что знает.

Инспектор покраснел, а сэр Генри одобрительно хмыкнул.

— Это может иметь очень большое значение, — сказала мисс Марпл, — вдруг он открыл ей, кто это был?

Райдсдейл удивленно воззрился на старушку.

— Как кто?

— О, я так плохо выражаю свои мысли! Я хочу сказать, кто его подбил на это.

— Неужели вы считаете, что его подговорили?

Мисс Марпл сделала большие глаза.

— Разумеется. Ведь что мы имеем? Смазливого юношу, который норовит урвать помаленьку то тут, то там, подделывает чеки на небольшие суммы… может быть, крадет мелкие драгоценности, если их оставят без присмотра, или берет понемножку хозяйские деньги из кассы. Ему хватает на карманные расходы, на одежду и на девушек. И чтобы такой молодец среди овец вломился в дом, держал в страхе всю честную компанию и вдобавок в кого-то выстрелил! Да никогда в жизни! Не тот он был человек. Это нелепо.

У Креддока резко перехватило дыхание. То же самое говорила Летиция Блеклок. И жена викария. Нелеп о… И вот теперь “настырная старушка” сэра Генри повторила это же самое слово,

и в голосе ее звучала твердая уверенность.

— Тогда, может, вы расскажете нам, мисс Марпл, неожиданно резко произнес он, — что же на самом деле произошло?

Она удивленно повернулась к инспектору.

— Откуда же мне знать? Было сообщение в газете, но из него мало что почерпнешь. Конечно, можно строить догадки, но ведь это не достоверные факты.

— Джордж, — обратился сэр Генри к Райдсдейлу, — если мы дадим мисс Марпл почитать показания свидетелей из Чиппинг-Клеорна, это будет против правил?

— Да, против, — сказал Райдсдейл, — но если бы я соблюдал правила, то вряд ли бы чего в этой жизни добился. Пусть прочтет. Любопытно, что вы скажете, мисс Марпл.

Старушка не находила себе места от смущения.

— Боюсь, вы зря доверяете сэру Генри. Он слишком добр ко мне и переоценивает мои скромные возможности. На самом деле у меня нет никаких талантов, совершенно никаких… кроме, может быть, определенного знания человеческой натуры. Я нахожу, что люди склонны к излишней доверчивости. А вот я, увы, имею склонность

верить в наихудшее. Это неприятное свойство характера, но оно часто оказывалось полезным.

— Прочтите, — сказал Райдсдейл, пододвигая к ней листы с машинописным текстом. — Это не займет много времени. Помимо всего прочего, свидетели — люди вашего круга… Может, вы припомните кого-то из своих знакомых со схожими чертами. И вам удастся заметить что-нибудь этакое… Что ускользнуло от нас. Дело вот-вот будет закрыто. Давайте ж послушаем мнение человека со свежим взглядом, непрофессионала… Перед тем… как ставить точку. Не скрою: наш Креддок не удовлетворен исходом дела. Как и вы, он говорит, что это нелепо.

Пока мисс Марпл читала, все молчали. Наконец она отложила записи в сторону.

— Очень интересно, — вздохнув, начала она. — Как все видят все по-разному, разные вещи люди говорят… и по-разному думают. Что именно они видят… или думают, что видят. Да, очень сложно, ведь почти все ужасно банально, а если что-нибудь небанально, то очень трудно выявить — что именно… это как иголка в стоге сена.

Креддок испытал разочарование. А ведь в первый момент ему показалось, что сэр Генри прав насчет своей смешной старушенции. Она могла

бы что-нибудь подметить, старики часто очень проницательны. Ему, например, никогда не удавалось ничего скрыть от старой тетки Эммы. В конце концов, она призналась, что, когда он собирается соврать, у него начинает дергаться нос. Однако мисс Марпл способна лишь на мелкие тривиальные обобщения… Он почувствовал раздражение и довольно резко сказал:

— Но факты остаются фактами. Несмотря на разнобой в деталях, свидетели в основном твердят одно и то же. Они видели человека в маске, он держал пистолет и фонарик, открыл дверь, приказал им поднять руки вверх, и, как бы они ни передавали его слова: “Руки вверх” или “Кошелек или жизнь” — в зависимости от того, какая фраза ассоциируется у них с налетом, — они его видели, и это самое главное.

— Но ведь, — мягко возразила мисс Марпл, — на самом деле они не могли… они ничего не могли увидеть.

У Креддока перехватило дыхание. Прямо в яблочко! Значит, все-таки у нее действительно острый глаз! Ведь он испытывал ее, но она не попалась на эту удочку. Факты пока что оставались фактами, а случившееся случившимся, но мисс Марпл, вслед за Креддоком, поняла, что люди, ви-

девшие грабителя в маске, на самом деле видеть его не могли.

— Если я правильно себе представляю, — щеки мисс Марпл зарумянились, а глаза заблестели и стали довольными, как у ребенка, — света не было ни в холле, ни на лестничной площадке?

— Не было, — сказал Креддок.

— В таком случае, если человек стоял в дверях и направлял яркий свет на людей в комнате, никто ничего не мог видеть, кроме этого света, так?

— Так. Я проверял.

— Значит, если они уверяют, что видели мужчину в маске, то невольно пересказывают то, что они увидели уже после, когда зажегся свет в доме? А это лишний раз подтверждает предположение о том, что Руди Шерц был, так сказать, “лицом подставным”.

На лице Райдсдейла отразилось столь сильное изумление, что она покраснела еще больше.

— Наверное, я неудачно выразилась, — пробормотала мисс Марпл. — Я плохо знаю американизмы, и они так быстро меняются. Я выискала это словечко у мистера Хэммета[14], мой племянник говорил, что это один из самых жестких

---

[14] notes: 14

Хэммет Дэшиел (1894—1961) — американский писатель, автор реалистических, остросюжетных детективных произведений.

нынешних писателей. Но если я правильно понимаю, так говорят про человека, обвиняемого в преступлении, которое на самом деле совершил кто-то другой. Мне кажется, Руди Шерц оказался именно таким человеком. Он был глуповат, но весьма корысюлюбив и, вероятно, необычайно легковерен.

Райдсдейл спросил, терпеливо улыбаясь:

— Уж не считаете ли вы, что кто-то подучил ею устроить пальбу в комнате, битком набитой людьми?

— Я думаю, ему сказали, что это шутка, — ответила мисс Марпл. — И конечно, хорошо заплатили. За то, что он поместит объявление в газете, разузнает расположение комнат, а потом в назначенный час явится туда, наденет маску и черный плащ, распахнет дверь, взмахнет фонариком и крикнет: “Руки вверх!”

— И выстрелит?

— О нет, нет! — замотала головой мисс Марпл. — У него и пистолета-то не было!

— Но все говорят… — начал было Райдсдейл и осекся.

— Вот именно, — сказала мисс Марпл. — На самом же деле пистолета в его руках никто не видел. И не мог увидеть. А мне кажется, его и не

было. Думаю, после того, как он скомандовал: “Руки вверх!”, кто-то другой бесшумно подошел к нему в темноте и выстрелил дважды через его плечо. Руди до смерти перепугался, обернулся, и тогда тот, другой, застрелил его и бросил пистолет рядом с ним.

Все трое полицейских теперь не сводили с нее глаз. Сэр Генри мягко заметил:

— Это лишь одна из возможных версий.

— Но кто сей мистер Икс, подошедший в темноте? — спросил начальник полиции. Мисс Марпл кашлянула.

— Вы должны выяснить у мисс Блеклок, кто хотел убить ее.

“Один-ноль в пользу Доры Баннер, — подумал Креддок. — Вечное состязание интуиции и интеллекта”.

— Стало быть, вы считаете, что это преднамеренное покушение на мисс Блеклок? — спросил Райдсдейл.

— По всей видимости, да, — сказала мисс Марпл. — Хотя есть кое-какая загвоздка… Но сейчас меня прежде всего интересует, не проговорился ли он кому-нибудь об этом “розыгрыше”. Тот, кто договаривался с Руди Шерцем, несомненно старался заставить его держать язык за зубами,

и если Шерц все-таки проговорился, то только этой девушке, Мирне Хэррис. Ей он вполне мог намекнуть, кто сделал ему столь нетривиальное предложение — Я сейчас же с ней побеседую, — сказал, поднимаясь, Креддок.

Мисс Марпл кивнула.

— Сделайте милость, инспектор. После этой беседы у меня станет легче на душе. Ведь когда она расскажет вам все, что знает, она будет в гораздо большей безопасности.

— В безопасности?.. Ах да, понимаю…

Креддок вышел из комнаты. Начальник полиции сказал вежливо, но с явным сомнением:

— Что ж, мисс Марпл, вы действительно заставили нас призадуматься.

— Простите меня, пожалуйста, простите. Как мило с вашей стороны, что вы не в претензии. Но понимаете, мама у меня такая… по каждому пустяку нервничает. А выглядело, будто я пособница преступления, Боже, слова-то какие. — Мирна Хэррис тараторила без передышки. Я — хочу сказать: я боялась, что вы мне не поверите. Но я действительно думала, что это шутка!

Инспектор Креддок еще раз повторил заверения, благодаря которым ему удалось сломить сопротивление Мирны.

— Я все скажу. Но вы обещаете меня не привлекать, если можно? Из-за мамы. Все началось, когда Руди отменил свидание. Мы собирались в кино, а он сказал, что не может, и поэтому я говорила с ним очень сухо, ведь, в конце концов, это была его идея, и мне совсем не улыбается, чтобы меня динамили иностранцы. А он сказал: я не виноват. А я: знаю я твою песенку. А он: вот уж будет потеха… и что он внакладе не останется, и вообще, как мне понравятся часики в подарок? А я сказала: что значит “потеха”? А он сказал: ты никому не говори, но тут в одном месте будет вечеринка и мне надо изобразить налетчика. И показал, какое объявление он поместил в газете — просто умора! Вообще он говорил довольно презрительно. Сказал, что это детские шуточки, но вообще-то все это очень в духе англичан. Они никогда по-настоящему не взрослеют. А я, конечно, сказала: с какой стати ты так о нас отзываешься?.. И мы немножко поцапались, но после помирились. Только вы, сэр, можете меня понять! Когда я прочитала о налете и узнала, что дело вовсе нешуточное, что Руди кого-то застрелил, а потом наложил на себя руки… Боже, я не знала, что делать. И подумала: если скажу, что мне были известны его планы, то все решат, что я и в

остальном участвовала. Но ведь действительно, когда он мне рассказывал, это казалось шуткой. Он тоже так думал, могу поклясться. А я даже не знала, что у него есть пистолет. Он ничего не говорил о пистолете.

— А что он сказал: кто придумал такую забаву? — спросил Креддок.

Но его надежды не оправдались.

— Он ничего не говорил о том, кто предложил ему это сделать. Небось никого и не было. Сам все придумал.

— И он не назвал ничьего имени? Может, хотя бы намекнул, кто это: мужчина или женщина?

— Нет, Руди сказал только, что будет жуткий сюрприз. “То-то будет потеха — полюбоваться на их физиономии”. Так он сказал.

“Недолго же он потешался, бедняга”, — подумал Креддок.

— Это только чисто умозрительное предположение, — сказал Райдсдейл, когда они возвращались в Меденхэм. — Оно абсолютно ничем не подтверждается. Может, отбросим его как досужие домыслы старой девы?

— Я бы не стал этого делать, сэр.

— Но где доказательства? Некий таинственный Икс внезапно появляется в темноте за спиной

этого молодчика. Откуда он взялся? Кто он? Где он был до того?

— Он мог пройти через черный ход, — сказал Креддок, — как прошел сам Шерц. Или, — произнес инспектор с расстановкой, — выйти из кухни.

— Вы хотите сказать, она могла выйти из кухни?

— Да, сэр, не исключено. Мне эта беженка не внушает доверия. Очень уж она мерзкая. Все ее вопли, истерики могут быть чистым притворством. Она могла обработать парня, в нужный момент впустить его в дом, все обстряпать, застрелить его и примчаться обратно на кухню.

А там она схватила приборы и начала тереть их замшей, а затем принялась ломать комедию с воплями.

— Против всего этого один-единственный факт: мистер… как бишь его… ну да, Эдмунд Светтенхэм сказал, что ключ торчал в замке с наружной стороны, и он повернул его, чтобы ее выпустить. Может, в той половине дома есть еще какая-нибудь дверь?

— Да, к черному ходу и в кухню, прямо под лестницей, но там недели три тому назад сломалась ручка и до сих пор ее не соизволили починить.

А со сломанной ручкой дверь открыть невозможно. Так мне сказали, и это похоже на правду. Соединительный штырь и ручки — и наружняя, и внутренняя — лежали на полочке в холле, за дверью, на них был толстый слой пыли. Впрочем, профессионал сумел бы открыть и эту дверь — без всяких ручек.

— Посмотри-ка, что у нас есть на эту иностранку. В порядке ли у нее документы. Но вообще, сдается мне, что все как-то слишком уж надуманно.

Начальник полиции снова испытующе взглянул на подчиненного. Креддок спокойно ответил:

— Знаю, сэр, и, разумеется, если вы считаете, что дело пора закрывать, мы его закроем. Но я был бы вам очень обязан, если бы смог поработать над ним еще немного.

К вящему его удивлению, шеф одобрительно произнес:

— А вы молодчина, Креддок!

— Надо проверить пистолет. Вполне возможно, что мисс Марпл права, и он не принадлежал Шерцу. Тем более что никто не может определенно сказать: был у Шерца пистолет или нет.

— Он германского производства.

— Знаю, сэр. Но в Англии сейчас полно иностранных пистолетов. Все американцы привозили с войны трофейное оружие, англичане от них тоже не отставали. Это нам ничего не дает.

— Справедливо. Какие еще соображения?

— Должен существовать мотив преступления. Если версия мисс Марпл хоть в чем-то верна, значит, происшедшее в пятницу не было ни шуткой, ни обычным налетом. Кто-то пытался убить мисс Блекло к. Возникает вопрос: “Почему?” И сдается мне, что если кто и может ответить на сей вопрос, то только сама мисс Блеклок.

— Как я понял, она весьма прохладно восприняла эту идею?

— Да, весьма прохладно, когда в покушении обвинили Руди Шерца. И была совершенно права. Но теперь дело другое, сэр.

— Почему?

— Убийца может попытаться еще раз.

— Что безусловно подтвердило бы правильность версии мисс Марпл, — сухо сказал Райдсдейл. — Кстати, вы бы позаботились о ней.

— О мисс Марпл? А в чем дело?

— По-моему, она намерена поселиться в Чиппинг-Клеорне у викария и дважды в неделю ездить в Меденхэм-Уэллс на лечение. Похоже,

миссис… как бишь ее… в общем, жена викария — дочь старой подруги мисс Марпл. У нашей старушенции прямо-таки спортивный азарт и хватка. Наверно, у нее не так уж много треволнений, и она не прочь пощекотать себе нервишки, расследуя убийство… которое, может быть, все же имело место.

— Мне бы не хотелось, чтобы она туда приезжала, нахмурившись сказал Креддок.

— Будет путаться под ногами?

— Не в этом дело, сэр. Мисс Марпл — милая старушка. Не хотелось бы, чтобы с ней что-нибудь стряслось… разумеется, если предположить, что в нашей новой версии все же есть доля истины.

Глава 9
По поводу двери

— Извините, что снова беспокою вас, мисс Блеклок…

— О, полно! Раз следствие затянулось еще на неделю, значит, вы надеетесь получить еще какие-то сведения?

Инспектор Креддок кивнул.

— Руди Шерц не был сыном владельца отеля “Альпы” в Монтре. Свою карьеру он начал с санитара в Бернской больнице. Именно тогда у многих пациентов стали пропадать мелкие драгоценности. Потом он работал поя другим именем официантом на одном из небольших зимних курортов. Занимался подделкой счетов, в дубликате указывал услуги, которых не числилось в самих счетах. Разницу, естественно, прикарманивал. После он работал в универмаге в Цюрихе В тот период кражи товаров превысили средний уровень. И похоже, этим занимались не только покупатели.

— Вот как? Значит, он действительно был нечист на руку? — сухо осведомилась мисс Блек-

лок. — И я была права, думая, что раньше его никогда не встречала?

— Совершенно правы. Нет сомнения, что ему на вас указали в отеле, а он притворился, будто узнал вас. Швейцарская полиция, видимо, занялась им вплотную, и он решил переехать к нам, запасшись фальшивыми документами. А здесь устроился на работу в “Ройял Спа”.

— Подходящее местечко для поживы, — холодно процедила мисс Блеклок. — Отель очень дорогой, в нем останавливается много зажиточных людей, которые подчас весьма небрежно относятся к счетам.

— Да, — сказал Креддок, — можно собрать неплохой урожай.

Мисс Блеклок нахмурилась.

— Я все понимаю, но зачем Шерцу понадобилось приезжать в Чиппинг-Клеорн? Неужели он рассчитывал, что ему от нас больше корысти, чем от постояльцев гостиницы?

— Вы совершенно уверены, что в доме нет никаких ценностей?

— Конечно нет. Я бы знала. Смею вас заверить, инспектор, у нас нет ни неизвестной картины

Рембрандта[15], ни, скажем, редкого антиквариата.

— Тогда, выходит, ваша подруга мисс Баннер права. Он покушался на вашу жизнь.

— Видишь, Летти, что я тебе говорила!

— Вздор, Банни.

— Вздор ли? — произнес Креддок. — Думаю, вы и сами осознаете, что это вполне серьезно.

Мисс Блеклок вперилась в него тяжелым взглядом.

— Давайте говорить начистоту. Вы действительно считаете, что этот юноша пришел сюда, чтобы меня убить? Но тогда зачем ему было давать объявление в газете, из-за которого к нам сбежалось полдеревни зевак?

— Но, может, он не думал, что все так получится, в запальчивости перебила ее мисс Баннер. — Это было просто зловещее предупреждение. Я именно так и поняла. “Объявлено убийство…” Я сразу почуяла беду… Если б все получилось так, как он задумал, он бы застрелил тебя и убежал, и никто бы не узнал, кто он такой.

— Вполне допускаю, — сказала мисс Блеклок, — но…

---

[15] notes: 15

Рембрандт Харменс ван Рейн (1606—1669) — знаменитый голландский живописец и гравер.

— Я знала, что объявление не шутка, Летти! Я так прямо и сказала. А вспомни Мици, она тоже перепугалась!

— Мици, — подхватил Креддок. — Ах, Мици! Мне бы хотелось побольше узнать о сей молодой особе.

— Вид на жительство и документы у нее в полном порядке.

— Не сомневаюсь, — сухо заметил инспектор. — Документы Шерца тоже были в полном порядке.

— Но зачем Руди Шерцу понадобилось меня убивать?

— За спиной Шерца мог стоять кто-то другой, — сказал Креддок. — Вам не приходила в голову эта мысль?

Он сказал “за спиной” в переносном смысле, хотя у него и промелькнуло, что, если версия мисс Марпл верна, выражение будет правильным и в прямом его значении. Однако мисс Блеклок и бровью не повела. Взгляд ее оставался по-прежнему скептическим.

— Вы не ответили на мой вопрос, — сказала она. — С какой стати кому-то меня убивать?

— Именно это я и хотел бы узнать у вас, мисс Блеклок.

— Но откуда мне знать? Какой вздор! У меня нет

врагов. С соседями, смею думать, я всегда жила в мире. Я не знаю ничьих тайн. Просто смешно! А если вы намекаете на то, что здесь замешана Мици, так это тоже абсурд. Мисс Баннер вам уже говорила, Мици до смерти перепугалась, прочитав объявление в газете. Она тут же хотела собрать вещи и уехать.

— Это могло быть просто ловким маневром. Она прекрасно знала, что вы начнете ее удерживать.

— Ну конечно, если что-то вбить в голову, то на любое возражение найдется контраргумент. Однако уверяю вас, если бы Мици вдруг ни с того ни с сего меня возненавидела, она просто бы подсыпала мне чего-нибудь в пищу и не стала бы ломать комедию… Мне кажется, у полиции предубеждение против иностранцев. Мици, может, и лгунья, но вовсе не убийца. Можете запугивать ее и дальше, но, если она в порыве негодования возьмет расчет или запрется у себя в комнате и закатит истерику, обед придется готовить вам, инспектор. Сегодня ко мне зайдет миссис Хармон с одной пожилой дамой, своей гостьей. Они будут к вечернему чаю, и я хотела, чтобы Мици испекла маленькие печеньица, но вы ее можете совершенно выбить из колеи. Сделайте милость, возьмите под подозрение ко-

го-нибудь другого!

Креддок отправился на кухню. Он снова задал Мици все те же вопросы и получил все те же, что и прежде, ответы.

Да, она заперла входную дверь сразу после четырех. Нет, она не всегда так поступает, но в тот вечер она нервничала из-за “ужасный объявления”. Почему же не заперла черный ход? Но что толку его запирать, когда мисс Блеклок и мисс Баннер выходят через него закрыть уток и покормить цыплят, да и миссис Хаймс именно через черный ход возвращается с работы.

— Миссис Хаймс сказала, что она заперла дверь в пять тридцать.

— А вы верить… да-да, вы верить…

— Почему бы и нет?

— Что вам разница, что я думаю? Вы мне не верить.

— Допустим, что поверю. Так ты думаешь, миссис Хаймс не запирала ту дверь?

— Думаю, она очень стараться, чтобы не запирать ее.

— Что ты имеешь в виду?

— Тот парень, он работать не один. Нет, он знать, куда идти, знать, что, когда он приходить, дверь будет открытая, о, такая удобно открытая!

— Что ты хочешь сказать?

— А какой польза, что я говорю? Вы не будете слушать. Вы будете сказать, что я бедный беженка, я не говорю правда. А эта английский леди с белый волосы, о нет, она никогда не говорит не правда, она такой английский, такой честный. И вы верите она, а не я. Но я могу рассказать кое-что. О да, могу.

Она грохнула кастрюлей о плиту.

Креддок не знал, стоит ли обращать внимание на слова Мици. Они вполне могли оказаться лишь потоком желчи.

— Мы учитываем все, что нам говорят, — наконец произнес он.

— Но я ничего не буду говорить. Зачем? Вы как везде. Преследоваете и презираете бедные беженцы. Если я говорю, что неделя назад, когда этот парень приходить просить деньги у мисс Блеклок и она его посылать домой… если я говорю, что потом я слышать, что он говорить с миссис Хаймс… да-да, с ней, около оранжерея, вы опять думаете, что я придумать?

“Вполне вероятно”, — подумал Креддок, но вслух возразил:

— Но ты не могла слышать, о чем они говорили!

— И вы ошибаться! — торжествующе взвизгнула Мици. — Я ходить собирать крапива, она делать такой хороший суп. Хозяева не согласны, но я им не говорить, готовить, и все. Вот я ходить и слышать: они там беседовать. Он говорит: “Но как я могу прятаться?” А она говорит: “Я тебе покажу”. А потом говорит: “Четверть седьмого”. А я думать: “Ага, так ты ведешь себя, моя леди! Идешь с работа и бежишь к мужчина. Несешь его в дом. Наверно, мисс Блеклок это не очень нравится. Она тебя выгонять быстро”. Я думать, я буду смотреть, слышать, а потом рассказывать все мисс Блеклок. Но сейчас я понимаю, что думать не правильно. Она с ним хотеть не любовь, она с ним хотеть грабить и убивать. Но вы говорите, что я все придумывать. Злая Мици, говорите вы, я буду садить ее тюрьма.

Креддок призадумался. Мици могла и сочинять. Но могла и не сочинять. Он осторожно спросил:

— А ты уверена, что она разговаривала именно с Руди Шерцем?

— Конечно. Он выходить, я видеть, что он пойти по дорожка к оранжерея. А я в тот момент, — вызывающе добавила Мици, — выходить смотреть, вырастать ли молодая крапива.

“Интересно, — подумал Креддок, — что за мо-

лодая крапива может вырасти в октябре?” Но он понимал:

Мици просто наспех выдумала причину, чтобы скрыть свои истинные намерения.

— А больше ты ничего не слышала?

Мици посмотрела на него удрученно.

— Эта мисс Баннер, с ее длинный нос, начинать меня звать: “Мици! Мици!” И я должна уходить. Она такой вредный! Все лезет. Говорит, будет меня учить готовить. Ее готовление! В ней, да, везде, везде вода, вода, вода!

— А почему ты в прошлый раз ничего не сказала? — строго спросил Креддок.

— Потому что не помнить… Я не думать… Я потом решить, что они иметь план… он и она.

— А ты уверена, что это была миссис Хаймс?

— Очень уверена. Она воровка, эта миссис Хаймс. Она воровает и показывает воры хорошие дом. Что она получает за работа в саду, для такая леди не хватает, нет. Ей надо ограбливать мисс Блеклок, которая была с ней такая добрая. Она плохая, плохая женщина, эта миссис Хаймс.

— А вдруг, — сказал инспектор, — вдруг мне сообщат, что не Филлипу, а тебя видели с Руди Шерцем, тогда как?

Но предположение произвело на Мици гораздо

меньшее впечатление, чем думал Креддок. Мици только фыркнула и тряхнула головой.

— Если они видят меня с ним, это ложь, ложь, ложь! — презрительно сказала она. — Говорить ложь о кого-нибудь просто, но в Англия это надо доказывать. Мисс Блеклок так мне говорить, и это правда или нет? Я не разговариваю с воры и убийцы. Никакой английский полицейский не может так утверждать. Но как я могу готовить, если вы всегда здесь говорить, говорить, говорить… Уходите из моя кухня, пожалуйста. Я хочу делать сейчас очень осторожный соус.

Креддок послушно вышел. Его подозрения насчет Мици слегка поколебались. Слишком уж убежденно она рассказывала про Филлипу Хаймс. Конечно, Мици могла и приврать. (И так оно, по его мнению, и было.) Но в ее рассказе, вероятно, все же была доля правды. Он решил поговорить с Филлипой Хаймс. Во время допроса она показалась ему спокойной, хорошо воспитанной молодой женщиной. Ее он не подозревал.

Креддок прошел через холл и, задумавшись, попытался открыть не ту дверь. Спускавшаяся с лестницы мисс Баннер поспешно указала ему дорогу.

— Не туда, — сказала она. — Та дверь не откры-

вается. В следующую налево. Запутаться можно, да? Столько дверей!

— Многовато, — согласился Креддок, оглядывая узкий холл.

Мисс Баннер любезно принялась перечислять:

— Первая ведет в гардеробную, за ней дверь в чулан, затем в столовую, это по нашей стороне. А по той — фальшивая дверь в гостиную, в которую вы сейчас пытались войти, потом настоящая дверь в гостиную, потом в кладовку с фарфором, дальше дверь в маленькую оранжерею и в конце — черный ход. Запутаться можно. Особенно в этих двух, они так близко друг от друга. Я тоже частенько по ошибке толкалась не в ту дверь. Обычно ее стол загораживал, но его отодвинули.

Креддок почти машинально заметил тонкую горизонтальную полоску на двери, которую он недавно пытался открыть. Теперь он понял, что полоска — след от стола. Смутная мысль шевельнулась в его мозгу, и он спросил:

— Отодвинули? Когда?

К счастью, Дору Баннер никакие вопросы не удивляли. Словоохотливой старушке все казалось естественным, любой вопрос по любому поводу, и ей доставляло наслаждение давать любую, самую пустяковую информацию…

— Так… дайте подумать… совсем недавно, дней десять назад, от силы недели две.

— А почему его отодвинули?

— Не помню. Кажется, из-за цветов. Вроде бы Филлипа поставила их в большую вазу — она просто очаровательно составляет букеты — осенние цветы, веточки, ветки, и букет получился такой большой, что цеплялся за волосы, поэтому Филлипа сказала: “А почему бы не отодвинуть стол подальше? Цветы будут лучше смотреться на фоне стены, а не этой двери!” Только пришлось снять картину “Веллингтон[16] в Ватерлоо”. Правда, я от нее не в восторге. Мы ее положили под лестницу.

— Так на самом деле дверь не фальшивая? — спросил Креддок.

— Нет-нет, она настоящая. Она ведет в бывшую маленькую гостиную, однако, когда комнаты соединили, две двери стали не нужны, и одну закрыли.

— Закрыли? — снова осторожно переспросил Креддок. — Вы хотите сказать: заколотили? Или

---

[16] notes: 16

Веллингтон Артур Уэсли (1769—1852) — английский полководец, государственный деятель и дипломат, командовавший союзными войсками в войне против наполеоновской Франции в 1808—1813 годах и в сражении при Ватерлоо в 1815 году, в котором Наполеон потерпел окончательное поражение.

просто заперли?

— По-моему, закрыли на ключ и на задвижку. Он заметил задвижку и попробовал ее отодвинуть. Задвижка легко поддалась, слишком легко…

— А когда ее открывали в последний раз? — решил уточнить он.

— Должно быть, давным-давно. С тех пор как я здесь ни разу, а то бы я знала.

— А где ключ?

— Там в холле стол, и в ящике полно ключей. Наверное, там.

Креддок пошел за ней и вынул из глубины ящика связку ржавых ключей. Он внимательно рассмотрел каждый, выбрал один, заметно отличавшийся от остальных, и вернулся к двери. Ключ сразу вошел в замочную скважину и легко повернулся. Он толкнул дверь, она бесшумно открылась.

— Осторожней! — воскликнула мисс Баннер. — С той стороны может быть что-нибудь прислонено. Мы же никогда ее не открывали.

— Так ли? — сказал инспектор. Лицо его помрачнело, и он добавил внушительным тоном:

— Мисс Баннер, эту дверь открывали совсем недавно. Замок и петли смазаны.

Она воззрилась на него, глупо разинув рот.

— Но кто мог ее открыть?

— Вот это мне и предстоит выяснить, — мрачно ответил Креддок. А про себя подумал: “Икс с улицы? Как бы не так! Икс был здесь, в доме. Икс был в тот вечер в гостиной”.

Глава 10
Пип и Эмма

На сей раз мисс Блеклок слушала его более внимательно. Она была умной женщиной и сразу ухватила самую суть.

— Да, — спокойно согласилась она, — это меняет дело… Никто не должен был открывать ту дверь. Но никто и не открывал ее, насколько мне известно.

— Поймите же, — настаивал инспектор, — когда погас свет, кто-то из сидевших в комнате мог выскользнуть через ту дверь, подкрасться к Шерцу сзади и выстрелить в вас.

— И никто его не заметил, не услышал?

— Никто. Вы же помните: когда погас свет, все задвигались, закричали, начали толкаться. А потом единственное, что можно было увидеть, — это свет фонарика.

— И вы верите, что кто-то из моих милых соседей, этих вполне мирных обывателей, проскользнул туда и пытался меня убить? — сказала мисс Блеклок с расстановкой. — Но почему меня? За что, скажите на милость?

— По-моему, вы, а не я должны ответить на этот вопрос, мисс Блеклок.

— Но я не могу, инспектор. Уверяю вас.

— Что ж, начнем сначала. Кто получит наследство после вашей смерти?

Слегка поколебавшись, мисс Блеклок ответила:

— Патрик и Джулия. Дора Баннер получит обстановку и небольшой годовой доход. Но в общем-то мне нечего особо оставлять. У меня были вклады в немецких и итальянских ценных бумагах, но они обесценились, да и налоги нынче высокие, а проценты низкие, так что убивать меня не имеет никакого смысла, уверяю вас… Большую часть денег я положила на срочный вклад в банк под проценты около года назад.

— И все-таки кое-какие средства у вас есть, мисс Блеклок, и ими завладеют ваши племянник с племянницей.

— И что же — Патрик с Джулией замыслили меня убить? Просто невероятно. Да они не так уж и нуждаются.

— Вы точно знаете?

— Нет. Только с их слов… Но я решительно отказываюсь их подозревать. Может, когда-нибудь у них появится стимул убить меня, но только

не сейчас.

— Что вы имеете в виду, мисс Блеклок? — ухватился за ее слова инспектор.

— То, что когда-нибудь, — а может, и весьма скоро, — я стану очень богата.

— Интересно. Вы не могли бы пояснить?

— Разумеется. Вы, должно быть, не знаете, но двадцать с лишним лет назад я была секретаршей и близким другом Рэнделла Гедлера.

Креддок навострил уши. Рэнделл Гедлер был одним из крупнейших финансовых воротил. Его дерзкие спекуляции и почти актерская известность сделали его, человеком, о котором еще долго будут помнить. Он умер, если Креддока не подводила память, в тридцать седьмом или тридцать восьмом году.

— Вы были еще совсем маленьким, — сказала мисс Блеклок. — Но, вероятно, слышали о нем.

— О да. Он ведь был миллионером?

— Мультимиллионером, хотя его дела не всегда отличались стабильностью. Он, как правило, вкладывал большую часть прибыли в какое-нибудь рискованное предприятие.

Она оживилась, глаза ее заблестели.

— Тем не менее он умер очень богатым человеком. Детей у него не было. И он завещал все свое

состояние жене, с условием, что после ее смерти оно перейдет ко мне.

Что-то смутно промелькнуло в памяти инспектора. “Преданная секретарша получит миллионное состояние…”, что-то в этом роде.

— За последние двенадцать лет, — чуть прищурившись, сказала мисс Блеклок, — у меня были все основания убить миссис Гедлер, но в нашем случае это вряд ли имеет какое-нибудь значение.

— Простите, пожалуйста… но миссис Гедлер… была возмущена тем, что ее муж так распорядился капиталом?

Мисс Блеклок его слова искренне позабавили.

— Не пытайтесь деликатничать. Вы ведь хотите узнать, была ли я любовницей Рэнделла Гедлера? Нет, не была. Не думаю, что и Рэнделл когда-либо вздыхал по мне. А я — так уж точно не вздыхала. Он любил Белль, свою жену, и продолжал любить до самой смерти. Думаю, его шаг объясняется благодарностью. Видите ли, инспектор, давным-давно, когда Рэнделл еще как следует не встал на ноги, он вдруг оказался на грани банкротства. Речь шла всего о нескольких тысячах. Он сделал важный ход, очень рискованный и дерзкий, как и все его планы, но у него не хватало денег, чтобы довести операцию до конца. Я выручила его. У

меня были кое-какие сбережения. Я верила в Рэнделла. И отдала ему все до последнего пенса. План удался. Через неделю он стал баснословно богат.

После этого он обращался со мной как с младшим партнером. Какие чудесные были времена! Я чувствовала себя счастливой. А потом мой отец умер, сестра осталась одна, будучи беспомощной калекой. Мне пришлось все бросить и ухаживать за ней. Рэнделл через пару лет тоже умер. За время нашего сотрудничества я скопила вполне достаточно денег и не ожидала, что он мне оставит что-нибудь, но была до глубины души тронута и очень горда, да-да, горда, когда выяснилось, что в случае если Белль умрет раньше меня (а она из тех хрупких созданий, о которых говорят, что они не жильцы на этом свете), я буду единственной его наследницей. Думаю, бедняга действительно не знал, кому завещать свои миллионы. Белль милая, она пришла в восторг. Она прекрасная, добрая женщина. Живет в Шотландии. Я не виделась с ней много лет, мы только посылаем друг другу открытки на Рождество. Перед началом войны я с сестрой поехала в санаторий, в Швейцарию. Там сестра умерла от туберкулеза. Я же вернулась в Англию только год назад.

— Значит, вы можете разбогатеть… А как ско-

ро?

— От сиделки, ухаживающей за Белль, я знаю, что бедняжка быстро слабеет. Это может случиться буквально через несколько недель. Но теперь деньги не имеют для меня такой уж цены, — печально добавила мисс Блеклок. — Запросы у меня небольшие, мне вполне хватает того, что у меня есть. Раньше я бы с удовольствием тряхнула стариной и поиграла на бирже, но теперь… Так что вы поймите, инспектор, если бы Патрик с Джулией замыслили убить меня из-за денег, с их стороны было бы чистым безумием не потерпеть еще несколько недель.

— Так-то оно так, мисс Блеклок, но что будет, если вы умрете раньше миссис Гедлер? К кому тогда перейдет наследство?

— Никогда не задумывалась… Наверное, к Пипу и Эмме.

Увидев изумление, написанное на лице Креддока, мисс Блеклок улыбнулась.

— Решили, что я сошла с ума? Повторяю: если я умру раньше Белль, деньги, наверное, перейдут к законному потомству или, как там это у вас называется, к детям Сони, единственной сестры Рэнделла. Он с ней в свое время рассорился. Она вышла замуж за человека, которого Рэнделл счи-

тал отпетым негодяем.

— А он действительно был им?

— О да. Но, очевидно, женщины находили его привлекательным. Он был то ли грек, то ли румын… как же его звали? А! Стэмфордис, Дмитрий Стэмфордис.

— Когда Соня вышла замуж, Рэнделл исключил ее из завещания?

— Нет. Соня сама была очень богата. Рэнделл уже успел поместить на ее имя крупную сумму денег так, чтобы муж не мог до них добраться. Но, наверно, юристы уговаривали его указать наследника на случай, если Белль меня переживет, и он после долгих колебаний назвал Сониных детей. Просто потому, что ничего больше ему в голову не пришло, а он был не из тех, кто завещает наследство благотворительным учреждениям.

— Значит, от Сониного брака были дети?

— Да. Пип и Эмма. — Мисс Блеклок рассмеялась. — Звучит, конечно, очень смешно. Все, что я о них знаю, так это то, что Соня однажды написала Белль после свадьбы, просила передать Рэнделлу, что очень счастлива, что у нее недавно родились близнецы и она назвала их Пипом и Эммой. Насколько мне известно, больше писем не было. Но, конечно, от Белль вы получите более

исчерпывающие сведения.

Мисс Блеклок позабавил ее собственный рассказ. Однако инспектору было не до смеха.

— Значит, — сказал он, — если бы в тот вечер вас убили, по меньшей мере двум людям досталось бы огромное наследство. Мисс Блеклок, вы говорили, что ни у кого нет оснований желать вашей смерти. Так вот: вы ошиблись! По крайней мере, два человека в этом жизненно заинтересованы. Сколько сейчас лет братцу и сестрице?

Мисс Блеклок задумалась.

— Дайте сообразить. Тысяча девятьсот двадцать второй год… Нет, мне трудно припомнить… Думаю, лет двадцать пять — двадцать шесть. — Лицо ее посерьезнело. — Но не думаете же вы, что…

— Я думаю, что кто-то стрелял в вас, пытаясь убить. Думаю, этот человек или эти люди захотят повторить свою попытку. Мне бы хотелось, чтобы вы были очень-очень осторожны, мисс Блеклок, постарайтесь. Одна попытка сорвалась. Полагаю, весьма скоро за ней последует вторая.

Филлипа Хаймс выпрямилась и откинула прядь волос со вспотевшего лба. Она пропалывала цветочный бордюр.

— Да, инспектор?

Филлипа вопросительно посмотрела на него. Он, в свою очередь, взглянул на нее более придирчиво, чем в прошлый раз. Ничего не скажешь, симпатичная девушка, чисто английский тип: светло-пепельные волосы, удлиненное лицо. Упрямый подбородок и рот. Она была чем-то удручена, обеспокоена. Но пристальный взгляд голубых глаз не выдавал ничего, абсолютно ничего. Да, эта девушка умеет хранить тайны.

— Извините, что опять отрываю вас от работы, миссис Хаймс, — сказал он, — но мне не хотелось ждать, пока вы придете на ленч. Кроме того, я решил, что, может, нам удобнее будет поговорить здесь, а не в Литтл-Педдоксе.

— Слушаю вас, инспектор.

А в голосе ни тени волнения или интереса! Но зато промелькнула тревога… или ему почудилось?

— Сегодня утром мне было сделано одно заявление. Оно касается вас.

Филлипа приподняла брови.

— Миссис Хаймс, вы утверждаете, что незнакомы с Руда Шерцем?

— Да.

— И вы впервые увидели его уже мертвым? Так ли это?

— Разумеется. Я никогда его раньше не видела.

— И никогда с ним не разговаривали в оранжерее Литтл-Педдокса?

— В оранжерее?

Он был почти уверен, что в голосе ее прозвучал страх.

— Да, миссис Хаймс.

— А кто это сказал?

— Мне сообщили, что у вас был разговор с Руди Шерцем. Он спросил, где ему спрятаться, а вы ответили, что покажете место, и вполне определенно обозначили время: четверть седьмого. Как раз в четверть седьмого Руди Шерц должен был добраться от автобусной остановки до усадьбы.

На мгновение воцарилось молчание. Потом Филлипа презрительно хохотнула. Слова инспектора явно ее позабавили.

— Я знаю, кто вам все это наговорил, — процедила она сквозь зубы. — По крайней мере, догадываюсь. Очень глупая и неуклюжая ложь. Злобная ложь. По неясным мне причинам Мици ненавидит меня больше, чем остальных.

— Значит, вы отрицаете?

— Конечно! Я ни разу в жизни не встречала Руди Шерца. Да меня и дома не было в то утро. Я была здесь, на работе.

— Простите, в какое утро? — вкрадчиво спросил инспектор.

Секундная заминка и легкий взмах ресниц.

— Каждое утро. Я прихожу сюда каждое утро. И не ухожу до часу дня, — отрезала Филлипа и презрительно добавила:

— Не стоит слушать Мици. Она все время лжет.

— Значит, мы имеем, — говорил Креддок, шагая рядом с сержантом Флетчером, — показания двух молодых женщин, противоречащие друг другу. Кому же мне верить?

— Все считают, что эта беженка постоянно рассказывает небылицы, — сказал Флетчер. — Я по опыту знаю, что у иностранцев врать получается лучше, чем говорить правду. Да и, потом, видно, что она миссис Хаймс терпеть не может.

— Значит, на моем месте вы поверили бы миссис Хаймс?

— Если бы не появилось каких-то веских доказательств против нее, сэр.

У Креддока таких доказательств не было… Ничего, кроме слишком пристального взгляда голубых глаз и сорвавшихся с языка слов “в то утро”. А ведь, насколько он помнил, он не говорил ей, когда состоялся предполагаемый разговор в

оранжерее: утром или днем.

Однако мисс Блеклок (а если не она, то мисс Баннер) могла упомянуть о приходе молодого швейцарца, выпрашивавшего денег на обратную дорогу домой. И Филлипа Хаймс могла подумать, что разговор произошел именно в то утро.

Но все же Креддоку казалось, что в голосе ее послышался страх, когда она переспросила: “В оранжерее?”

Он решил пока что не делать окончательных выводов.

В саду викария было просто чудесно. Неожиданно выдались погожие осенние денечки. Бабье лето — так, кажется, их называют? Креддок сидел в шезлонге, который притащила ему энергичная Банч. Сама она умчалась на собрание матерей[17]. Мисс Марпл, тепло укутанная шалями и большим пледом, сидела рядом с Креддоком и вязала. Солнце, покой, мерное позвякивание спиц в руках мисс Марпл — от всего этого инспектора клонило ко сну. Но где-то в глубине души затаился страх, будто в ночном кошмаре. Как в навязчивом сне, когда смутная тревога растет, растет и наконец

[17] notes: 17

Собрание матерей — собрание прихожанок для обсуждения церковных дел.

превращается в ужас… Он отрывисто произнес:

— Вам не следовало приезжать сюда.

Спицы мисс Марпл на мгновение замерли. Она задумчиво посмотрела на Креддока своими ясными фарфорово-голубыми глазами.

— Знаю, на что вы намекаете. Вы очень заботливый юноша. Но не волнуйтесь. Отец Банч (он был пастором нашего прихода, весьма образованный человек) и ее мать (поистине необыкновенная женщина, удивительно сильная духом) — мои старинные друзья. И совершенно естественно, что, раз я оказалась в Меденхэм-Уэллила — поехала погостить у Банч.

— Возможно, — сказал Креддок, — но… но, пожалуйста, не надо ничего разузнавать. Поверьте, я чувствую, что это небезопасно.

Мисс Марпл еле заметно улыбнулась.

— Боюсь, — сказала она, — что старухам свойственно везде совать свой нос. И куда больше бросится в глаза, если я не стану этого делать. Мы всегда выискиваем общих знакомых, выясняем, помнят ли они того-то и того-то: за кого вышла замуж дочка такого-то, и так далее и тому подобное. А это очень помогает.

— Помогает? — с недоумением переспросил инспектор.

— Да, помогает выяснить, на самом ли деле они те люди, за кого себя выдают, — сказала мисс Марпл. И продолжала:

— Именно это вас и беспокоит, правда? И действительно, так уж повелось после войны. Возьмите Чиппинг-Клеорн. Он так похож на мой Сент-Мэри-Мид. Пятнадцать лет назад я знала там всех жителей. Отцы и матери, бабушки и дедушки этих людей жили там всю жизнь. Если приезжал кто-то новый, он привозил рекомендательные письма, а если нет — то оказывался чьим-нибудь однополчанином или плавал на одном корабле с кем-нибудь из местных. Ну а если появлялся какой-нибудь чужак и оседал в поселке, все не успокаивались до тех пор, пока не узнавали всю его подноготную.

Она кротко покачала головой.

— Теперь не так. В каждой деревне или городишке полно пришлых, людей без роду без племени. Большие дома проданы, коттеджи перестроены. Люди приезжают без всяких рекомендаций, и вам остается верить им на слово. Они стекаются в Англию со всего света — из Индии, Гонконга, Китая… Есть такие, что подолгу жили во французском захолустье или в Италии. Или на каких-то экзотических островах. Там они

подкопили денег и теперь могут спокойно переселиться в Англию. В наши дни никто ничего не знает о своих соседях. Можно иметь дома медную утварь с Бенареса и беседовать о гиффин и чота хазри или развесить виды Таормина и обсуждать англиканскую церковь и библиотеку, как это делают мисс Хинчклифф и мисс Мергатройд. Вы можете приехать с юга Франции или провести большую часть жизни на Востоке. О вас судят с ваших же собственных слов. Не так, как раньше, когда не торопились приглашать в дом, пока не получат письма от старых друзей с хорошими отзывами о приезжих.

Именно это, подумал Креддок, и угнетало его. Он никого не знал. Перед ним были просто люди, личность которых подтверждалась продовольственными карточками и чистенькими удостоверениями, на которых нет ни фотографий, ни отпечатков пальцев, а стоят только номера. Заполучить такое удостоверение мог кто угодно, и отчасти поэтому порвались тончайшие нити, связывающие английское общество. В городе никто и не надеялся узнать своих соседей. В деревне теперь тоже никто никого не знал, хоть, может, и думал, что знает…

Обнаружив что петли на той двери кто-то

смазал, Креддок понял, что в гостиной Летиции Блеклок находился некто, — он или она, — лишь прикидывающийся добрым соседом… Вот почему он боялся за мисс Марпл, старую, слабую и… слишком уж проницательную женщину.

Он сказал:

— Мы можем послать запрос на этих людей. Однако задачка была не из легких. Индия, Китай, Гонконг, Южная Франция… Теперь все не так просто, как пятнадцать лет назад. Теперь есть люди, живущие по чужим удостоверениям, “заимствованным” у тех, кто нашел “случайную” смерть в больших городах. Существуют целые организации, скупающие и подделывающие удостоверения и продовольственные карточки; появились сотни мелких мошенников. На проверку уйдет уйма времени, а его-то как раз и нет, ведь вдова Рэнделла Гедлера уже одной ногой в могиле.

И тогда, встревоженный и уставший, разморенный на солнце, он рассказал мисс Марпл о Рэнделле Геллере, Пипе и Эмме.

— Только имена, — сказал он. — А возможно, и прозвища. Этих людей, может, вообще не существует. А может, они добропорядочные граждане и обитают где-нибудь в Европе… С другой сто-

роны, кто-то из них или даже оба сразу могут находиться сейчас здесь, в Чиппинг-Клеорне… Им лет по двадцать пять. Кому из здешних жителей двадцать пять?.. — И продолжал, словно размышляя вслух:

— Эти ее племянник с племянницей или кем они там ей доводятся… Интересно, когда она их в последний раз видела до их приезда сюда?

— Хотите, я выясню? — предложила мисс Марпл, невинно глядя на него.

— Нет, мисс Марпл, пожалуйста, не надо…

— Но это очень просто, инспектор, право, не стоит беспокоиться. И потом, если выяснять буду я, мое поведение не вызовет подозрений, ведь я — лицо неофициальное. Вы же не хотите, чтобы они насторожились.

“Пип и Эмма, — думал Креддок. — Пип и Эмма?” Эти имена преследовали его как наваждение. Обаятельный повеса и хорошенькая девушка с холодным пристальным взглядом…

Он продолжил:

— В ближайшие двое суток я, возможно, выясню о них побольше. Я еду в Шотландию. Миссис Гедлер, если она в состоянии говорить, наверное, знает о них гораздо больше.

— Пожалуй, это мудрый шаг, — с сомнением

в голосе произнесла мисс Марпл. — Надеюсь, вы предупредили мисс Блеклок, что ей следует соблюдать осторожность?

— Предупредил. Кроме того, я оставлю тут человека, он будет вести постоянное наблюдение.

Креддок уклонился от взгляда мисс Марпл, в котором ясно читалось, что от полицейского будет, мало проку, если опасность притаилась в семейном кругу…

— И запомните, сказал он, наконец-то взглянув ей прямо в глаза:

— Я вас предупредил.

— Уверяю вас, инспектор, — успокоила его мисс Марпл, — я смогу позаботиться о себе.

Глава 11
Мисс Марпл приходит на чай

Если Летиция Блеклок и была немного рассеянной, когда миссис Хармон и ее гостья пришли к вечернему чаю, то мисс Марпл, та самая гостья, вряд ли это заметила, поскольку видела хозяйку дома впервые в жизни.

Пожилая дама тут же принялась мило болтать. Она оказалась большой любительницей историй о грабителях.

— Они куда угодно могут проникнуть, моя дорогая, уверяла она хозяйку. — Куда угодно! Сейчас появилось столько новых американских изобретений! Но я полагаюсь на испытанные старые. Крючок и глазок. Они могут взломать замок и вытащить засов, но перед медным крючком и глазком воры бессильны. Вы не пробовали их ставить?

— Боюсь, мы плохо разбираемся в замках и засовах, — бодро ответила мисс Блеклок. — У нас нечем поживиться.

— А цепочку на входную дверь не пробовали? Тогда прислуге достаточно приоткрыть дверь,

чтобы увидеть, кто пришел, и они не могут к вам вломиться.

— Думаю, нашей Мици это придется по душе.

— Наверно, это было очень страшно, я про налетчика… — сказала мисс Марпл. — Банч мне говорила…

— Я чуть не умерла! — воскликнула Банч.

— Да, мы поволновались, — признала мисс Блеклок.

— Просто чудо, что он споткнулся и застрелился. Грабители теперь такие жестокие! А как он пробрался в дом?

— Боюсь, мы плохо запираем двери.

— О Летти! — воскликнула мисс Баннер. — Я забыла тебе сказать, что инспектор сегодня утром вел себя так странно. Он очень настойчиво просил открыть вторую дверь, ту, которая никогда не открывается. Выспросил все про ключ и сказал, что петли недавно смазали. Хотя я лично ума не приложу, зачем, ведь…

Она слишком поздно заметила, что мисс Блеклок делает ей знаки замолчать, и застыла с разинутым ртом.

— О Летти, я… прости… я хотела сказать… извини меня, Летти. Боже, какая я глупая!

— Ничего, — сказала мисс Блеклок, но видно

было, что она раздражена. — Только мне кажется, инспектору не понравится, если об этом будут говорить. А я и не знала, что ты была там, когда он занимался своими экспериментами. Но вы понимаете, правда, миссис Хармон?..

— О да, — сказала Банч. — Мы не пророним ни звука. Но хотелось бы мне знать, зачем он…

Она впала в глубокую задумчивость. Мисс Баннер ерзала на стуле с несчастным видом, наконец ее прорвало:

— Я все время ляпаю что-то не то. Боже, какая тебе со мной мука, Летти!

Мисс Блеклок торопливо ответила:

— Ты для меня величайшая радость, Дора. Да и вообще, в таком крошечном местечке, как Чиппинг-Клеорн, все секреты все равно выходят наружу…

— Что верно, то верно, — сказала мисс Марпл. — В таких местах слухи распространяются самым невероятным образом. Конечно, прежде всего от прислуги, хотя вряд ли это единственный источник — в наши дни так мало слуг. Остаются, правда, приходящие работницы, и, наверное, от них еще больше неприятностей, ведь они могут за день обойти с полпоселка и насплетничаться вволю.

— О! — вдруг вскричала миссис Хармон. — Я поняла! Ну, разумеется, если та дверь тоже открывается, кто-то мог пробраться сюда в темноте… только никто этого, естественно, не сделал, потому что налетчик был из “Ройал Спа”, ведь так? Ничего не понимаю, — вновь нахмурилась она.

— Значит, это произошло здесь? — спросила мисс Марпл и добавила извиняющимся тоном:

— Боюсь, вы сочтете меня слишком любопытной, мисс Блеклок, но это действительно потрясающе Прямо как в газетах, а тут надо же: такое — и случилось со знакомыми!.. Я просто жажду услышать ваш рассказ и представить, как это было… ну, вы меня понимаете…

Мисс Марпл тут же услышала пространный и сбивчивый рассказ Банч и мисс Баннер, изредка прерывавшийся поправками и уточнениями мисс Блеклок.

На середине повествования вошел Патрик, великодушно поддержал компанию и даже исполнил роль Руди Шерца.

— А тетя Летти стояла здесь… в углу возле прохода под аркой. Станьте там, тетя Летти.

Мисс Блеклок послушно встала, после чего мисс Марпл были продемонстрированы следы от пуль.

— Какое чудесное, просто божественное спасение! — изумленно воскликнула мисс Марпл.

— Я как раз хотела предложить гостям сигареты. — Мисс Блеклок кивнула на большую серебряную сигаретницу, стоявшую на столе.

— Люди так неаккуратны, — неодобрительно отозвалась мисс Баннер. — Нынче никто не ценит хорошую мебель, не то что раньше. Только взгляните, какую жуткую подпалину оставили! Надо же, положили сигарету прямо на стол. Как только не стыдно!

— Боюсь, мы слишком много думаем о вещах, вздохнула мисс Блеклок.

Мисс Баннер любила вещи подруги так страстно, будто они были ее собственными. Банч Хармон находила эту черту очаровательной. В отношении Банни к вещам мисс Блеклок не было ни тени зависти.

— Чудный столик! — вежливо похвалила мисс Марпл. — А какая прелестная на нем лампа!

И опять мисс Баннер восприняла похвалу так, словно не мисс Блеклок, а она владелица лампы.

— Правда, восхитительная? Дрезденский фар-

фор[18]. У нас таких две. Вторая, по-моему, в кладовке.

— И все-то ты знаешь, Дора… или тебе кажется, что знаешь, — добродушно улыбнулась миссис Блеклок. — Право, ты заботишься о моих вещах больше, чем я сама.

Мисс Баннер зарделась.

— Да, я люблю красивые вещи, — сказала она вызывающе, но с оттенком грусти.

— Должна признаться, — вздохнула мисс Марпл, — что те немногие веши, что у меня есть, тоже мне очень дороги. Столько воспоминаний с ними связано! И с фотографиями тоже. Сейчас люди мало фотографируются. А я коллекционирую снимки племянников и племянниц с тех самых пор, когда они еще были в пеленках. Мне нравится смотреть, как они взрослеют.

— У вас есть и моя жуткая карточка, там мне три года, — сказала Банч. — Я стою рядом с фокстерьером, такая косоглазая.

— Наверно, у тетушки Летти куча ваших фотографий, — сказала мисс Марпл, поворачиваясь

---

[18] notes: 18

Дрезденский фарфор — фарфоровые изделия, произведенные в городе Мейсен (округ Дрезден), где в начале XVIII века впервые был открыт способ производства твердого фарфора и в 1710 году основан первый в Европе фарфоровый завод, выпускавший изысканную по росписи и пластическому мастерству посуду, вазы, скульптуру.

к Патрику.

— О, мы всего лишь дальние родственники, — промямлил тот.

— По-моему, Элинор когда-то прислала мне одну твою детскую фотографию, Пат, — сказала мисс Блеклок. — Но, боюсь, она не сохранилась. Я не помнила даже, сколько у твоей матери детей и как их зовут, пока она не написала, что вы приедете.

— Еще одна примета времени, — сказала мисс Марпл. — Сейчас люди пожилого возраста часто даже не знакомы со своими молодыми родственниками. В старые добрые времена, когда так чтились родственные отношения, это было невозможно.

— В последний раз я видела мать Пата и Джулии на свадьбе тридцать лет назад, — сказала мисс Блеклок. — Она была очень хорошенькой девушкой.

— И поэтому у нее такие хорошенькие детки! — ухмыльнулся Патрик.

— У вас такой прелестный старинный альбом, — вставила Джулия. — Помните, тетя Летти, мы его смотрели на днях. Ну там и шляпки!

— А мы считали, что выглядели в них очень мило, вздохнула мисс Блеклок.

— Не стоит расстраиваться, тетя Летти, — сказал Патрик. — Когда лет тридцать спустя Джулия натолкнется на свою фотографию, вряд ли она решит, что выглядит будто роза.

— Вы нарочно это сделали? — спросила Банч, когда они с мисс Марпл возвращались домой. — Нарочно завели разговор про фотографии?

— Ну конечно, милочка, ведь смотри, как любопытно: мисс Блеклок не знает в лицо ни племянницу, ни племянника… Думаю, инспектора Креддока это должно заинтересовать.

Глава 12
Утренние хлопоты в Чиппинг-Клеорне

Эдмунд Светтенхэм осторожно присел на садовую тележку.

— Доброе утро, Филлипа, — сказал он.

— Привет.

— Вы очень заняты?

— Более или менее.

— А что вы делаете?

— А вы не видите?

— Нет. Я не садовник. На мой взгляд, вы просто забавляетесь.

— Я сажаю салат.

— Вот как? Значит, сажаете…

— Вы что-то хотели? — холодно спросила Филлипа.

— Да. Увидеть вас.

Филлипа метнула на него быстрый взгляд.

— Вам не следует приходить сюда. Миссис Лукас это не понравится.

— Она не позволяет вам иметь поклонников?

— Не говорите глупостей.

— А что? Поклонник… Прекрасное слово. Великолепно передает мое отношение к вам. Уважительно… на расстоянии… но неотступно.

— Пожалуйста, Эдмунд, уходите. Вам незачем сюда приходить.

— А вот и не правда! — торжествующе провозгласил Эдмунд. — Вот и есть зачем. Миссис Лукас позвонила сегодня маме и сказала, что у нее полно кабачков.

— Их и правда пропасть.

— И спросила, не хотим ли мы поменять горшочек меда на кабачки.

— Но это неравный обмен! Сейчас кабачки — совершенно неходкий товар, их у всех хоть отбавляй.

— Конечно. Поэтому миссис Лукас и позвонила. В прошлый раз, если мне не изменяет память, она предложила обменять снятое молоко, — представляете, снятое молоко — на зеленый салат. В самом начале сезона! Он тогда шел по шиллингу за пучок.

Филлипа промолчала.

Эдмунд полез в карман и извлек оттуда горшочек меда.

— Так что вот мое алиби. В самом широком и неоспоримом смысле слова. Если миссис Лукас

ухитрится протиснуть свой бюст в дверь подсобки, я сообщу, что пришел насчет кабачков. А это отнюдь не праздное времяпрепровождение.

— Понятно.

— Вы читали Теннисона[19]? — как бы между прочим поинтересовался Эдмунд.

— Не так уж много.

— А зря. Он скоро опять войдет в моду. Даже теперь по вечерам передают по радио “Королевские идиллии”, а не бесконечного Троллопа[20]. Я всегда считал, что Троллоп невыносимо слащав. Конечно, в небольших количествах его читать можно, но когда тебя им пичкают!.. Так вот о Теннисоне… Вы читали “Мод”?

— Когда-то давным-давно.

— Там есть такие строки. — Он процитировал, нежно глядя на Филлипу:

— “Невинность и порок и холод совершенства — роскошное ничто”. Это вы, Филлипа.

— Странный комплимент!

— А это и не комплимент. Я думаю. Мод запала

---

[19] notes: 19

Теннисон Альфред (1809—1892) — английский поэт викторианской эпохи, автор утонченных лирических и философских стихов.

[20] notes: 20

Троллоп Энтони (1815—1882) — английский писатель-реалист, перу которого принадлежат многочисленные романы из жизни Англии XIX века.

бедняге в душу так же, как вы мне.

— Не болтайте чепухи, Эдмунд.

— Черт подери, Филлипа, почему вы такая? Что таится за вашими идеально правильными чертами? О чем вы думаете? Что чувствуете? Счастливы вы или несчастны? А может, напуганы? Или еще что-нибудь? Но хоть что-то вы же должны чувствовать!

Филлипа спокойно сказала:

— Что я чувствую — это мое дело.

— Но и мое тоже! Я хочу заставить вас говорить. Хочу знать, что творится в вашей безмятежной головке. Я имею право знать. Правда, имею. Я не хотел в вас влюбляться. Я хотел спокойно писать свою книгу. Прекрасную книгу о том, какие люди несчастные. Очень ведь просто разглагольствовать с умным видом о том, какие все вокруг несчастные. Это становится привычкой. Да-да, я убедился… после того, как прочел про жизнь Берн-Джонса[21].

Филлипа оторвалась от работы и уставилась на него, удивленно наморщив лоб.

---

[21] notes: 21

Берн-Джонс Эдуард Коули (1833—1898) — английский художник, член Прерафаэлитского братства (группы художников и писателей, провозгласивших своим идеалом эстетику раннего Возрождения — до Рафаэля).

— При чем тут Берн-Джонс?

— При том. Когда прочтешь про прерафаэлитов, начинаешь понимать, что такое мода. Они были ужасно жизнерадостные, говорили на сплошном жаргоне, смеялись, шутили и уверяли, что жизнь прекрасна. Но это тоже было данью моде. Они были не жизнерадостней или счастливей нас. А мы ничуть не несчастней их. Все это мода, поверьте. После войны мы помешались на сексе. А теперь нам этот бзик надоел. А впрочем, не важно. Почему мы об этом заговорили? Я же начал про нас с вами. Только у меня язык присох к небу. А все потому, что вы не хотите мне помочь.

— Что вам от меня нужно?

— Скажите! Ну скажите же! Это из-за мужа? Вы обожали его, а теперь он умер, и вы спрятались, словно улитка, в свою раковину? Из-за него? Что ж, прекрасно, вы его обожали, а он умер. Но другие женщины тоже потеряли мужей, — очень многие, — и некоторые из них любили своих мужей. И что же они расскажут тебе об этом в баре, немного поплачут, когда напьются, а потом лягут с тобой в постель, чтобы утешиться. Наверно, так можно утешиться. Вы переживете это, Филлипа. Вы молоды, чертовски привлекательны, и я люблю вас до безумия. Расскажите, расскажите о

вашем муже! Черт бы его побрал!

— Что тут рассказывать? Мы встретились и поженились.

— Вы были очень молоды?

— Слишком.

— Значит, вы не были счастливы? Продолжайте, Филлипа.

— Да продолжать-то нечего. Мы поженились. Были счастливы, как, наверное, большинство людей. Родился Гарри.

Рональд уехал за границу. Его… его убили в Италии.

— И остался Гарри?

— Остался Гарри.

— Мне нравится Гарри. Он славный мальчик. И я ему тоже нравлюсь. Мы с ним поладим. Ну как, Филлипа? Давайте поженимся, а? Вы можете продолжать садовничать, а я — писать книгу. А в праздники мы работать не будем, будем развлекаться. Действуя тактично, мы могли бы отделиться от мамы. Она будет подкидывать нам деньжат, чтобы поддержать обожаемого сынулю. Я иждивенец, пишу дрянные книжки, у меня плохое зрение, и я болтлив. Вот худшие из моих недостатков. Может, попробуем, а?

Филлипа подняла глаза. Перед ней стоял вы-

сокий, весьма серьезный молодой человек в больших очках. Его пшеничные волосы разлохматились, а глаза смотрели ободряюще и дружелюбно.

— Нет, — сказала Филлипа.

— Это ваш окончательный ответ?

— Окончательный.

— Почему?

— Вы обо мне ничего не знаете.

— И это все?

— Нет. Вы вообще ни о чем ничего не знаете.

Эдмунд немного подумал.

— Возможно, но кто знает? Филлипа, моя обожаемая Филлипа…

Он осекся, вдруг услышав быстро приближающееся визгливое тявканье.

И тогда он тут же стал декламировать:

— “И болонки на закате так резвились и играли… (Только сейчас всего лишь одиннадцать утра.) Фил, Фил, Фил, Фил! — Они тявкали и звали…” Ваше имя плохо вписывается в размер. Может, у вас есть другое?

— Джоан. Пожалуйста, уходите. Это миссис Лукас.

— Джоан, Джоан, Джоан, Джоан… Лучше, но не намного.

— Миссис Лукас…

— О черт! — выругался Эдмунд. — Ладно, давайте ваши проклятые кабачки.

Литтл-Педдокс остался на попечение сержанта Флетчера.

У Мици был выходной. В такие дни она всегда уезжала с одиннадцатичасовым автобусом в Меденхэм-Уэллс. С разрешения мисс Блеклок сержант Флетчер осматривал дом. Сама же мисс Блеклок с Дорой отправились в деревню.

Флетчер работал рьяно. Итак, кто-то смазал дверные петли, чтобы незаметно покинуть гостиную, едва погаснет свет… Мици эта дверь не понадобилась бы, а значит, служанка исключалась.

“Кто же тогда? Соседи, — думал Флетчер, — тоже исключаются”. Он не мог себе представить, как они ухитрились бы смазать петли. Оставались Патрик и Джулия Симмонс, Филлипа Хаймс и, возможно, Дора Баннер. Симмонсы сейчас были в Мильчестере. Филлипа Хаймс на работе. Сержанту Флетчеру выпала возможность все хорошенько осмотреть. Но в доме все оказалось в полном порядке — комар носу не подточит. Флетчер, прекрасно разбиравшийся в электричестве, не смог обнаружить ни в проводке, ни в розетках,

ни в выключателях никаких изъянов. Как и отчего погас свет — продолжало оставаться тайной.

При беглом осмотре комнат, к сожалению, тоже не обнаружилось ничего интересного. В комнате Филлипы Хаймс висели фотографии маленького мальчика с серьезными глазами, хранился еще один снимок — тот же ребенок в младенчестве, пачка писем, которые он прислал из школы, и пара театральных программок. Ящик стола в комнате Джулии ломился от моментальных снимков юга Франции. Купающиеся люди, виллы под сенью мимоз… Патрик хранил какие-то мелочи в память о службе на флоте. У Доры Баннер тоже нашлись какие-то безделушки, с виду совершенно невинные.

“И все-таки — кто-то из домашних смазал петли на той двери”. Раздумья Флетчера прервал шум внизу. Он быстро подошел к краю лестницы.

Через холл шла миссис Светтенхэм с корзинкой в руке. Заглянула в гостиную, пересекла холл и направилась в столовую. Вышла она оттуда уже без корзинки.

Сержант Флетчер пошевелился, половица скрипнула, и миссис Светтенхэм обернулась. Задрав голову, она спросила:

— Это вы, мисс Блеклок?

— Нет, это я, миссис Светтенхэм, — сказал Флетчер. Миссис Светтенхэм слабо вскрикнула:

— Боже! Как вы меня напугали. Я подумала: еще один грабитель!

Флетчер спустился к ней.

— Похоже, дом не слишком защищен от грабителей, — сказал он. — И что, каждый вот так, запросто может прийти и уйти, когда ему вздумается?

— Я принесла айвы из нашего сада, — объяснила миссис Светтенхэм. — Мисс Блеклок хотела сварить айвовое желе, но у нее нет айвы. Я оставила корзинку в столовой.

Она улыбнулась.

— О, понимаю, вы хотите узнать, как я вошла? Очень просто — через черный ход. У нас так принято, сержант. Никому и в голову не приходит запирать двери до темноты. И действительно, как было бы неудобно, если бы ты не мог принести и оставить, что нужно. Прошли те времена, когда на звонок выходил слуга и спрашивал, что вам угодно. — Миссис Светтенхэм вздохнула. — Помню, в Индии, — печально продолжала она, — мы держали восемнадцать слуг, восемнадцать! Не считая няню-туземку. Это само собой. А когда я была маленькая, у нас дома всегда крутилось

трое слуг, и при этом мама считала нас страшно нищими, потому что мы не могли позволить себе нанять кухарку. Должна признаться, сержант, теперешняя жизнь кажется мне очень странной, хотя, конечно, грех жаловаться. Шахтерам, к примеру, живется куда хуже, они вечно болеют этим пситасикозом (кажется, это от птичек передается?), им, бедненьким, приходится бросать шахту и наниматься в садовники, хотя они не в состоянии отличить сорняк от шпината.

Потом она добавила, направляясь к выходу:

— Не смею вас больше задерживать. У вас, наверно, уйма, работы. А вы что — ждете еще каких-нибудь неприятных сюрпризов?

— Почему вы спрашиваете, миссис Светтенхэм?

— Да просто так. Увидела вас тут и подумала: наверное, все-таки шайка орудует. Вы скажете мисс Блеклок про айву, хорошо?

Миссис Светтенхэм ушла. А Флетчер стоял, будто громом пораженный. Совсем недавно он считал, что дверь смазал кто-то из домочадцев. Теперь он понял, что заблуждался. Постороннему стоило лишь дождаться, пока Мици уедет на автобусе, а Легация с Дорой Баннер уйдут. Все было проще простого. И значит, ни одного из тех, кто

присутствовал тогда в гостиной, из подозреваемых исключать было нельзя.

— Мергатройд!

— Да, Хинч?

— Знаешь, я тут все думала-думала…

— И что?

— Да уж пришлось поломать голову. Так вот, Мергатройд, то, что случилось тогда вечером, — сплошная липа.

— Липа?

— Ага. Ну-ка подбери волосы и возьми совок. Представь себе, что ты держишь пистолет.

— Ой! — занервничала мисс Мергатройд.

— Так. Да не бойся ты, он не кусается. Теперь подойди к двери. Ты грабитель. Стань там. А сейчас ты должна войти на кухню и проделать все эти глупости. Возьми фонарик. Включи его.

— Но как же… среди бела дня?

— А воображение у тебя на что, Мергатройд. Давай включай.

Мисс Мергатройд, зажав фонарь под мышкой, довольно неуклюже проделала все манипуляции.

— Так, — сказала мисс Хинчклифф, — поехали! Вспомни, как ты в Институте благородных девиц

играла Гермию из “Сна в летнюю ночь”[22]. Играй же! Вложи всю душу. “Руки вверх!” — вот твоя реплика, и не вздумай портить ее никакими “пожалуйста”.

Мисс Мергатройд послушно подняла фонарик и, размахивая совком, двинулась к кухонной двери.

— Руки вверх! — пискнула она и огорченно добавила:

— Господи, как все это трудно, Хинч!

— Почему?

— Из-за вертящейся двери. Она, того и гляди, ударит, а у меня обе руки заняты.

— То-то и оно, — торжествующе воскликнула мисс Хинчклифф, — а в гостиной Литтл-Педдокса дверь тоже постоянно захлопывается. Хоть она и не вертящаяся, как у нас, а все равно ходит ходуном. Потому-то Летти Блеклок и купила отличный дверной фиксатор у Элиота с Хай-стрит. Никогда ей не прощу, что она меня обскакала. Я уже почти сторговалась с этим старым болваном Элиотом. И вот когда он наконец готов был сбавить цену с восьми гиней до шести фунтов десяти шиллингов, является Блеклок и покупает у него

---

[22] notes: 22

“Сон в летнюю ночь” — комедия Вильяма Шекспира (1564—1616).

этот проклятый фиксатор. В жизни не видела стеклянного шара такого размера!

— Может, грабитель тоже вставил в дверь фиксатор, чтобы она не закрывалась?

— Да ты в своем уме, Мергатройд? Как бы он исхитрился? Распахнул бы дверь, сказал: “Подождите минуточку”, нагнулся, поставил фиксатор, а потом перешел бы к делу и выкрикнул: “Руки вверх”? А теперь попытайся-ка придержать дверь плечом.

— Все равно очень неудобно, — пожаловалась мисс Мергатройд.

— Вот и я о том же, — сказала мисс Хинчклифф. — Пистолет, фонарь да еще и дверь придерживать — не слишком ли много для одного человека? А если много, то что из этого следует?

Мисс Мергатройд даже не попыталась ничего предположить, а лишь вопрошающе и восхищенно взглянула на подругу, ожидая, что та ее просветит.

— Мы знаем, что у него был пистолет, поскольку он из него стрелял — сказала мисс Хинчклифф. — И фонарик, поскольку все его видели, если только это не массовый гипноз… ну вспомни нудные индийские байки старого Истербрука о трюках с канатами… Значит, вопрос стоит так: придержи-

вал ли кто-нибудь ему дверь?

— Но кто?

— Да хотя бы ты, Мергатройд. Насколько я помню, ты стояла как раз за дверью, когда погас свет. — Мисс Хинчклифф добродушно рассмеялась. — А ты ведь крайне подозрительная личность, а, Мергатройд? Но кто додумается обратить на тебя внимание? Ладно, давай сюда совок: слава Богу, это не настоящий пистолет, а то ты бы сейчас застрелилась!

— Странно, крайне странно, — пробормотал полковник Истербрук. — Крайне странно.

— В чем дело, милый?

— Поди-ка сюда на минуточку.

— Что случилось, милый?

Миссис Истербрук появилась в дверях гардеробной.

— Помнишь, я показывал тебе пистолет?

— Да, Арчи, такую мерзкую черную штуковину.

— Ну. Сувенир из Венгрии. Он лежал в этом ящике, помнишь?

— Помню.

— А теперь его тут нет.

— Как странно. Арчи!

— Ты его не трогала?

— Ты что, я даже прикоснуться к нему боюсь!

— Может, это старая грымза, как бишь ее…

— Да нет! Миссис Батт в жизни бы такого не сделала. Спросить у нее?

— Не надо. А то разговоры пойдут… Лучше скажи, ты помнишь, когда я тебе его показывал?

— Где-то неделю назад. Ты ворчал, что тебе плохо постирали воротнички в прачечной, выдвинул ящик, а там в глубине лежал пистолет, и я спросила, что это.

— Точно. Где-то неделю тому назад. А числа не припомнишь?

Миссис Истербрук задумалась, она закрыла глаза, лицо выдавало напряженную работу мысли.

— Ну да, — воскликнула она, — в субботу! Мы еще собирались пойти в кино, но не пошли.

— Гм… а ты уверена, что не раньше? Может, в пятницу или даже на позапрошлой неделе?

— Нет, милый. Я прекрасно помню. Это было тридцатого, в субботу. Просто из-за того несчастья кажется, что все было так давно. Я даже скажу тебе, почему могу точно назвать дату. Это случилось на следующий день после налета. Я увидела пистолет, и он напомнил мне вчерашнюю пальбу.

— Уф, — сказал полковник Истербрук, — прямо

гора с плеч свалилась.

— Но почему, Арчи?

— А потому, что если бы пистолет исчез перед налетом, то его мог стащить проходимец Шерц.

— Но откуда ему было знать про твой пистолет?

— Эти гангстеры добывают сведения самыми невероятными способами. Они все про всех знают.

— Какой ты умный, Арчи!

— Ха! Да уж кое-что повидал на своем веку. Но раз ты точно помнишь, что видела пистолет после налета, тогда все в порядке. Ведь не мог же он стрелять из моего пистолета?

— Конечно нет.

— Слава Богу. А то пришлось бы заявлять в полицию и отвечать на всякие неприятные вопросы. Никуда не денешься. А я в свое время не удосужился получить разрешение на ношение оружия… После войны было как-то не до законов мирного времени. Я относился к пистолету как к реликвии, а не как к огнестрельному оружию.

— Понимаю.

— Но все же куда запропастилась эта проклятая штуковина?

— Может, его все-таки миссис Батт взяла?

Правда, она всегда казалась мне порядочной женщиной, но, наверное, после налета она занервничала и решила, что пистолет в доме не помешает. Хотя, конечно, она никогда не сознается. Да я и спрашивать не буду. Она ведь может обидеться. А куда мы без нее? Дом такой большой… я одна просто не справлюсь.

— Конечно, — согласился полковник, — лучше ничего не говорить.

Глава 13
Утренние хлопоты в Чиппинг-Клеорне (продолжение)

Мисс Марпл вышла из ворот дома священника и двинулась по переулку, ведущему на главную улицу.

Она шла очень быстро, опираясь на толстую палку преподобного Джулиана Хармона.

Миновав бар “Рыжая корова” и лавку мясника, она на минутку остановилась взглянуть на витрину антикварного магазинчика мистера Элиота, который был удачно расположен рядом с чайной “Синяя птица” и кафе, так, чтобы богатые автомобилисты, остановившись выпить чашку чаю и съесть нечто сомнительное ядовито-шафранового цвета, именуемое “домашними пирожными”, не могли бы устоять перед искушением заглянуть в витрину его лавчонки. Оформляя старинную витрину-эркер, предусмотрительный мистер Элиот постарался угодить на все вкусы. Тут были две вещицы ватерфордского стекла, стоявшие на ведерке для льда. Бюро орехового дерева с

инкрустацией рекламировалось как “стоящее приобретение”, на столике, который стоял рядом, красовались дешевые дверные молотки, причудливые талисманы, несколько треснувших чашек дрезденского фарфора, пара жалких бисерных бус, кружка с надписью “Подарок из Танбридж-Уэллса” и кое-какие серебряные безделушки викторианской поры.

Не успела мисс Марпл оглядеть витрину, как мистер Элиот, тучный пожилой паук, уже начал прикидывать материальные возможности новой “мушки”.

Но как раз когда он решил, что гостья из домика священника (а мистер Элиот, подобно всем в округе, прекрасно знал, кто такая мисс Марпл) не устоит перед прелестями “Подарка из Танбридж-Уэллса”, мисс Марпл краем глаза заметила, что в “Синюю птицу” входит Дора Баннер, и подумала, что столь ветреным утром отнюдь не помешает выпить чашечку кофе.

В кафе уже расположилось несколько дам, подслащивавших себе утреннюю беготню по магазинам. Мисс Марпл, слегка прищурившись, вглядывалась в полумрак “Синей птицы” и искусно разыгрывала легкое замешательство. Внезапно у нее над ухом раздался голос Доры

Баннер:

— Доброе утро, мисс Марпл. Подсаживайтесь ко мне. Я одна.

— Спасибо.

Мисс Марпл благодарно опустилась на неуклюжее фирменное кресло синего цвета.

— Такой резкий ветер, — пожаловалась она, — а я не могу идти побыстрее — из-за ревматизма.

— Я вас так понимаю. В прошлом году меня прихватил ишиас[23] — так это была просто пытка.

Дамы принялись жадно обсуждать свои болячки: ревматизм, ишиас и неврит. Хмурая девица в розовом халате с аппликацией из синих птиц, зевая, приняла заказ на кофе и пирожные. Вид у нее был устало-терпеливый.

— Здесь прекрасные пирожные, — заговорщицки прошептала мисс Баннер.

— Меня заинтересовала прехорошенькая особа, которую мы встретили, уходя от мисс Блеклок, — начала мисс Марпл. — Кажется, она ухаживает за цветами или работает в поле. Как ее зовут? Хаймс?

— Да-да, Филлипа Хаймс. Мы прозвали ее “наша квартирантка”. — Мисс Баннер рассмеялась

---

[23] notes: 23

Ишиас — воспаление седалищного нерва, проявляющееся в болях в пояснице.

собственной шутке. — Приятная женщина, очень спокойная. Настоящая леди, ну, вы понимаете, о чем я…

— Любопытно. А я знавала одного полковника Хаймса, он служил в индийской кавалерии. Может, ее отец?

— Она Хаймс по мужу. Вдова. Ее мужа убили где-то в Италии — то ли в Сицилии, то ли еще где… Ваш знакомый мог быть отцом ее мужа.

— А нет ли у нее небольшого романчика? — лукаво предположила мисс Марпл. — С тем высоким юношей?

— С Патриком? Вы думаете? Нет, мне кажется…

— Я имела в виду юношу в очках. Я его тут както видела…

— Ах, вы об Эдмунде Светтенхэме! Тес… Вон там в углу сидит его мать, миссис Светтенхэм. Право, не знаю. Вы думаете, Филлипа ему нравится? Он такой странный, порой говорит совершенно неслыханные вещи. И его почему-то считают умным, — сказала мисс Баннер с явным неодобрением.

— Ум — это еще не все, — с готовностью заметила мисс Марпл. — А вот и наш кофе.

Хмурая девица грохнула на стол поднос. Мисс Марпл и мисс Баннер принялись потчевать друг

друга пирожными.

— Как интересно, что вы с мисс Блеклок вместе учились в школе. Вот уж действительно, дружба проверенная временем.

— Правда, — вздохнула мисс Баннер. — Мало кто так верен друзьям, как дорогая мисс Блеклок. Боже, как же давно это было! Такая хорошенькая девушка, она так любила жизнь! Как все это грустно!

Мисс Марпл вздохнула и покачала головой, хотя абсолютно не понимала, что же здесь грустного.

— Жизнь тяжела, — пробормотала она.

— "И бремя печалей на сердце легло", — прошептала мисс Баннер, глаза ее затуманились от слез. — Я всегда вспоминаю это стихотворение. Истинное терпение, истинное смирение. Такое мужество и стойкость должны быть вознаграждены. Мисс Блеклок достойна величайшего счастья.

— Деньги, — сказала мисс Марпл, — могут существенно облегчить жизнь.

Она со спокойным сердцем позволила себе отпустить это замечание, поскольку считала, что мисс Баннер намекает на изобилие в доме мисс Блеклок в ближайшем будущем. Однако

мисс Баннер вдруг резко настроилась на совсем другой лад.

— Деньги! — с горечью воскликнула она. — Знаете, что я думаю? По-настоящему понять, что значат деньги, а скорее даже их отсутствие, можно только на собственном опыте.

Мисс Марпл сочувственно закивала.

Мисс Баннер продолжала:

— Я часто слышала, как люди говорят: “Лучше вообще не обедать, чем обедать без цветов на столе”. Но приходилось ли им сидеть без обеда? Они и представить себе не могут, что это значит, такое надо пережить самому… Голод. Каково оно… когда у тебя только банка паштета и остатки маргарина… И ты годами сидишь на этом и сходишь с ума, мечтая о хорошем куске мяса с овощами. А одежда! Штопаная-перештопаная, живого места не осталось, а все убеждаешь себя, что незаметно. А поиски работы! И везде тебе говорят, что ты слишком стара. А когда вдруг подворачивается место, силы уже не те. Однажды ты падаешь в обморок и снова оказываешься на улице. А квартплата! Вечная квартплата… И обязательно надо заплатить вовремя, не то тебя выселят. На жизнь остается совсем чуть-чуть, цены-то кусаются! На одну пенсию не осень-то разживешься, не очень.

— Понимаю, — сочувственно сказала мисс Марпл.

— Я написала Летти. Случайно увидела ее имя в газете. Там говорилось про благотворительный завтрак в пользу мильчестерской больницы. Так прямо черным по белому и стояло: “Мисс Летиция Блеклок”. И я вдруг вернулась в прошлое. Я сто лет ничего о ней не слышала. Она работала секретаршей у одного очень богатого человека, наверное, вы знаете, Геллера. Летти была умной девушкой, из тех, кто преуспевает в жизни, не очень хорошенькой, но зато с сильной волей. Ну, я и подумала… подумала, что, может, она помнит меня… ведь она единственная, кого я могла попросить о небольшой услуге. Я хочу сказать… те, кого знаешь с детства, с кем училась в школе, они ведь не подумают про тебя плохо, не решат, что ты попрошайка, вымогающая в письмах деньги.

На глаза Доры Баннер навернулись слезы.

— А потом приехала Лотти и забрала меня… она сказала, ей нужна помощница по дому. Конечно, я очень удивилась… но в газетах часто все перевирают… А столько в ней доброты, сочувствия! И она так хорошо помнит старые времена. Я на все для нее готова, на все. И я очень стараюсь, но, боюсь, подчас я многое путаю… память не та

стала. Я ошибаюсь. Все на свете забываю и говорю глупости. Но она — само терпение. И что самое трогательное — она постоянно делает вид, будто ей от меня польза. Ведь это истинная доброта, правда?

— Да, это истинная доброта, — ласково подтвердила мисс Марпл.

— Я все время волновалась, с тех пор как приехала в Литтл-Педдокс: что будет со мной, если с мисс Блеклок что-нибудь случится? Ведь вокруг столько опасностей, машины носятся как угорелые, никто не застрахован, правда? Но, разумеется, я ничего не говорила Летти, хотя она, вероятно, догадывалась. Наверняка даже, потому что однажды сказала, что оставит мне небольшой годовой доход и — что для меня куда более ценно — всю свою чудесную обстановку. Я была совершенно потрясена. Но она сказала, что никто не умеет ценить вещи так, как я, и это правда… я просто из себя выхожу, если на моих глазах бьют фарфор или оставляют на столе следы от мокрых стаканов. Я действительно забочусь о ее вещах.

Тут у нас некоторые, да, именно “некоторые”, относятся к ее вещам наплевательски, чтобы не сказать хуже. Я вовсе не так глупа, как кажется, — простодушно продолжала мисс Баннер. — И

прекрасно вижу, как Летти обводят вокруг пальца. Кое-кто, не буду называть имен, занимается чистым надувательством. Наша дорогая мисс Блеклок излишне доверчива.

Мисс Марпл сокрушенно покачала головой:

— Доверчивость — вещь опасная.

— Да, вот именно. Мы-то с вами, мисс Марпл, знаем жизнь. А мисс Блеклок…

Мисс Марпл подумала, что мисс Блеклок, бывшая секретарша крупного финансиста, тоже должна бы знать жизнь. Но, вероятно, Дора Баннер хотела сказать, что Летти Блеклок всегда жила в комфорте, а люди, привыкшие жить в довольстве, не знают бездн человеческой души.

— Ох уж этот Патрик! — вдруг воскликнула мисс Баннер, да так неожиданно, что мисс Марпл подскочила. — Насколько мне известно, он, по крайней мере, дважды вытягивал из нее деньги. Прикинулся, будто попал в передрягу. Залез в долги. В общем, песенка обычная. А Летти слишком щедрая. На мои упреки знай отвечает:

“Мальчик молод, Дора. В юности можно и побезумствовать”.

— Что ж, в этом есть доля истины, — сказала мисс Марпл. — Тем более он такой красивый молодой человек.

— Человек красен делами, — возразила Дора Баннер. — А он очень любит поднимать всех на смех. И, наверно, чересчур увлекается девушками. Я, например, для него только объект для насмешек, не больше. Ему, по-моему, и в голову не приходит, что у других людей тоже есть какие-то чувства.

— Молодежь частенько этим грешит, — сказала мисс Марпл.

Мисс Баннер вдруг подалась вперед с таинственным видом.

— Вы ведь никому не расскажете, правда, дорогая? спросила она. — Понимаете, я никак не могу избавиться от ощущения, что он замешан в той жуткой истории. Я думаю, или он, или Джулия были знакомы с тем молодым человеком. Мисс Блеклок я, конечно, даже и не заикаюсь, она устроит мне выволочку — ведь он ее племянник. Но раз тот швейцарец застрелился, Патрик должен ведь чувствовать какую-то ответственность, правда же? То есть если он его подбил, конечно. В общем, я совсем запуталась. И все столько шумят о второй двери в гостиную! А меня другое беспокоит: то, что сыщик сказал, будто петли смазали. Потому что, понимаете, я видела…

Она запнулась.

Мисс Марпл молчала, подбирая нужные слова.

— Да, сложное положение, — сочувственно сказала она. — Естественно, вы не хотите, чтобы дело дошло до полиции.

— Вот именно! — вскричала Дора Баннер. — Я ночи напролет лежу и думаю… понимаете, я тут на днях натолкнулась в кустах на Патрика. Я искала яйца, одна наша курица несет яйца прямо в саду, а он стоял там и держал в руках перышко и баночку из-под масла. Увидев меня, отскочил с виноватым видом и сказал: “Я вот как раз думал: откуда это взялось?” Он, конечно, парень сообразительный. Наверное, на ходу придумал, когда я его застукала. Да и вообще, сами посудите, как можно найти такое в кустах, если не искать намеренно, если не знать, что это — там! Но, конечно, я ничего не сказала. Однако я так на него посмотрела! Ну, вы понимаете…

Дора Баннер протянула руку и отщипнула кусочек розово-рыжеватого, совсем как лососина, пирожного.

— А в другой раз я случайно услышала их очень странный разговор с Джулией. Они вроде бы ссорились. Он сказал: “Если бы я знал, что ты с этим связана!” А Джулия, всегда такая спокойная, ему в ответ: “Ну и что ж, мой милый братец, ты

собираешься теперь делать?" Но тут, как назло, скрипнула половица, и они меня заметили. Мне ничего не оставалось, как самым шутливым тоном спросить: "Да вы, как видно, ссоритесь?" А Патрик сказал: "Я убеждаю Джулию не связываться с продавцами на черном рынке". У него очень ловко получилось, но я не поверила. И еще я считаю, что с лампой в гостиной что-то сделал Патрик. Это его рук дело, я ведь прекрасно помню, что там была пастушка, а не пастушок. А на следующий день…

Она осеклась и покраснела. Обернувшись, мисс Марпл увидела, что сзади стоит мисс Блеклок… должно быть, она только что вошла.

— Попиваем кофе и сплетничаем, Банни? — спросила мисс Блеклок, и в голосе ее прозвучал укор. — Доброе утро, мисс Марпл. Сегодня очень свежо, правда?

— Мы как раз говорили, что сейчас столько новых правил и ограничений, — поспешно заявила мисс Баннер. — Что всего и не упомнишь.

Дверь с грохотом распахнулась, и в "Синюю птицу" влетела Банч Хармон.

— Привет, — сказала она. — Я опоздала?

— Ну, почему же, дорогая, — сказала мисс Марпл. — Садись, выпей кофейку.

— Мы должны идти, — сказала мисс Блеклок. — Ты все купила, что нужно, Банни?

Она говорила вполне милостивым тоном, но в глазах еще таился упрек.

— Да-да, спасибо, Летти. Я только забегу по пути в аптеку, куплю аспирин и лейкопластырь.

Когда дверь за ними закрылась, Банч спросила:

— О чем вы беседовали?

Мисс Марпл ответила не сразу. Она подождала, пока у Банч приняли заказ, и только потом сказала:

— Семейная сплоченность — очень серьезная вещь. Очень. Помнишь одно нашумевшее дело? Не помню точно чье. Говорили, что один джентльмен отравил жену. Подсыпал яд в бокал с вином. Но на суде дочь показала, что полбокала выпила она, и все доводы обвинения разлетелись в пух и прах. Говорят, — но, может, это лишь слухи, — будто она с тех пор не обмолвилась с отцом ни единым словом и ни разу не ночевала с ним под одной крышей. Но, конечно, отец — одно, а племянник или дальний родственник — совсем другое. И все-таки никому не хочется, чтобы кого-нибудь из его семьи повесили, да?

— Естественно, — задумчиво протянула Банч.

Мисс Марпл откинулась на спинку кресла и еле слышно пробормотала:

— Все люди очень похожи друг на друга.

— А на кого похожа я?

— Ты-то как раз на саму себя. Ты мне никого особо не напоминаешь. Разве что…

— Начинается! — воскликнула Банч.

— Да нет, дорогая, я просто подумала о своей горничной.

— О горничной? Из меня вышла бы ужасная горничная.

— Из нее тоже. Она совершенно не умела прислуживать за столом. Устраивала кавардак, клала кухонные ножи вперемежку со столовыми, а ее чепчик (это было очень давно, моя милая, тогда горничные носили специальные головные уборы) всегда сидел набекрень.

Банч машинально поправила шляпку.

— Ну, а еще что? — тревожно спросила она.

— Но я держала эту горничную, потому что с ней было хорошо, и вдобавок она меня смешила. Мне нравилось, что она все говорила напрямик. Пришла как-то раз и заявляет: “Не знаю, мэм, но по тому, как Флорри сидит, похоже, она уже не девица”. И разумеется, Флорри действительно оказалась в интересном положении из-за одного

подмастерья-парикмахера. По счастью, это случилось в старые добрые времена, и я могла с ним потолковать и все уладить. Они сыграли прелестную свадьбу и зажили очень счастливо. Флорри была хорошей девушкой, но чересчур падкой на красивых мужчин.

— Но она никого не убила, правда? — спросила Банч. — Я про горничную.

— Нет, конечно, — ответила мисс Марпл. — Она вышла замуж за баптистского[24] священника, у них пятеро детей.

— Совсем как я, — воскликнула Банч. — Правда, пока что у меня только Эдвард и Сьюзен.

Помолчав некоторое время, она добавила:

— А сейчас вы о ком думаете, тетя Джейн?

— О многих, — неопределенно откликнулась мисс Марпл.

— В Сент-Мэри-Мид?

— В основном… В частности, я думала о сестре Эллертон, воплощенной добродетели. Она ухаживала за одной старой дамой, души в ней не чаяла. Потом старушка скончалась. Сестра Эллертон стала ухаживать за другой, та тоже умерла. От

---

[24] notes: 24

Баптисты — христианская секта, возникшая в XVII веке в Англии как протест против официальной англиканской церкви; отрицает церковную иерархию, храмы, почитание икон, крещение детей.

морфия. Все выплыло наружу. Истинная доброта. Проделала все с удивительным добросердечием и, что самое возмутительное, так и не осознала, что поступила дурно. “Все равно им недолго оставалось жить, — сказала она, — у одной был рак, и бедняжка ужасно страдала”.

— Значит, сестра Эллертон убивала из милосердия?

— Нет-нет. Они переводили на ее имя деньги. Видишь ли, она любила деньги… А еще был один молодой человек, племянник миссис Ньюси, которая держала магазин канцтоваров. Он приносил домой наворованное и просил продать. Говорил, что купил за границей. Заморочил тетке голову. А когда полиция заинтересовалась и стала докапываться до истины, попытался проломить бедняжке череп, чтобы она не смогла его выдать… Не очень приятный юноша, но зато какой красавец! Две девушки были в него влюблены. На одну из них он просадил кучу денег.

— Наверно, на самую противную, — предположила Банч.

— Да, дорогая. А потом была еще миссис Крей, торговка шерстью. Обожала своего сына и, конечно, его испортила. Он впутался в очень темное дело. Банч, а ты помнишь Джоан Крофт?

— Н-нет, вроде бы нет.

— Я думала, может, ты ее видела, когда мы ходили в гости. Она обычно гордо восседала с сигарой или трубкой в зубах. Как-то на банк напали налетчики, а Джоан Крофт как раз там оказалась. Она сбила бандюгу с ног и отобрала пистолет. За мужество суд объявил ей благодарность.

Банч, казалось, ловила каждое слово.

— Ну, и что дальше? — допытывалась она.

— А помнишь ту женщину, которая жила как-то летом в Сент-Жан-де-Коллэн? Такая спокойная… скорее даже молчаливая. Всем она нравилась, но никто не мог сойтись с ней поближе… Потом мы узнали, что у нее муж — фальшивомонетчик. Из-за него она чувствовала себя как бы отрезанной от мира. В конце концов она стала немножко странной. С теми, кто слишком много думает, это бывает.

— А в ваши воспоминания не затесался какой-нибудь полковник, служивший в Индокитае?

— Как же не затесался, моя милая?! В Ларчесе жил полковник Воэн, а в Симла-Лодж — полковник Райт. За ними я ничего плохого не замечала. Но вот мистер Ход-сон, управляющий банком, поехал как-то в кругосветное путешествие и женился на женщине, которая годилась ему в

дочери. Он и понятия не имел, кто она и откуда… Верил тому, что она о себе рассказывала.

— А она говорила не правду?

— Да, врала буквально на каждом шагу.

— Недурно, — кивнула Банч и распрямила пальцы, которые загибала по ходу рассказа. — Мы имеем преданную Дору, красавца Патрика, миссис Светтенхэм и Эдмунда, Филлипу Хаймс, полковника и миссис Истербрук. Кстати, насчет нее вы, по-моему, совершенно правы. Но только зачем ей убивать Летти Блеклок?

— Мисс Блеклок может знать что-нибудь о ее прошлом.

— Романтическая история[25] в духе миссис Танкрей? Нынче такого не бывает!

— А может, и бывает. Видишь ли, Банч, ты из тех, кто не очень обращает внимание на общественное мнение.

— Я понимаю, о чем вы, — внезапно сказала Банч. — Если долго бедствуешь, а потом вдруг, как бездомная намерзшаяся кошка, обретаешь теплый дом и сметанку на блюдечке, и тебя ласкают и называют котеночком, и решают все твои проблемы… Тут на все пойдешь, лишь бы это

---

[25] notes: 25

Романтическая история… — Имеется в виду пьеса “Вторая миссис Танкрей” английского драматурга А. Пинеро (1885—1934).

сохранить… Да, должна признать, вы нарисовали полную галерею человеческих характеров.

— Правда, ты не всех правильно расставила по местам, — сказала мисс Марпл.

— Разве? А где я ошиблась? С Джулией? “Джулия томная — особа темная”.

— Три шиллинга шесть пенсов. — Хмурая официантка неожиданно вынырнула из полумрака. — И скажите на милость, миссис Хармон, — прибавила она, и грудь ее под синими пташками заходила ходуном, — почему вы назвали меня “темной особой”? Правда, у меня была тетя, которая вступила в секту “Особенный народ”[26], но я всегда была правоверной англичанкой, преподобный Хопкинс может это подтвердить.

— Ради Бога, извините меня, — сказала Банч. — Я просто процитировала песенку. И вовсе не имела в виду вас. Я даже не знала, что вас зовут Джулией.

— А, ну тогда совпадение, — сказала, сразу оттаяв, официантка. — Я, конечно, не думала, что вы хотите меня обидеть, но вы тоже меня поймите…

---

[26] notes: 26

“Особенный народ” — религиозная секта, основанная в Лондоне в 1838 году (название взято из библейского “Послания к Титу”); не имеет духовенства, отрицает медицину, полагаясь на силу молитвы.

я услышала свое имя и решила, что это обо мне. А если вам кажется, что речь идет о вас, то вполне естественно подойти и послушать. Спасибо.

Она взяла чаевые и удалилась.

— Тетя Джейн, — сказала Банч, — не надо так расстраиваться. Что случилось?

— Нет-нет, — пробормотала мисс Марпл. — Не может быть. Для этого нет оснований.

— Тетя Джейн!

Мисс Марпл вздохнула, но тут же весело улыбнулась.

— Ничего, моя милая, — сказала она.

— Неужели вы догадались, кто убийца? — спросила Банч. — Кто?

— Понятия не имею. У меня мелькнула какая-то мысль, но тут же исчезла. Если б я знала! У нас ведь так мало времени. Катастрофически мало.

— Что значит “мало”?

— Старая дама из Шотландии может умереть в любую минуту.

Банч уставилась на нее.

— Вы что, и вправду верите в Пипа и Эмму? Значит, вы считаете, что это они… и что они попытаются снова?

— Ну, конечно, попытаются, — ответила мисс Марпл с какой-то странной рассеянностью. —

Если они попытались однажды, то почему бы не попробовать вновь? Когда решаешь кого-то убить, то не остановишься из-за того, что первая попытка сорвалась. Особенно если совершенно уверен, что ты вне подозрений.

— Но Пипом и Эммой, — сказала Банч, — могут быть только двое: Патрик и Джулия. Они брат с сестрой и примерно того же возраста.

— Ах, милая, если б все было так просто! Возможны любые варианты и комбинации. Это может быть жена Пипа, если он женат, или муж Эммы. У них есть мать… она хоть и не прямая наследница, но тоже сторона заинтересованная. Раз Летти Блеклок не видела ее тридцать лет, она вполне может ее сейчас не узнать. Пожилые женщины так похожи друг на друга! Вспомни: миссис Уозерспун получала пенсию за себя и за миссис Барлетт в то время, как миссис Барлетт давным-давно умерла. Тем более мисс Блеклок близорука. Ты разве не замечала, как она щурится? А кроме того, существует еще и сам Стемфордис. И по всей видимости, он большой мерзавец!

— Но он же иностранец!

— По происхождению — да. Но он вовсе не обязательно говорит на ломаном английском или бурно жестикулирует. Полагаю, он вполне

достойно сыграл бы роль… скажем, полковника, служившего в Индии.

— Так вы считаете…

— Я ничего не считаю, моя милая, ей-богу, ничего. Просто я думаю, что здесь пахнет деньгами. Огромными деньгами. И боюсь, мне слишком хорошо известно, на какие ужасные преступления идут люди, лишь бы заполучить крупный куш.

— Да, пожалуй, вы правы, — сказала Банч. — Но ведь это не принесет им счастья, не так ли? В конечном итоге не принесет?

— Нет, но, как правило, люди этого не знают.

— А я могу их понять. — Внезапно Банч улыбнулась своей милой лукавой улыбкой. — Им кажется, жизнь станет совсем иной… Даже мне иногда так кажется. Убеждаешь себя, что, имея деньги, могла бы сделать столько добрых дел… Строишь планы… Детские дома… помощь многодетным матерям… можно еще организовать отдых за границей для пожилых женщин, которые много поработали на своем веку…

Лицо ее омрачилось, а глаза потемнели и стали страдальческими.

— Знаю, о чем вы думаете, — сказала она. — Вы думаете, что я еще хуже их. Потому что я себя по-детски обманываю. Те, кто хотят денег только

для себя, прекрасно знают себе цену. Но начни притворяться, что хочешь совершать добро, и очень скоро убедишь себя, что ради благородных намерений не страшно даже кого-нибудь отправить на тот свет.

Тут ее взгляд прояснился.

— И все-таки я бы не стала, — сказала она. — Нет, честно, я бы никогда не смогла убить. Даже старика, или больного, или самого жуткого злодея в мире. Даже какого-нибудь шантажиста или… или самого последнего подонка. — Банч осторожно выудила из кофейной гущи муху и положила ее на столик обсыхать. — Ведь люди любят жизнь, правда? И мухи тоже. Даже старики или тяжелобольные, которые едва могут доковылять до ворот, чтобы погреться на солнышке. Джулиан говорит, такие люди любят жизнь еще больше, чем здоровые и молодые. Он говорит, им трудней умирать, и они сопротивляются еще отчаянней, чем мы. Я тоже люблю жить… не просто чувствовать себя счастливой, развлекаться, хорошо проводить время, а вообще жить… вставать и чувствовать каждой клеточкой, что я еще здесь, что завод еще не кончился.

Она осторожно подула на муху, та задрыгала ножками и чуть погодя тяжело взлетела.

— Только не падайте духом, тетя Джейн, — сказала Банч. — Я никогда никого не убью.

Глава 14
Экскурс в прошлое

Проведя ночь в поезде, инспектор Креддок наконец сошел на маленькой станции в Хайлендсе.

Сначала он поразился тому, что богатая миссис Гедлер, имевшая дом в фешенебельном квартале Лондона, поместье в Хэмпшире и виллу на юге Франции, почему-то избрала для постоянного места жительства эту уединенную усадьбу на севере Шотландии. Ведь здесь она наверняка лишена общества и многих развлечений. Неужто ей не одиноко? Или она настолько больна, что не обращает внимания на то, что творится вокруг?

Его ждала машина, большой старомодный “даймлер” с пожилым шофером. Утро было солнечное, и всю дорогу, все двадцать миль, инспектор наслаждался, хотя совсем недавно недоумевал, почему миссис Гедлер предпочла одиночество. Он заговорил с шофером, который частично объяснил ему что к чему.

— Она туг в детстве жила, сэр. Эх, она ведь последняя в роду. Им с мистером Гедлером было тут лучше всего; он, правда, редко когда мог вырвать-

ся из Лондона. Но уж если приезжал, они здесь резвились, точно дети малые.

Едва на горизонте показались стены средневековой крепости, Креддок почувствовал, что время отступает назад. Его встретил пожилой дворецкий, а после того, как Креддок умылся и побрился, его провели в комнату, где в старинном камине полыхало жаркое пламя и где был сервирован завтрак.

После завтрака появилась высокая пожилая женщина в медицинском халате; она назвалась сестрой Макклелланд и разговаривала приветливо и со знанием дела.

— Моя подопечная готова принять вас, мистер Креддок. Она очень ждала встречи с вами.

— Постараюсь не волновать ее, — пообещал Креддок.

— Однако лучше я заранее предупрежу вас о том, что произойдет. Сначала вам покажется что миссис Гедлер чувствует себя нормально. Она будет охотно с вами беседовать, а потом, совершенно неожиданно, ее силы иссякнут. Тогда вам следует сразу же выйти и послать за мной. Видите ли, мы почти все время держим ее на морфии. Весь день она дремлет. Готовя ее к вашему посещению, я дала ей сильные стимуляторы.

Но едва их действие прекратится, она впадет в полубессознательное состояние.

— Понимаю, мисс Макклелланд. А вы не могли бы мне сказать, каково состояние миссис Гедлер?

— Она умирает, мистер Креддок. Ей осталось жить буквально несколько недель. Наверное, вам мои слова покажутся странными, но в действительности она умерла много лет тому назад, поверьте. Миссис Гедлер поддерживала только ее огромная любовь к жизни, умение ей радоваться. Наверно, вы удивлены, что я так говорю об инвалиде, который пятнадцать лет не выходит из дому, но дело обстоит именно так. Миссис Гедлер всегда была необыкновенно хрупкой, но у нее потрясающая воля к жизни. А кроме того, она очень обаятельна, сами убедитесь, — с улыбкой прибавила сестра.

Креддока провели в большую спальню с растопленным камином; на кровати под балдахином лежала старуха. Она была старше Летиции Блеклок всего лет на семь-восемь, но выглядела значительно дряхлее.

Ее белые волосы были аккуратно уложены, шея и плечи укутаны бледно-голубой ажурной шалью. Лицо мученицы, но без следов ожесточения, а в выцветших голубых глазах даже мелькает

плутовской огонек…

— Любопытно, — сказала она. — Нечасто меня навещает полиция. Я слышала, Летиция Блеклок не сильно пострадала во время покушения? Как там моя дорогая Блеки?

— Прекрасно, миссис Гедлер. Она шлет вам самый нежный привет.

— Давно я ее не видела… Многие годы мы лишь обмениваемся поздравлениями на Рождество. Я просила ее заехать, когда она вернулась в Англию после смерти Шарлотты, но она сказала, что через столько лет это будет мучительно, и, наверно, была права. Блеки всегда отличалась здравомыслием… Год назад ко мне приезжала моя школьная подруга, и, о Боже, — миссис Геллер улыбнулась, — мы наскучили друг другу до смерти. Едва иссякли наши “ты помнишь?”, как нам не о чем стало говорить. Ужасно неловко!

Креддок решил дать ей выговориться и уж потом приступить к расспросам. Ему хотелось погрузиться в ее прошлое, проникнуть в мир Геллеров и Блеклок.

— Я полагаю, — проницательно взглянула на него Белль, — вы хотите спросить о деньгах! После моей смерти деньги по завещанию Рэнделла перейдут к Блеки. Разумеется, у Рэнделла и в мыс-

лях не было, что я его переживу. Он был крупным, сильным мужчиной, никогда не болел, а я всегда хандрила, хныкала, и вокруг меня постоянно роились доктора с кислыми минами.

— Не думаю, что к вам подходит слово “хныкать”, миссис Гедлер.

Старая дама усмехнулась.

— Я не в том смысле. Сама я никогда себя особо не жалела. Но считалось само собой разумеющимся, что раз я слабее, то первой уйду из жизни. Однако расчет не оправдался…

— Но почему ваш муж распорядился деньгами таким образом?

— Вы хотите спросить, почему он оставил их именно Блеки? Нет, вовсе не из-за того, о чем вы, очевидно, подумали. — Плутовской блеск в ее глазах стал особенно заметен. — Вы, полицейские, все не так понимаете! Рэнделл никогда не был влюблен в Блеки, а она в него. Дело в том, что у Блеки нет женских слабостей. У нее воистину мужской склад ума. По-моему, она вообще никогда не влюблялась. Она не была хорошенькой и не интересовалась тряпками. Правда, она слегка подкрашивалась, но только потому, что так было принято, а вовсе не из желания выглядеть красивой. — В голосе миссис Гедлер зазвучала

жалость. — Блеки никогда не понимала, как это приятно — быть женщиной.

Креддок с интересом посмотрел на хрупкое создание, казавшееся совсем крошечным на огромной постели. Он вдруг осознал, что Белль Гедлер действительно наслаждалась — до сих пор! — тем, что родилась женщиной. Она подмигнула ему.

— Я всегда считала, — сказала она, — что быть мужчиной безумно скучно. — Потом задумчиво произнесла:

— Мне кажется, Рэнделл относился к Блеки как к младшему братишке. Он доверял ее мнению, она неизменно оказывалась права. Не раз Блеки выручала его из беды.

— Мисс Блеклок рассказывала, как однажды помогла ему деньгами.

— Да, но я имела в виду нечто большее. Спустя столько лет можно открыть правду. Рэнделл не мог отличить честную сделку от бесчестной. Он был не настолько совестлив. Бедняга не мог распознать, где ловкая комбинация, а где обыкновенное надувательство. Блеки не давала ему сбиться с пути истинного. Одна из черт Летиции Блеклок — ее удивительная добропорядочность. Она никогда не совершит бесчестного поступка.

Она очень хорошая. Я ею всю жизнь восхищалась. На долю девочек выпало тяжелое детство. Их отец был старый деревенский врач, упрямый как осел и ужасно ограниченный — сущий домашний тиран. Летиция порвала с ним, переехала в Лондон и стала учиться на бухгалтера. Вторая сестра родилась калекой, у нее было какое-то увечье, она ни с кем не встречалась и вообще не выходила из дому. Поэтому, когда их отец умер, Летиция все бросила и уехала ухаживать за сестрой. Рэнделл рвал и метал, но поделать ничего не смог. Если Летиция считала что-либо своим долгом, никто не мог ее переубедить.

— Это случилось задолго до смерти вашего мужа?

— Примерно года за два. Но завещание Рэнделл составил еще до того, как она бросила фирму, и не стал его менять. Он сказал мне: “Ведь у нас нет детей”. (Наш малыш умер, когда ему было два года.) “Так пусть после нашей смерти деньги достанутся Влеки. Она будет играть на бирже и пустит их в рост”.

— Понимаете, — продолжала Белль Гедлер, — Рэнделл обожал сам процесс делания денег, а не деньги как таковые. Он любил связанные с этим острые ощущения, волнения, риск. И Влеки это

тоже любила. Она тоже была очень азартной и к тому же имела деловое чутье. Бедняжка, у нее никогда не было обыкновенного человеческого счастья: она не влюблялась, не интересовала мужчин, не кокетничала с ними… и семьи у нее не было, и детей, — в общем, не получала удовольствия от жизни.

“Странно, — подумал Креддок, — неподдельная жалость и даже легкое презрение ощущается в тоне этой женщины, жизнь которой была омрачена болезнью, женщины, лишившейся единственного ребенка, потерявшей мужа и уже много лет прикованной к постели”.

Она кивнула.

— Я знаю, о чем вы думаете. Но у меня было все, ради чего стоит жить. Это можно отнять, и все же у меня все это было! Я росла хорошенькой, веселой девочкой, вышла замуж за любимого человека, и он любил меня всю жизнь. Мой малыш умер, но все же он пробыл со мной два года. Прекрасные два года. Я испытала много физических страданий, но, представляете, какое наслаждение, когда боль тебя на время отпускает. И все всегда были ко мне добры… Я действительно счастливая женщина.

Креддок подумал, что кое-что выпало из ее

воспоминаний.

— Миссис Геллер, вы только что сказали, что муж оставил наследство мисс Блеклок, поскольку больше его некому было завещать. Но ведь это не совсем так. У него есть сестра.

— Ах, вы о Соне! Но они давно рассорились и порвали отношения.

— Он не одобрял ее брак?

— Да, она вышла замуж за этого… как его звали…

— Стэмфордиса.

— Да-да, Дмитрия Стэмфордиса. Рэнделл считал его прохвостом. Они невзлюбили друг друга с первого взгляда. Но Соня по уши в него влюбилась и твердо решила выйти за него замуж. А почему бы и нет? У мужчин на сей счет странные идеи. В двадцать пять лет Соня уже не была глупой маленькой девочкой и прекрасно понимала, на что идет. Наверное, Стэмфордис действительно был мошенником, самым настоящим; за ним, по-моему, числились какие-то темные делишки, к тому же Рэнделл подозревал, что он живет под чужой фамилией. Соня обо всем знала. Однако Рэнделл, естественно, не мог оценить мужского обаяния Дмитрия. Еще он уверял, что Дмитрий женится на деньгах, но это не правда. Дмитрий

тоже влюбился. Соня была красива, очень красива. И отличалась сильным характером. Начни Дмитрий плохо с ней обращаться или изменять, она бы тут же ушла от него. У нее были деньги, и она могла самостоятельно строить свою жизнь.

— Значит, брат с сестрой так и не помирились?

— Нет. Не помирились. Она очень обиделась на то, что он пытался расстроить ее брак, и сказала: “Ах, так? Чудесно! Ты совершенно невозможный человек и больше никогда обо мне не услышишь”.

— Но вы все-таки услышали о ней?

Белль улыбнулась.

— Через полтора года я получила письмо. Помнится, она написала из Будапешта, но обратного адреса не указала. Она просила передать Рэнделлу, что бесконечно счастлива и что у нее родилась двойня.

— Она сказала, как назвала детей?

Белль снова улыбнулась.

— Она написала, что они родились чуть позже полудня и что она собирается назвать их Пипом

и Эммой[27]. Но, конечно, она могла и пошутить.

— И больше вы о ней ничего не слышали?

— Нет. Она писала, что они всей семьей собираются ненадолго в Америку. Больше от нее не было ни слуху ни духу.

— Письмо не сохранилось?

— Боюсь, что нет… Я прочитала его Рэнделлу, он проворчал только: “Она еще пожалеет, что вышла за мерзавца”. Больше он ничего не сказал. И мы совершенно о ней забыли. Она как-то выпала из нашей жизни.

— Но если вы переживете мисс Блеклок, наследство мистера Геллера достанется ее детям, так?

— О, это моих рук дело. Когда он рассказал мне о завещании, я возразила: “А представь, что Блеки умрет раньше меня”. Он очень удивился. Я сказала: “Я знаю, что у Блеки отменное здоровье, а я создание хрупкое, но учти… скрипучее дерево, бывает, долго стоит”. “Но больше некому оставить, абсолютно некому”, — сказал он. А я возразила: “Почему? Есть Соня”. Он тут же полез в бутылку: “Чтобы этот тип прикарманил мои

---

[27] notes: 27

Пипом и Эммой — Здесь игра слов, построенная на том, что по-английски время “после полудня” сокращенно обозначается как p.m. (лат. post meridiem) и произносится как “пи” и “эм”, откуда и имена Пип и Эмма.

денежки? Ни за что!” “Но у них есть дети, Пип и Эмма, а может, и еще кто-нибудь”, — сказала я. Он поворчал, но в завещание их вставил.

— И с тех пор, — задумчиво проговорил Креддок, — вы ничего не слышали ни о своей золовке, ни о ее детях?

— Ничего… Может, их уже и на свете нет, а может, где-то и живут… Бог знает где…

“Может, даже в Чиппинг-Клеорне”, — подумал Креддок.

В глазах Белль появилась тревога, словно она угадала его мысль.

— Нельзя допустить, чтобы они причинили зло Блеки. Она хорошая, действительно хорошая… Вы должны предотвратить несчастье.

Внезапно голос миссис Гедлер угас. Вокруг рта и под глазами появились серые тени.

— Вы устали, — сказал Креддок. — Я пойду.

Она кивнула и еле слышно прошептала:

— Пришлите ко мне Мэк. Устала я… — Она слабо шевельнула рукой. — Позаботьтесь о Блеки… с Блеки ничего не должно случиться… позаботьтесь о ней.

— Сделаю все, что в моих силах, миссис Гедлер. — Он встал и направился к двери.

Ее голос потянулся за ним, словно тонкая нить.

— Вам недолго придется стараться… только, пока я не умру. Она в опасности… позаботьтесь о ней…

На выходе он повстречался с сестрой Макклелланд.

— Надеюсь, я не очень повредил ее здоровью, — смущенно пробормотал Креддок.

— О, не переживайте, мистер Креддок! Я же предупреждала: она потеряет силы внезапно.

Потом, попозже, он спросил сестру:

— Я только не успел узнать у миссис Гедлер, нет ли у нее каких-нибудь старых фотографий? Вдруг сохранились альбо…

— Боюсь, ничего не осталось, — перебила его Макклелланд. — Все ее личные вещи и бумаги были сданы на хранение вместе с обстановкой лондонского дома в самом начале войны — миссис Гедлер тогда тяжело болела. А склад разбомбили. Миссис Гедлер очень расстроилась. Еще бы! Потеряла столько семейных реликвий и ценных бумаг! Боюсь, никаких снимков у нее нет.

“Вот значит как”, — подумал Креддок.

Тем не менее он чувствовал, что съездил не напрасно. Мифические близнецы Пип и Эмма оказались вполне реальными людьми.

“Итак, — рассуждал Креддок. — Есть брат с сестрой, воспитывавшиеся где-то в Европе. Когда Соня выходила замуж, она была богата, но с тех пор деньги в Европе сильно обесценились. К тому же мы имеем дело с сыном и дочерью человека, за которым числились какие-то прегрешения. А что, если эти близнецы приехали в Англию нищими или почти нищими? Что им тогда делать? Естественно, разузнать про богатых родственников. Дядя, владевший огромным состоянием, умер. Перво-наперво они, вероятно, поинтересуются дядиным завещанием. Вдруг им или их матушке тоже что-нибудь перепало? Они пойдут в Соммерсет-хаус, познакомятся с завещанием и, вероятно, все что можно разузнают про фигурирующую там Летицию Блеклок. Затем наведут справки о вдове Рэнделла Гедлера. Она инвалид, живет в Шотландии, и, как выясняется, жить ей осталось недолго. Если Летиция Блеклок умрет раньше нее, они завладеют огромными деньгами. Что из этого следует?”

Креддок призадумался. “Нет, в Шотландию они не поедут. Скорее, выяснят, где живет сейчас Летиция Блеклок, и отправятся туда. Но выдадут себя за других… А как они поедут: поодиночке или вместе? Эмма… хотел бы я знать… Пип и Эм-

ма… Голову даю на отсечение, что или Пип или Эмма, а может, и тот, и другая находятся сейчас в Чиппинг-Клеорне”, — сказал себе Креддок.

Глава 15
Дивная смерть

На кухне мисс Блеклок отдавала приказания Мици:

— Надо приготовить сандвичи с сардинами и сандвичи с помидорами. И немного лепешек. Они у тебя получаются просто великолепно. И хотелось бы, чтобы ты испекла свой фирменный торт.

— То есть мы имеем праздник?

— У мисс Баннер день рождения, к чаю придут гости.

— Когда такой старый, уже не устраивают рождение. Лучше забыть о рождении.

— Ну а ей забывать не хочется. Она получит подарки… и потом… устроить небольшое торжество очень даже приятно.

— Вы так сказать и тот раз. А что получалось?

Мисс Блеклок с трудом сдержалась.

— Ну, теперь такого не случится.

— Почему вы знать, что случится теперь? Я весь день дрожу от страх, а весь ночь закрою дверь и смотрю даже гардероб, если там кто-то есть.

— Ну, ты таким образом обеспечиваешь свою безопасность, — холодно процедила мисс Блеклок.

— Вы хотите, чтобы я приготовить… — Мици произнесла нечто, прозвучавшее для уха англичанки Блеклок как “Швицебэр”, словно две кошки зашипели друг на друга.

— Вот-вот, он такой вкусный!

— Вкусный. Да. Но у меня ничего нет для этот торт. Я не могу приготовлять его. Мне нужен шоколад, и много масла, и сахар, и изюм.

— Возьми баночку масла, которое нам прислали из Америки. И немного изюма, припрятанного для Рождества. А вот тебе плитка шоколада и фунт сахару.

Лицо Мици расплылось в улыбке.

— Хорошо, я приготовлю вкусный торт, очень вкусный! — в экстазе воскликнула она. — Он будет во рту растопляться. А наверх я положу глазурь, шоколадный!.. У меня он отлично получаться, и напишу: “С лучший пожелания”. Этот англичане со свой торты, они как песок, они никогда не кушают торт как мой. Дивный, скажут они, дивный…

Ее лицо опять помрачнело.

— Ах, этот мистер Патрик! Он называл его

“Дивная смерть”. Мой торт! Я не хочу, чтобы так называть мой торт!

— Но это был комплимент, — сказала мисс Блеклок. — Он имел в виду, что ради твоего торта стоит умереть. Мици взглянула на нее с сомнением.

— Знаете, мне не нравится, когда говорят “смерть”. Они не будут умирать потому, что есть мой торт, а, наоборот, будут лучше чувствовать…

— Разумеется.

Мисс Блеклок со вздохом облегчения вышла из кухни; беседа завершилась благополучно. А ведь от Мици всего можно было ожидать.

В коридоре она столкнулась с Банни.

— Летти, я пойду покажу Мици, как делать сандвичи.

— Нет. — Мисс Блеклок решительно затолкнула Банни в холл. — Мици сейчас в хорошем настроении, и не надо ее нервировать.

— Но я только покажу ей…

— Пожалуйста, Дора, не надо ей ничего показывать. Выходцы из Центральной Европы не любят, когда ими руководят. Они этого просто терпеть не могут.

Дора неуверенно посмотрела на нее. Потом лучезарно улыбнулась.

— Только что звонил Эдмунд Светтенхэм. Пожелал мне всяческих благ. Сказал, что принесет в подарок горшочек меда. Правда, мило? Даже не представляю, откуда он узнал про мой день рождения?

— Похоже, это все знают. Да, наверное, ты сама и сказала, Дора.

— Что ты, я просто невзначай обмолвилась, что завтра мне стукнет пятьдесят девять.

— Шестьдесят четыре, — подмигнула ей мисс Блеклок.

— А мисс Хинчклифф сказала: “Непохоже. А как вы думаете, сколько лет мне?” И мне вдруг так стало неловко, ведь мисс Хинчклифф какого-то неопределенного возраста. Она сказала, что по пути занесет нам яиц. Я пожаловалась, что в последнее время наши куры плохо несутся.

— Да, неплохой у нас улов на твой день рождения, — подытожила мисс Блеклок. — Мед, яйца, коробка прекрасных шоколадных конфет в подарок от Джулии…

— Интересно, где она все это достает?

— Лучше не спрашивать. Скорее всего, на черном рынке.

— А еще твоя чудная брошка. — Мисс Баннер гордо посмотрела на свою грудь, на которой кра-

совался маленький листочек с бриллиантиком.

— Нравится? Я рада. А я вот никогда не увлекалась драгоценностями.

— Я в восторге.

— Ну и прекрасно. А теперь пойдем покормим уток.

— Ха! — трагически воскликнул Патрик, когда гости расселись за столом. — Что я вижу? “Дивная смерть!”

— Тес, — шикнула на него мисс Блеклок. — Не дай Бог, Мици услышит. Она сердится, когда ты так называешь ее торт.

— Но это же воистину “Дивная смерть”! Это ведь ваш именинный пирог, Банни?

— Да, — сказала мисс Баннер, — у меня сегодня просто великолепный день рождения.

Ее щеки пылали с того самого момента, когда полковник Истербрук вручил ей маленькую коробочку конфет и с поклоном провозгласил: “Сласти для наисладчайшей!”

Джулия поспешно отвернулась, за что мисс Блеклок послала ей укоризненный взгляд.

Они воздали должное яствам и, откушав на десерт по кусочку “смерти”, поднялись из-за стола.

— Мне как-то не по себе, — сказала Джулия. — А все торт. Помню, в прошлый раз я чувствовала

себя так же.

— Но он того стоит, — сказал Патрик.

— Иностранцы действительно знают толк в кондитерских изделиях, — изрекла мисс Хинчклифф. — А вот простого пудинга приготовить не могут.

Все вежливо промолчали, хотя губы Патрика дрогнули, словно он намеревался спросить: кто из присутствующих хотел бы сейчас отведать простого пудинга?

— Что, вы взяли нового садовника? — поинтересовалась мисс Хинчклифф у мисс Блеклок, когда они возвратились в гостиную.

— Нет, а почему вы так решили?

— Да тут какой-то малый вертелся. Возле курятника. Вид у него, правда, был довольно пристойный, армейская выправка.

— Ах этот! — воскликнула Джулия. — То наш сыщик.

— Сыщик!.. Но почему? — Миссис Истербрук даже выронила сумочку.

— Не знаю, — пожала плечами Джулия. — Он все ходит кругами и следит за домом. Наверное, охраняет тетю Летти.

— Какая чушь! — сказала мисс Блеклок. — Покорнейше благодарю, но я могу и сама за себя

постоять.

— Так ведь все давно кончено! — вскричала миссис Истербрук. — Я как раз хотела спросить: почему они не закрыли дело?

— Полиция не удовлетворена, — объяснил ее муж. — Вот почему.

— А чего им не хватает?

Полковник Истербрук покачал головой, давая понять, что он мог бы поведать куда больше, если б счел необходимым. Эдмунд Светтенхэм, недолюбливавший полковника, сказал:

— По правде говоря, мы тут все под подозрением.

— Под подозрением? — переспросила миссис Истербрук.

— Не бери в голову, котеночек, — проворковал ее муж.

— Нас подозревают в том, что мы тут шляемся намеренно, — продолжал Эдмунд, — чтобы при первой же возможности совершить убийство.

— Пожалуйста, не надо, мистер Светтенхэм! — вскричала Дора Баннер, заливаясь слезами. — Я уверена, что никто из нас не смог бы убить нашу дорогую, драгоценную Летти!

На мгновение все стушевались. Эдмунд побагровел и пробормотал:

— Я пошутил.

Тут Филлипа предложила послушать последние известия, и все горячо ее поддержали.

Патрик прошептал Джулии:

— Сюда бы еще миссис Хармон. Уж она бы наверняка спросила своим звонким голоском: “Но ведь, наверно, кто-то ждет случая убить вас, мисс Блеклок?”

— Я рада, что она и эта ее старуха Марпл не пришли, — сказала Джулия. — Старая грымза везде сует свой нос. И, по-моему, любит покопаться в грязном белье. Типичный образчик викторианской эпохи.

Последние новости спровоцировали всех на чинное обсуждение ужасов атомной войны. Полковник Истербрук сказал, что, несомненно, Россия — главная угроза мировой цивилизации, а Эдмунд возразил: дескать, у него есть несколько совершенно очаровательных русских друзей, однако его заявление было принято весьма прохладно.

Затем все снова рассыпались в благодарностях хозяйке.

— Ты повеселилась, Банни? — спросила мисс Блеклок, когда ушел последний гость.

— О да. Но у меня страшно болит голова. Навер-

но, от нервного возбуждения.

— Это от торта, — сказал Патрик. — Меня тоже мутит. А вы еще целое утро прикладывались к шоколадным конфетам.

— Пожалуй, пойду лягу, — сказала мисс Баннер, — приму сразу две таблетки аспирина и попытаюсь заснуть.

— Хорошая мысль, — одобрительно кивнула мисс Блеклок.

Мисс Баннер отправилась наверх.

— Мне пойти закрыть уток, тетя Летти?

Мисс Блеклок строго взглянула на Патрика.

— Если дашь честное слово, что хорошенько запрешь дверь.

— Клянусь!

— Выпейте хересу, тетя Летти, — предложила Джулия. — Как говаривала моя нянюшка: “Это утихомирит ваш желудок”. Жуткое выражение, но оно идеально соответствует моменту.

— Думаю, ты права. Откровенно говоря, я просто не привыкла к такой жирной пище… О Банни, как ты меня напугала! В чем дело?

— Не могу найти аспирин, — с обреченным видом сказала Банни.

— Возьми мой, дорогая. У меня в спальне, около кровати.

— И у меня на трюмо стоит флакончик, — сказала Филлипа.

— Спасибо… большое спасибо. Возьму, если не найду свой. Но он должен быть где-то здесь, я точно знаю. Новый пузырек. Куда я его положила?

— Да их в ванной полно! — нетерпеливо воскликнула Джулия. — Этот дом просто ломится от аспирина.

— Меня раздражает моя рассеянность, я все теряю, — пожаловалась мисс Баннер, поднимаясь обратно по лестнице.

— Бедная старушка Банни, — сказала Джулия, взяв бокал. — Как вы считаете, стоит дать ей чуточку хересу?

— Нет, — покачала головой мисс Блеклок. — Она сегодня и без того перевозбуждена, толку все равно не будет. А назавтра ей будет худо… Но мне кажется, она от души повеселилась.

— Да, она была в восторге, — кивнула Филлипа.

— Ну, тогда давайте угостим хересом Мици, — предложила Джулия. — Эй, Патрик! — позвала она, услышав, что тот вошел через черный ход. — Пригласи сюда Мици.

Мици привели, и Джулия налила ей хересу.

— За лучшую кухарку в мире, — сказал Патрик,

поднимая бокал.

Мици была польщена, но решила, что следует возразить:

— Абсолютно нет. Я не повар. На родина я занималась умственный труд.

— Ты даром теряла время, — заявил Патрик. — Какой умственный труд сравнится с таким шедевром, как “Дивная смерть”?

— О-о! Я говорила… мне не нравится…

— Да какое мне дело до того, что тебе нравится, а что не нравится, моя прелесть? — сказал Патрик. — Я его так прозвал — и точка! Давайте же выпьем за “Дивную смерть”, и к черту последствия!

— Филлипа, дорогая, я хочу с тобой поговорить.

— Да, мисс Блеклок?

Филлипа Хаймс слегка удивилась.

— Ты ведь немножко расстроена, да?

— Расстроена?

— Я замечаю, что в последнее время у тебя расстроенный вид. Что-нибудь случилось?

— О нет… ничего, мисс Блеклок. Что может случиться?

— Ну… не знаю. Я подумала, может, вы с Патриком…

— С Патриком? — Филлипа удивилась еще сильней.

— Ну, значит, нет. Пожалуйста, прости, если я допустила бестактность. Но вы так часто бывали вместе… и хотя Патрик мой родственник, не думаю, что из него получился бы хороший муж. Во всяком случае, в ближайшем будущем.

Лицо Филлипы окаменело.

— Я больше не выйду замуж, — заявила она.

— Выйдешь, когда-нибудь выйдешь, дитя мое. Ты молода. Но мы не будем это обсуждать. Значит, других поводов для расстройства у тебя нет? Никаких проблем… к примеру, денежных?

— Нет. Все в порядке.

— Я знаю, тебя беспокоит, сможет ли твой малыш учиться дальше. Поэтому я хочу тебе кое-что сказать. Сегодня днем я ездила в Мильчестер к мистеру Беддингфелду, моему поверенному. В последнее время все так шатко, что я решила составить новое завещание… мало ли что! Кроме того, что завещано Банни, все остальное перейдет к тебе, Филлипа.

— Что? — Она резко повернулась к мисс Блеклок. Казалось, она напугана и ей вот-вот станет плохо. — Но я не хочу… Правда, не хочу… Что вы… И почему? Почему мне?

— Наверное, потому, — каким-то странным тоном произнесла мисс Блеклок, — что больше некому.

— Но есть же Патрик и Джулия!

— Да, есть Патрик и Джулия. — В голосе мисс Блеклок продолжали звучать странные нотки.

— И они ваши родственники.

— Очень дальние. Они не могут ни на что претендовать.

— Но… Я тоже не могу… не знаю, что вы обо мне думаете… О нет, я не хочу этого.

Взгляд ее был скорее враждебным, чем благодарным. А в жестах сквозил страх.

— Я знаю, что делаю, Филлипа. Я к тебе привязалась. И потом, у тебя растет мальчик. Если я умру сейчас, тебе достанется не очень много… но через несколько недель все переменится. — Она твердо выдержала взгляд Филлипы.

— Но вы же не собираетесь умирать! — запротестовала Филлипа.

— Нет, если приму меры предосторожности.

— Предосторожности?

— Да. Подумай над этим… И больше не беспокойся.

Мисс Блеклок вышла из комнаты. Филлипа слышала, как она о чем-то разговаривает в хол-

ле с Джулией. Через несколько секунд Джулия вошла в гостиную. В глазах ее появился металлический блеск.

— Прекрасно сыграно, Филлипа. Теперь я вижу: ты из тех, о ком говорят: “В тихом омуте…” Темная ты лошадка, темная…

— Значит, ты все слышала.

— Слышала. Думаю, так было специально задумано.

— Что ты имеешь в виду?

— Наша тетя Летти далеко не дура… Но уж с тобой-то теперь все в порядке, Филлипа. Ты неплохо устроилась, да?

— О Джулия… я не хотела… совсем не хотела…

— Разве? Врешь, конечно, ты хотела. Или ты против всей этой затеи? Нет, голубушка, ты очень даже нуждаешься в деньгах! Но запомни: если кто-нибудь теперь укокошит тетю Летти, подозрение падет прежде всего на тебя.

— Но я не стану этого делать! Разве не идиотизм убивать ее сейчас, когда… стоит только подождать…

— Ах, значит, ты знаешь об этой старой миссис… как бишь ее… которая отдает концы в Шотландии? Любопытно… Да, Филлипа, я все больше убеждаюсь, что ты и впрямь очень тем-

ная лошадка.

— Я вовсе не хочу лишать вас с Патриком вашей доли.

— Неужто, моя милочка? Извини… но я тебе не верю.

Глава 16
Возвращение инспектора Креддока

На обратном пути из Чиппинг-Клеорна в Мильчестер инспектор Креддок провел жуткую ночь в поезде. Его мучили кошмары. Снова и снова он мчался по серым коридорам старинного замка, тщетно пытаясь куда-то добраться и что-то предотвратить. Под конец ему приснилось, что он проснулся. Он испытал огромное облегчение. Но вдруг дверь его купе медленно открылась, и Летиция Блеклок, по лицу которой стекала кровь, сказала:

“Почему вы не спасли меня? А ведь могли бы, если бы постарались”.

Тут он действительно проснулся.

Так что инспектор Креддок очень обрадовался, когда наконец добрался до Мильчестера. Он прошел прямиком к Райдсдейлу, который внимательно выслушал его сообщение.

— М-да, мы пока, похоже, почти не продвинулись, сказал Райдсдейл. — Зато сообщение мисс Блеклок насчет завещания Геллера подтверди-

лось. Стало быть, Пип и Эмма? Гм… Интересно.

— Патрик и Джулия Симмонс подходят по возрасту, сэр. Если бы удалось установить, что мисс Блеклок не видела их с тех пор, когда они были совсем детьми…

Райдсдейл слегка причмокнул и произнес:

— Наша коллега мисс Марпл уже это установила. Мисс Блеклок впервые увидела своих племянников два месяца назад.

— Тогда, сэр, они наверняка…

— Все не так просто, Креддок. Мы проверяли. Судя по всему, Патрика и Джулию следует исключить. Его характеристика из морской части подлинная… кстати, вполне приличная; единственный недостаток, который там указывают, — это “склонность к неповиновению”. Мы связались с Каннами, и разгневанная миссис Симмонс ответила, что, разумеется, ее дети сейчас в Чиппинг-Клеорне у своей родственницы Летиции Блеклок. Вот такие дела!

— А миссис Симмонс настоящая?

— По крайней мере, она была миссис Симмонс многие-многие годы. Это единственное, что я могу сказать, — сухо ответил Райдсдейл.

— Что ж, вполне однозначно. Хотя… они так подходят! И возраст… И то, что мисс Блеклок

их лично не знает… Лучших Пипа и Эмму не сыскать.

Начальник полиции задумчиво кивнул. Потом пододвинул к Креддоку бумагу.

— Мы тут раскопали кое-что про миссис Истербрук.

Инспектор поднял брови.

— Очень любопытно. Ловко же она одурачила старого болвана! Но, как я понимаю, с нашим делом это не связано.

— Очевидно, нет.

— А вот что касается миссис Хаймс…

Брови Креддока снова поползли вверх.

— Думаю, с этой юной леди стоит побеседовать еще раз, — сказал он.

— Вы считаете, здесь есть какая-то связь?

— Вполне возможно. Хотя, конечно, и непрямая.

Они помолчали.

— А как Флетчер, справляется?

— Флетчер проявил потрясающую расторопность. С разрешения мисс Блеклок он произвел обыск вокруг дома, но не нашел ничего существенного. Затем он стал проверять, кто имел возможность смазать дверные петли. Выяснил, кто оставался дома в те дни, когда их иностранка

отсутствовала. Но тут выплыло еще одно обстоятельство: эта Мици, даже когда приходит, имеет обыкновение почти ежедневно совершать прогулку в деревню. Заходит там в “Синюю птицу” выпить чашечку кофе. Так что, когда мисс Блеклок и мисс Баннер нет дома, а это тоже случается почти ежедневно — они ходят по ежевику, — входи в дом кто хочешь.

— Хозяева оставляют двери открытыми?

— Раньше оставляли. Сейчас, думаю, нет.

— Ну, а каковы результаты изысканий Флетчера? Кто бывает в доме в отсутствие хозяев?

— Практически все.

Райдсдейл взглянул на лежавший перед ним листок.

— Мисс Мергатройд была там с курицей, чтобы посадить ее на яйца. Звучит диковато, но это ее собственная фраза. Она очень волновалась и сама себе противоречила, но Флетчер считает, что все дело в ее темпераменте, а вовсе не в причастности к преступлению.

— Возможно, — допустил Креддок. — Она всегда квохчет.

— Потом приходила миссис Светтенхэм забрать конину, которую мисс Блеклок оставила для нее на кухонном столе, потому что мисс Блеклок ез-

дила на машине в Мильчестер, а когда она ездит на машине в Мильчестер, она всегда привозит конину для миссис Светтенхэм. По-вашему это звучит вполне убедительно?

Креддок поразмыслил.

— А почему бы мисс Блеклок не завезти эту самую конину прямо миссис Светтенхэм домой — на обратном пути из Мильчестера?

— Не знаю почему, но она так не поступила. Миссис Светтенхэм говорит, что она (то бишь мисс Блеклок) всегда оставляет конину на кухонном столе, а ей (то есть миссис Светтенхэм) удобней забирать ее, когда Мици нет дома, потому что порой Мици бывает очень груба.

— Что ж, концы с концами вроде бы сходятся. Кто следующий?

— Мисс Хинчклифф. Она утверждает, что в последнее время не заглядывала к мисс Блеклок. Однако это не правда. Мици видела, как она выходила через черный ход, то же самое показала и миссис Батт, местная жительница. Мисс Хинчклифф пошла на попятную: дескать, может, она и заходила, но не помнит. А зачем заходила — так уж точно не припоминает. Якобы забегала просто так.

— Довольно странно.

— Но в ее стиле. Дальше у нас миссис Истербрук. Она выгуливала своих драгоценных собачонок и по дороге заглянула узнать, не даст ли ей мисс Блеклок выкройку, но хозяйки не оказалось дома. Миссис Истербрук вроде бы немного ее подождала.

— Ага. А тем временем могла разведать обстановку. Или смазать дверные петли. А что полковник?

— Занес как-то книгу про Индию, мисс Блеклок изъявила желание ее прочесть.

— Неужели?

— По ее словам, она пыталась отбрыкаться, но ничего не вышло.

— Что верно, то верно, — вздохнул Креддок. — Если кто-нибудь вознамерится всучить тебе книгу, отбрыкаться трудно.

— Был ли там Эдмунд Светтенхэм, мы не знаем. Он вообще личность загадочная. Говорит, что порой заглядывал туда, разыскивая мать, но в последнее время, кажется, не заходил.

— Всего этого действительно недостаточно, чтобы делать какие-то выводы.

— Да.

— Мисс Марпл тоже проявила активность, — сказал Райдсдейл с легкой усмешкой. — Флетчер

сообщил, что она пила кофе в “Синей птице”. Ее приглашали на рюмку хереса в Боулдерс и на чай в Литтл-Педдокс. Она восхищалась садом миссис Светтенхэм и заходила посмотреть на индийские диковинки полковника Истербрука.

— Может, хоть мисс Марпл нас просветит: настоящий он полковник или нет?

— Уж она бы определила, будь он ненастоящий… Думаю, с ним все в порядке. Хотя нам и предстоит снестись с властями на Востоке, чтобы в этом удостовериться.

— А пока суд да дело, — Креддок запнулся, — как вы считаете, мисс Блеклок согласится уехать?

— Из Чиппинг-Клеорна?

— Да. Она могла бы прихватить с собой свою верную Банни и отбыть в неизвестном направлении. Почему бы ей не съездить в Шотландию и не пожить у Белль Гедлер? Там она будет в полной безопасности.

— Вы предлагаете ей там поселиться и ожидать смерти Белль? Вряд ли она согласится. Какой женщине, если только у нее есть сердце, понравится подобное предложение?

— Но она спасет свою жизнь…

— Бросьте, Креддок, ухлопать кого-нибудь вовсе не так легко, как вам кажется.

— Неужели, сэр?

— Ну, в принципе, конечно, легко. Существует тысяча способов. Ядохимикаты. Можно огреть ее чем-нибудь тяжелым, когда она пойдет закрывать на ночь уток, или выстрелить из-за изгороди. Да мало ли что можно! Однако убить так, чтобы остаться вне подозрений, отнюдь не просто. А наши голубчики прекрасно понимают, что они под подозрением. Пип и Эмма… Такой оригинальный, тщательно продуманный план, и провалился…Теперь убийце придется изобретать что-то новенькое.

— Вы правы, сэр, но надо учитывать и фактор времени. Миссис Гедлер при смерти. Она может скончаться в любой момент. Следовательно, убийце нельзя медлить.

— Верно.

— И еще одно, сэр… Он… или она должны знать, что мы проверяем каждого.

— И что это отнимает уйму времени, — вздохнул Райдсдейл. — Нам надо послать запрос в Индию. Это долго и хлопотно.

— Вот и другая причина для спешки. Уверен, сэр, опасность весьма реальна. На карту поставлены большие деньги. Если Белль Гедлер умрет…

Он оборвал себя на полуслове, потому что во-

шел полицейский.

— Констебль Легг на проводе. Звонит из Чиппинг-Клеорна, сэр.

— Давайте его сюда.

Инспектор Креддок, наблюдавший за шефом полиции, увидел, что лицо начальника вдруг посуровело и застыло.

— Очень хорошо, — рявкнул Райдсдейл. — Инспектор Креддок выезжает к вам немедленно. — Он положил трубку.

— Неужели… — запнулся Креддок.

Райдсдейл покачал головой.

— Нет. Это Дора Баннер, — сказал он. — Она хотела выпить аспирина. И, очевидно, взяла пузырек, стоявший возле постели Летиции Блеклок. В нем было всего несколько таблеток. Она взяла две, а третью оставила. Врач забрал ее и отправил на экспертизу. Кажется, это вовсе не аспирин.

— Она мертва?

— Да, ее нашли мертвой в постели сегодня утром. Умерла во сне. Врач говорит, это не естественная смерть, хотя здоровье ее было сильно подорвано. Он подозревает отравление наркотиками. Вскрытие назначено на сегодняшний вечер.

— Таблетки аспирина возле постели Летиции

Блеклок… Умный, ох, умный дьявол! Патрик рассказывал, что мисс Блеклок выбросила початую бутылку хереса и откупорила новую. Не думаю, что ей пришло бы в голову сделать то же самое с аспирином. Кто находился дома в последний и предпоследний день? Таблетки не могли храниться дольше.

Райдсдейл взглянул на него.

— Вчера там были все наши подозреваемые в полном составе, — сказал он. — Мисс Баннер праздновала день рождения. Любой из присутствующих мог прокрасться наверх и незаметно подменить таблетки. Разумеется, то же самое мог проделать и любой из домочадцев в любое удобное ему время.

Глава 17
Альбом

Выходя из дома викария, тепло укутанная мисс Марпл взяла у Банч записку.

— Передайте, мисс Блеклок, — сказала Банч, — что Джулиан очень сожалел, но прийти сам никак не мог. У него один прихожанин при смерти в Лоук-Хамлете. Если мисс Блеклок не против, он подойдет после обеда. Записка про подготовку к похоронам. Раз опрос свидетелей назначен на вторник, то он предлагает устроить похороны в среду. Бедная старушка Банни!.. Но как это, право, на нее похоже: отравиться аспирином, который предназначался для другого человека! Ну, пока, тетечка! Надеюсь, прогулка вас не очень утомит. А то мне нужно немедленно отвезти ребенка в больницу.

Мисс Марпл сказала, что прогулка ее совершенно не утомит, и Банч умчалась.

Дожидаясь мисс Блеклок, мисс Марпл оглядывала гостиную. Что же имела в виду Дора Баннер, сказав в то утро в “Синей птице”, что, желая “выключить свет”, Патрик “что-то сделал с лампой”.

С какой лампой? И что сделал?

Мисс Марпл решила, что, должно быть, Дора имела в виду маленькую лампу, стоявшую на столике возле прохода под аркой. Она упомянула про пастушка и пастушку, а этот светильник тончайшего дрезденского фарфора как раз и был сделан в виде пастуха в голубом кафтане и розовых панталонах. В руках пастушок держал подсвечник, который впоследствии приспособили под электрическую лампу. Под большим абажуром из однотонного пергамента фигуру было почти не разглядеть. Что еще говорила Дора Баннер? “Там стояла пастушка, я точно помню… А назавтра…” Да, теперь это явно был пастух.

Мисс Марпл вспомнила, что, когда они с Банч приходили на чай, Дора Баннер обмолвилась о том, что лампа парная. Естественно, где пастух, там и пастушка. И в тот день на столе стояла пастушка… а наутро вместо нее появилась другая лампа — та, что стояла здесь и сейчас. За ночь ее подменили. И у Доры Баннер были основания считать, что подменил ее Патрик.

Зачем? А затем, что если бы осмотрели ту лампу, сразу стало бы ясно, каким образом умудрились отключить свет. Мисс Марпл внимательно оглядела пастушка. Шнур тянулся через стол к

розетке. На середине шнура виднелся маленький грушеобразный выключатель. Мисс Марпл это ни о чем не говорило, в электричестве она разбиралась слабо.

“Где же пастушка? — гадала она. — В нежилой комнате, или на свалке, или… или там, где Дора Баннер наткнулась на Патрика, державшего в руках перышко и баночку из-под масла? В кустах?” Мисс Марпл решила высказать свои соображения инспектору Креддоку.

Поначалу мисс Блеклок сразу же решила, что объявление — проделка Патрика. Интуиция — великая вещь, во всяком случае, мисс Марпл в нее верила. Ведь если хорошо знаешь человека, то чувствуешь, на что он способен…

Патрик Симмонс… Красивый юноша, обаятельный. Любимец женщин — и молодых и пожилых. Вероятно, за такого же выскочила замуж сестра Рэнделла Гедлера. Может ли Патрик Симмонс оказаться Пипом? Но ведь во время войны он служил во флоте! Полиция может запросто это проверить. Только вот… подчас происходят самые невообразимые перевоплощения. Наберись наглости — и можешь горы свернуть.

Дверь открылась, и вошла мисс Блеклок. Она выглядела сейчас гораздо старше своих лет, от-

метила мисс Марпл. Куда только девались ее жизненная сила и энергия?

— Ради Бога, извините за беспокойство, — сказала мисс Марпл, — но у викария умирает прихожанин, а Банч срочно потребовалось отвезти ребенка в больницу. Викарий написал вам записку.

— Присаживайтесь, мисс Марпл. Спасибо, что принесли, вы очень любезны, — сказала мисс Блеклок, разворачивая записку.

Мисс Блеклок внимательно прочла записку Джулиана Хармона.

— Викарий очень чуткий человек. Он не выражает бессмысленных соболезнований… Передайте ему, что приготовления будут очень кстати. Ее любимый… ее любимый псалом был…

Внезапно голос мисс Блеклок прервался.

— Я, конечно, чужой человек, — мягко сказала мисс Марпл, — но поверьте, мне очень, очень жаль.

И тут Легация Блеклок не удержалась и зарыдала. Плач был жалобным, в нем звучало безутешное горе и какая-то обреченность. Мисс Марпл сидела не шелохнувшись. Наконец мисс Блеклок выпрямилась. Лицо ее опухло и пошло пятнами от слез.

— Извините, — сказала она, — на меня просто… что это со мной. Какая это для меня утрата! Понимаете, она… она была единственной ниточкой, связывающей меня с прошлым. Единственной, кто… кто помнил. Теперь она ушла, и я осталась совсем одна.

— Я прекрасно вас понимаю! — закивала мисс Марпл. — Человек остается один, когда уходит последний, кто помнит его в молодости. У меня тоже есть племянники, и племянницы, и добрые друзья, но никто из них не помнит меня молодой, никого из тех людей не осталось. Я уже давно совершенно одинока. Они посидели молча.

— Да, вы все понимаете, — вздохнула Легация Блеклок. Поднявшись, она подошла к письменному столу. — Мне надо черкнуть пару строк священнику.

Взяв ручку негнущимися пальцами, она начала медленно выводить каждую букву.

— Артрит замучил, — объяснила она мисс Марпл. — Иногда я вообще не могу написать ни слова.

Мисс Блеклок заклеила конверт и надписала его.

— Если вам не трудно, будьте любезны, захватите его с собой.

Внезапно в холле послышался мужской голос. — Это инспектор Креддок, — поспешно сказала мисс Блеклок.

Она подошла к зеркалу, висевшему над камином, к припудрила лицо. Вошел мрачный, сердитый Креддок. Он неодобрительно глянул на мисс Марпл.

— О! И вы здесь!

Стоявшая у камина мисс Блеклок обернулась.

— Мисс Марпл любезно принесла мне записку от священника.

— Ухожу… Ухожу, — засуетилась мисс Марпл. — Не буду вам мешать.

— Вы были тут вчера — в гостях?

— Нет, не была. Мы с Банч ездили навестить друзей, — нервно сказала мисс Марпл.

— Тогда вам нечего мне сообщить. — Креддок недружелюбно распахнул дверь, и мисс Марпл в смущении ретировалась. — Эти старухи везде суют свой нос, — проворчал Креддок.

— По-моему, вы к ней несправедливы, — возразила мисс Блеклок. — Она действительно пришла с запиской от викария.

— Естественно!

— Вряд ли это праздное любопытство.

— Не знаю, может, вы и правы, мисс Блеклок,

однако мой вам совет: будьте пожестче с теми, кто сует нос в чужие дела.

— Да она совершенно безобидная старушка! — воскликнула мисс Блеклок.

“Как же — “безобидная”! Поопасней гремучей змеи”, подумал инспектор. Но откровенничать он не собирался. Убийца поблизости, и лучше сейчас по возможности держать язык за зубами. А то, не дай Бог, следующей жертвой окажется Джейн Марпл.

Убийца где-то здесь… Но где?

— Не буду тратить времени на выражение соболезнований, мисс Блеклок. Скажу только одно: мне очень не по себе. Мы обязаны были предотвратить смерть мисс Баннер.

— Как? Не представляю себе…

— Конечно, задача не из легких. Но сейчас надо не рассуждать, а действовать, и притом без промедления. Кто это может быть, мисс Блеклок? Кто дважды покушался на вашу жизнь? И вероятно, попытается и в третий, если мы ему не помешаем…

Мисс Блеклок поежилась:

— Не знаю, инспектор… ей-богу, не знаю!

— Я связался с миссис Гедлер. Она помогла мне по мере сил. Но толку от этого мало. Ваша

смерть сыграла бы на руку нескольким людям. Прежде всего Пилу и Эмме. Патрик и Джулия Симмонс примерно того же возраста, однако с их прошлым мы более или менее разобрались. Впрочем, ограничиваться только ими нельзя. Скажите, пожалуйста, мисс Блеклок, если б вы сейчас увидели Соню Гедлер, вы бы ее узнали?

— Соню? Конечно… — Она вдруг осеклась и медленно поправилась:

— Н-нет, наверное, нет. Слишком много лет прошло. Целых тридцать. Сейчас она уже пожилая женщина.

— А какой вы ее помните?

Мисс Блеклок немного подумала.

— Довольно маленького роста, смуглая.

— А особые приметы? Может, что-то в поведении?

— Да нет, ничего такого. Она была веселой… очень веселой.

— Но ведь прошло тридцать лет… Возможно, сейчас она уже не такая веселая, — сказал инспектор. — А фотографий ее у вас нет?

— Сониных? Дайте подумать… Нет, точно нет. Были какие-то общие снимки… в альбоме… Наверное, там есть и она.

— Ага. Можно взглянуть?

— Конечно. Куда же я подевала альбом?

— Мисс Блеклок, скажите, пожалуйста, допускаете ли вы хотя бы теоретически, что миссис Светтенхэм — это Соня Гедлер?

— Миссис Светтенхэм? — Мисс Блеклок посмотрела на него с непритворным изумлением. — Но ее муж состоял на государственной службе в Индии, а потом в Гонконге.

— Это ведь она сама вам рассказывала? Говоря юридическим языком, сведения недостоверны. Так ведь?

— Так, — с запинкой произнесла мисс Блеклок. — В принципе, я, конечно, не знаю… Но неужели вы думаете, что миссис Светтенхэм?.. Господи, какой вздор!..

— А Соня Гедлер никогда не пыталась играть? Скажем, в любительских спектаклях?

— О да! И у нее неплохо получалось.

— Видите? И еще одно: миссис Светтенхэм носит парик. По крайней мере, — поправился инспектор, — так утверждает миссис Хармон.

— Да-да, мне тоже так кажется. Ее пепельные кудряшки выглядят ужасно ненатурально. Но, по-моему, это все вздор. Она очень приятная женщина, и порой с ней бывает даже забавно.

— Еще есть мисс Хинчклифф и мисс Мер-

гатройд. Кто-нибудь из них может оказаться Соней Гедлер?

— Мисс Хинчклифф слишком высокая. Она ростом со среднего мужчину.

— А мисс Мергатройд?

— Ах, что вы! Я уверена, что мисс Мергатройд не Соня!

— Но вы ведь не очень хорошо видите, мисс Блеклок?

— Да, у меня близорукость, вы на это намекаете?

— Так точно. А теперь мне все же хотелось бы взглянуть на фотографию Сони Гедлер. Пусть прошло много лет, пусть даже она сейчас мало похожа на себя прежнюю. У нас профессиональный навык отыскивать сходство там, где другой человек в жизни его не увидит.

— Я постараюсь найти альбом.

— Пожалуйста, поищите его сейчас.

— Как, прямо сию минуту?

— Я был бы вам весьма признателен.

— Хорошо… дайте-ка мне подумать… Я видела его, когда мы вытирали пыль в книжных шкафах. Помогала мне Джулия. Помню, она еще потешалась над платьями тех времен… Мы поставили книги на полку в гостиной.

А куда мы положили альбомы и большую подшивку “Арт джорнел”[28]? Совсем голова дырявая стала! Может, Джулия помнит? Она сегодня дома.

— Я схожу поищу ее.

Инспектор отправился за Джулией. Внизу ее нигде не было. Он спросил у Мици, где мисс Симмонс, и Мици сердито ответила, что не ее это забота.

— Я! Я на кухня занимаюсь обед. Я ничего не кушаю, кроме то, что сама готовлю. Вы слышите: ничего!

Стоя под лестницей, инспектор позвал: “Мисс Симмонс!” И, не услышав ответа, начал подниматься.

Столкнулись они неожиданно. Джулия выходила из двери, за которой в глубине виднелась винтовая лесенка.

— Я была на чердаке, — сказала она. — Что случилось?

Инспектор Креддок объяснил.

— А, те старые альбомы с фотографиями? Да,

---

[28] notes: 28

“Арт джорнел” — журнал, освещающий вопросы искусства; основан в 1839 году английским журналистом Холлом Сэмюелем Картером (1800—1889); в журнале разоблачались подделки картин “Старых мастеров” и мошенничества торговцев картинами.

я прекрасно помню. Мы засунули их в большой шкаф в кабинете. Сейчас посмотрю.

Она спустилась и толкнула дверь в кабинет. Возле окна стоял большой шкаф. Джулия открыла дверцу и выгребла кучу всякой всячины.

— Сколько же тут хлама! — воскликнула Джулия. — Старики никогда ничего не выбрасывают.

Инспектор опустился на колени и поднял с нижней полки пару старинных альбомов.

— Эти?

— Да.

Мисс Блеклок вошла и встала рядом.

— Ах вот куда мы их запихнули! А я не могла припомнить.

Креддок перенес альбомы на стол и начал листать. Женщины в шляпах с большими прямыми полями, в юбках, суживавшихся книзу настолько, что, видимо, в них трудно было ходить. Под снимками — аккуратные подписи, но чернила давно выцвели и еле видны.

— Наверное, тут, — сказала мисс Блеклок. — Или на второй странице… А может, на третьей? Другой альбом собран уже после того, как Соня вышла замуж и уехала.

Она перевернула страницу.

— Вот здесь…

И осеклась.

На странице виднелось несколько пустых мест. Креддок наклонился, стараясь разобрать размытую подпись:

“Соня… я… Р. Г.” Чуть дальше — “Соня и Белль на пляже”. А на противоположном листе слова: “Пикник в Скейне”. Она перевернула следующую страницу. “Шарлотта, я, Соня, Р. Г.”.

Креддок встал. Губы его мрачно сжались.

— Кто-то вытащил фотографии. И, по-моему, совсем недавно.

— Когда мы смотрели альбом, они ведь были. Правда, Джулия?

— Я смотрела вполглаза, меня в основном интересовали наряды. Но, кажется, вы правы, тетя Летти, пустых мест тут не было.

Креддок посуровел еще больше.

— Кто-то, — сказал он, — вынул из альбома все фотографии, на которых была Соня Гедлер.

Глава 18
Письма

— Простите, что снова беспокою вас, миссис Хаймс.

— Ничего, — холодно проронила Филлипа.

— Может, нам пройти в ту комнату?

— В кабинет? Ради Бога, только там очень холодно. Там нет камина.

— Не важно. Я вас долго не задержу. Кроме того, там нас вряд ли смогут подслушать.

— А это имеет значение?

— Не для меня, миссис Хаймс. Для вас.

— Что вы хотите сказать?

— Вы вроде бы говорили, миссис Хаймс, что вашего мужа убили на войне в Италии?

— Ну и что?

— А не проще ли было сказать правду, признаться, что он дезертировал?

Филлипа побелела и стиснула руки.

— Вы всегда до всего докапываетесь? — В голосе ее звучала горечь.

Креддок сухо ответил:

— Мы ждем от людей правды.

Она помолчала. Потом спросила:

— Ну и что?

— То есть, миссис Хаймс?

— Что вы намерены теперь делать? Рассказать всему свету? Так нужно, да? Этого требует справедливость? Или, может, милосердие?

— А разве никто не знает?

— Здесь — никто. Гарри, — ее голос дрогнул, — мой сын тоже ничего не знает. И я не хочу, чтобы он узнал. Нет-нет, никогда.

— Позвольте заметить, миссис Хаймс, что вы поступаете опрометчиво. Когда мальчик подрастет, лучше скажите ему правду. А то, если он узнает об этом не от вас, ему будет еще горше. Или вы всю жизнь собираетесь рассказывать ему сказки про отца, погибшего геройской смертью?

— Я не рассказываю никаких сказок. Вы что, считаете меня настолько бесчестной? Мы просто не говорили на эту тему. Его отец был… был убит на войне. В конце концов, для нас он и так все равно что мертв.

— Но ваш муж жив?

— Возможно. Откуда мне знать?

— Когда вы встречались с ним в последний раз, миссис Хаймс?

Филлипа торопливо ответила:

— Я не видела его много лет.

— Вы совершенно уверены? А может, вы все-таки видели его… недели две тому назад?

— На что вы намекаете?

— Я не мог поверить, что вы встречались в оранжерее с Руди Шерцем. Однако рассказ Мици звучал весьма убедительно. Так что напрашивается вывод: мужчина, ради которого вы в то утро ушли с работы, — это ваш муж.

— Ни с кем я в оранжерее не встречалась.

— Может, ему потребовались деньги, и вы их ему дали?

— Я же сказала, я его не видела. И ни с кем в оранжерее не встречалась!

— Среди дезертиров частенько попадаются сущие головорезы. Иногда они участвуют в ограблениях… В налетах… В общем в делах такого рода. И нередко у них есть пистолеты, привезенные из-за границы.

— Я не знаю, где мой муж. Мы не виделись много лет.

— Это ваше последнее слово, миссис Хаймс?

— Да, больше мне нечего сказать.

Креддок ушел от Филлипы злой и растерянный.

— Упряма, как ослица! — сердито бурчал он

себе под нос.

Он был совершенно уверен, что Филлипа лгала, но перемочь ее упорное отнекивание ему так и не удалось.

Разузнать бы побольше о бывшем капитане Хаймсе! Но Креддок располагал лишь самыми скудными сведениями. Послужной список его был неудовлетворительным, но нельзя же на этом основании считать Хаймса преступником!

И уж во всяком случае, Хаймс никак не мог смазать дверные петли.

Это сделал либо кто-то из домочадцев, либо тот, кто запросто вхож в Литтл-Педдокс.

Креддок стоял в раздумье, глядя на лестницу, как вдруг ему пришла в голову мысль: а что делала Джулия на чердаке? Чердак, подумал он, не совсем подходящее место для такой изнеженной барышни. Что же она там делала?

Он бегом поднялся на второй этаж. Поблизости никого не было. Креддок открыл дверь, из которой вышла Джулия, и поднялся по узкой спиральной лестнице.

На чердаке он увидел кованые сундуки, старые чемоданы, полуразвалившуюся мебель… Стул со сломанной ножкой, разбитая фарфоровая лампа, разрозненные столовые сервизы.

Креддок подобрался к сундукам и открыл крышку одного из них. Одежда. Старомодные добротные женские платья. Наверно, мисс Блеклок и ее покойной сестры.

Он заглянул в другой сундук.

Занавеси.

Взял маленький кожаный чемоданчик. Там были бумаги и письма. Старые письма, пожелтевшие от времени.

Креддок посмотрел на крышку чемоданчика, на ней стояли инициалы “Ш.Л.Б.”. Видимо, чемоданчик принадлежал Шарлотте, сестре Летиции. Креддок развернул одно из писем. Оно начиналось так:

“Дорогая Шарлотта! Вчера Белль почувствовала себя лучше и смогла поехать на пикник. Р. Г, тоже взял выходной. Дела с основанием предприятия в Эсвогеле идут превосходно. Р. Г, очень этим доволен. Привилегированные акции поднялись выше номинала”.

Он пропустил остальное и посмотрел на подпись.

“Твоя любящая сестра Летиция”.

Креддок взял другое письмо.

“Милая Шарлотта! Я хочу, чтобы ты все-таки иногда виделась с людьми. Знаешь, ты все преувеличиваешь. На такие недостатки, как у тебя, люди вообще не обращают внимания. Ты напрасно считаешь это уродством”.

Креддок вспомнил, что Белль Геллер говорила насчет какого-то уродства у Шарлотты Блеклок. В результате Летиции пришлось бросить работу и ухаживать за сестрой. Взволнованные письма были пронизаны нежностью и любовью к несчастной калеке. Летиция пространно описывала свои каждодневные дела, со всеми подробностями, которые могли заинтересовать больную девушку. И Шарлотта хранила ее письма. А вдруг среди них затесались какие-нибудь старые снимки?

Креддок внезапно разволновался. Что, если разгадка здесь? Может, в письмах есть нечто, о чем сама Летиция Блеклок давно позабыла? Ведь письма представляют собой беспристрастную картину прошлого, в них может быть ключ к разгадке. Вдруг он с их помощью нападет на след убийцы? И потом, возможно, среди писем обнаружатся фотографии Сони Геллер, о которых не знает тот, кто вынул снимки из альбома.

Инспектор Креддок аккуратно сложил письма,

закрыл чемоданчик и стал спускаться.

Внизу стояла Летиция Блеклок и с изумлением глядела на него.

— Так это вы были на чердаке? А я слышала шаги и не могла понять кто…

— Мисс Блеклок, я нашел здесь кое-какие письма. Вы писали их Шарлотте много лет назад. Вы позволите мне взять их?

От возмущения мисс Блеклок даже побагровела.

— Это необходимо? Но почему? Какой вам от них прок?

— Там могут быть снимки Сони Гедлер или описание ее характера, какие-нибудь намеки, эпизоды, которые могут мне помочь.

— Но это частная переписка, инспектор!

— Я знаю.

— А впрочем, вы все равно их заберете… Наверно, у вас есть на то полномочия, а если нет — то вы легко их получите. Берите! Забирайте! Но о Соне вы почти ничего не найдете. Она вышла замуж и уехала всего через два года после того, как я начала работать у Рэнделла Гедлера.

Креддок упрямо твердил:

— А вдруг что-нибудь есть? Надо посмотреть.

Уверяю вас, опасность очень реальна.

— Знаю, — сказала она, закусив губу. — Банни умерла оттого, что приняла таблетку, предназначавшуюся для меня. Следующей жертвой могут оказаться Патрик или Джулия, Филлипа или Мици, а ведь у них еще вся жизнь впереди. Они выпьют бокал вина, налитый для меня, или съедят шоколад, посланный мне в подарок. Забирайте письма! Прочтите их и сожгите. Они интересны только для меня и Шарлотты. Все давно кончено… ушло, минуло. Этого уже никто не помнит.

Она поднесла руку к ожерелью из фальшивого жемчуга. Креддок подумал, что оно совершенно не вязалось с твидовым пиджаком и юбкой.

— Забирайте письма, — повторила она.

На следующий день инспектор зашел к священнику.

День выдался пасмурный, ветреный.

Мисс Марпл вязала, пододвинув кресло к камину. Банч ползала по полу, раскраивая материал. Она села, откинула упавшие на глаза волосы и выжидательно посмотрела на инспектора.

— Не знаю, может, я нарушаю устав, — сказал Креддок, обращаясь к мисс Марпл, — но мне бы хотелось показать вам это письмо.

Он поведал, как обнаружил письма на чер-

даке.

— Письма очень трогательные, — добавил Креддок, — мисс Блеклок всячески старалась поддержать в сестре интерес к жизни и поправить ее здоровье. В письмах ясно вырисовывается личность старика отца, доктора Блеклока. Это был тупоголовый тип, косный, убежденный в том, что все его мысли и сентенции правильны. Из-за своего упрямства он, наверно, уморил не одну тысячу пациентов. Он не выносил никаких новых веяний или методов лечения.

— Я бы не стала его за это упрекать, — заметила мисс Марпл. — Наши молодые врачи слишком увлекаются экспериментами. Сначала выдерут тебе все зубы, исследуют все железы, удалят добрую половину внутренностей, а потом разведут руками и заявят, что медицина бессильна. По мне, так лучше старые испытанные средства. Их, в конце концов, всегда можно выбросить в помойное ведро.

Она взяла письмо, которое ей протягивал Креддок.

— Прочтите, — сказал инспектор, — мне кажется, вы лучше поймете то поколение. Их поступки; желания, образ мышления…

Мисс Марпл развернула хрупкий пересохший

листок.

“Дорогая Шарлотта!

Я не писала тебе целых два дня, потому что дома у нас ужасные сложности. Соня, сестра Рэнделла (помнишь ее? Она еще заезжала за тобой на машине. Как бы я хотела, чтобы ты побольше бывала на людях!), так вот. Соня объявила о своем намерении выйти замуж за Дмитрия Стэмфордиса. Я видела его всего один раз. Он очень импозантный мужчина, но, по-моему, не внушает доверия. Р. Г, его терпеть не может, считает мошенником и плутом. Белль (Господь с ней!) только и делает, что целыми днями валяется на диване и безмятежно улыбается. Соня только на первый взгляд такая флегматичная, на самом деле характер у нее бешеный, они с Р. Г, все время на ножах, вчера я по-настоящему испугалась, как бы она его не убила!

Я старалась изо всех сил. Говорила и с Соней, и с Р. Г., и вроде бы убедила их встретиться и трезво все обсудить. Они встретились, и все началось сызнова! Ты даже представить не можешь, насколько это утомительно. Р. Г, наводил справки, похоже, Стэмфордис действительно нежелательная кандидатура.

Дела опять же запущены. Все лежит на мне, и

в каком-то смысле это неплохо, потому что Р. Г, предоставляет мне свободу действий. Вчера он сказал: “Слава тебе, Господи, хоть один нормальный человек еще остался! Влеки, ты ведь никогда не влюбилась бы в мошенника?” Я ответила, что вообще вряд ли могу влюбиться. Р. Г, сказал:

“Давай-ка затеем еще одну игру”. Но порой он так рискует, что буквально ходит по лезвию бритвы. “Ты твердо решила не дать мне сбиться с пути истинного, Блеки?” спросил он меня однажды. А ведь я именно это и делаю. Я просто не могу себе представить, как это люди не понимают, что честно, а что — нет. Но Р. Г, совершенно искренне не понимает. Он знает только, что законно, а что противозаконно. Белль надо всем этим смеется. Она считает, что страсти вокруг Сониного замужества раздуты. “У Сони есть деньги, — говорит она, — почему бы ей не выйти за кого она хочет?” Я сказала, что это может оказаться непоправимой ошибкой, а Белль ответила: “Замужество по любви никогда не может оказаться ошибкой… даже если потом будешь раскаиваться”. И добавила: “По-моему, Соня только из-за денег не хочет рвать с Рэндаллом. Соня очень любит деньги”.

Вот пока и все. Как там папа? Я не пишу, чтобы ты передавала ему привет, но если сочтешь

нужным — передай. Чаще ли ты стала выходить в общество? Право, дорогая, нельзя быть такой затворницей!

Соня передает тебе привет. Только что она вошла ко мне в комнату, она похожа на разъяренную кошку, выпускающую когти. Наверно, они с Р. Г, снова поругались. Вообще-то Соня порой любого может вывести из себя. Не знаешь, куда деваться под ее холодным пристальным взглядом.

Тысячу поцелуев, моя милая. Взбодрись. Курс лечения йодом может вызвать заметные сдвиги. Я выясняла… и, похоже, это дает хорошие результаты.

Любящая тебя сестра Летиция".

Мисс Марпл сложила письмо и отдала его Креддоку. Вид у нее был задумчивый.

— Ну? Что вы о ней скажете? — спросил Креддок. — Какое у вас сложилось впечатление?

— О ком? О Соне? Сами понимаете, трудно судить о человеке с чужих слов… Она самостоятельна… по-моему, это главное. И хотела взять от жизни все, что только возможно.

— "Она похожа на разъяренную кошку, выпускающую когти", — вполголоса процитировал Креддок. — Знаете, это мне кого-то напоминает.

Он наморщил лоб.

— Наводил справки… — пробормотала мисс Марпл.

— Да что толку от этих справок, — сказал Креддок.

— А ни о ком из жителей Сент-Мэри-Мид вам письмо Летиции не напомнило? — спросила Банч. Она говорила невнятно, потому что держала во рту булавки.

— Да вроде нет, дорогая… Правда, отец Летиции, доктор Блеклок, наверное, походил на мистера Кертиса, служителя Уэслеанской церкви[29]. Он не разрешил своей дочери поставить пластинку на искривленные зубы. Говорил: “Богу угодно, чтобы ее зубы торчали вперед”. “Но ведь, — возразила я ему, — вы подстригаете бороду и волосы. А может, Богу угодно, чтобы вы совсем обросли”. Но он ответил, что это другое дело. Истинно мужская логика. Впрочем, к нашему делу это не имеет отношения.

— Знаете, а мы ведь так и не установили, кто владелец пистолета. Руди Шерцу он не

---

[29] notes: 29

Уэслеанская церковь — отколовшаяся в XVIII веке от англиканской церкви секта методистов, названная по имени своего основателя Джона Уэсли (1703—1791); методисты проповедуют строгое соблюдение библейских заповедей, послушание, ведет активную миссионерскую работу во многих странах.

принадлежал. Эх, знать бы, был ли у кого в Чиппинг-Клеорне пистолет до этого, так сказать, “объявленного убийства”!

— У полковника Истербрука, — отозвалась Банч. — Он хранит в ящичке для воротничков.

— Откуда вам это известно, миссис Хармон?

— От миссис Батт. Она приходит к нам прибираться два раза в неделю. Она сказала, что, поскольку он военный, у него, естественно, имеется пистолет. Мало ли что, вдруг к нему вздумают залезть грабители?

— А когда вы с ней разговаривали?

— Давно. Где-то с полгода назад.

— Неужели полковник Истербрук? — пробормотал Креддок.

— Это похоже на игру в рулетку на ярмарке, — сказала Банч. — Она тоже крутится и каждый раз останавливается на другом месте.

— Не травите душу! — простонал Креддок.

— Полковник Истербрук однажды принес в Литтл-Педдокс книгу, — сказал он, слегка поразмыслив. — Он вполне мог тогда смазать дверные петли. Однако он не скрывал, что заходил. В отличие от мисс Хинчклифф.

Мисс Марпл кашлянула.

— Надо делать скидку на то, в какие времена

мы живем, инспектор. Вы полицейский. А люди не будут всего рассказать полиции, ведь так?

— Не понимаю почему, — сказал Креддок. — Почему, если они не замешаны в преступлении?

— Тетя Джейн имеет в виду масло, — сказала Банч, ползая вокруг ножки стола и пытаясь поймать улетевший кусок выкройки. — Масло, зерно для кур и сметану, а иногда и кусочек бекона.

— Покажи инспектору записку мисс Блеклок, — сказала мисс Марпл. — Она написана довольно давно, но это не важно: читается как захватывающий детектив.

— Куда же она запропастилась? Вы об этой записке, тетя Джейн?

Мисс Марпл взяла ее в руки и кивнула.

— Да, именно о ней.

Она протянула бумажку инспектору.

“Я обо всем справилась: это в четверг. В любое время после трех. Если будет что-нибудь для меня, оставьте где обычно”.

Банч выплюнула булавки и рассмеялась. Мисс Марпл следила за выражением лица инспектора. Жена викария начала объяснять:

— В четверг на местных фермах готовят масло. Кто хочет, может его купить. Обычно мисс

Хинчклифф объезжает фермы и скупает какое-то количество масла. Она с фермерами на короткой ноге, может, из-за того, что у нее свиньи. Но, понимаете, все проделывается втихую, это как бы товарообмен между местными жителями. Кто-то получает масло, а взамен дает огурцы, а когда режут свиней, то еще и кусочек свинины. Ведь частенько с животными что-то "случается", и их приходится убивать. Ну, вы меня понимаете. Но, конечно, полиции об этом не стоит говорить. Думаю, добрая половина таких сделок противозаконна, только никто не может сказать наверняка, потому что все жутко запутано. Я полагаю, Хинч принесла в Литтл-Педдокс фунт масла или еще что-нибудь и оставила "где обычно". Кстати, "где обычно" означает в ящике для муки, под шкафом. Никакой муки там нет.

Креддок вздохнул.

— Я весь внимание, милые дамы, — продолжайте свою лекцию.

— А потом, эти купоны на одежду, — сказала Банч. — Обычно их не покупают. Считается неприличным. Ведь их выдают бесплатно. Но миссис Батт, миссис Финч, миссис Хиггинс и другим женщинам нравятся красивые шерстяные платья и почти не ношенные зимние пальто, и

они расплачиваются талонами на одежду, которые скупают по дешевке.

— Лучше не продолжайте, — сказал Креддок. — Все подобные махинации противозаконны.

— Значит, надо отменить такие глупые законы, — сказала Банч, опять зажав в зубах несколько булавок. — Конечно, сама я так не поступаю, потому что Джулиану это не нравится. Но я знаю, что творится вокруг.

Креддоком начало овладевать отчаяние.

— Все выглядит так просто и обыденно, — сказал он. — Милые пустячки, забава. И тем не менее уже имеется двое убитых, и, того и гляди, укокошат еще кого-нибудь, прежде чем я успею принять меры. В настоящий момент я перестал заниматься Пипом и Эммой и сосредоточился исключительно на Соне. Знать бы, как она выглядит! В письмах есть несколько фотографий, но никого похожего на нее.

— Разве вам известно, как она выглядела?

— Мисс Блеклок сказала, что она была маленького роста и смуглая.

— Вот как, — протянула мисс Марпл, — любопытно.

— Правда, — продолжал Креддок, — один снимок мне кого-то смутно напомнил. Высокая

светловолосая девушка с пучком на затылке. Бог знает, кто она такая, но, во всяком случае, не Соня. Как вам кажется, миссис Светтенхэм была в юности смуглой?

— Едва ли, — ответила Банч. — У нее голубые глаза.

— Я рассчитывал найти фотографию Дмитрия Стэмфордиса, но увы… Ладно. — Он взял письмо. — Извините, что тут нет ничего интересного для вас, мисс Марпл.

— О, что вы, как раз напротив, — запротестовала мисс Марпл. — Тут очень даже много интересного… Вчитайтесь, инспектор… особенно в то место, где она пишет, что Р. Г, навел справки про Дмитрия Стэмфордиса.

Креддок удивленно уставился на нее.

Зазвонил телефон.

Банч поднялась с пола и вышла в холл, ибо телефонный аппарат, согласно викторианским традициям, находился там.

Вернувшись в комнату, она сказала Креддоку:

— Это вас.

Слегка удивленный, инспектор вышел, не забыв, однако, плотно притворить за собой дверь.

— Креддок? Райдсдейл на проводе.

— Слушаю, сэр.

— Я тут просматривал наше дело. Как я понял, в разговоре с вами Филлипа Хаймс твердила, что не видела мужа с тех пор, как он дезертировал?

— Так точно, сэр. Она все категорически отрицала. Но, по-моему, лгала.

— Совершенно с вами согласен. Помните случай, произошедший дней десять назад? Мужчину переехал грузовик… потерпевшего отвезли в Мильчестерский госпиталь с сотрясением мозга и переломом таза.

— Вы про парня, который вытащил ребенка из-под колес грузовика, а сам под него угодил?

— Да. При нем не было никаких бумаг, и никто не пришел его опознать. Похоже было, что он в бегах. Прошлой ночью бедняга умер, так и не придя в сознание. Но мы выяснили его личность. Он дезертировал из армии, и зовут его Роналд Хаймс, бывший капитан, служивший в Южном Лоумшире.

— Муж Филлипы Хаймс?

— Да. Кстати, при нем обнаружили использованный билет в Чиппинг-Клеорн и довольно приличную сумму денег.

— Значит, он получил деньги от жены? Я всегда думал, что Филлипа разговаривала в оранжерее с ним. Конечно, она все начисто отрицала… Но,

сэр, несчастный случай ведь произошел до…

— Вот именно! — подхватил Райдсдейл. — Его положили в больницу двадцать восьмого. А события в Литтл-Педдоксе были двадцать девятого. Так что к нему Хаймс не имеет отношения. Но жена его, разумеется, ничего не знала. И могла подозревать, что муж замешан. Поэтому она и молчала: все-таки он ее муж.

— А он поступил благородно, да, сэр? — сказал Креддок.

— Что спас ребенка? Безусловно. Смельчак! Так что не думайте, будто Хаймс дезертировал из трусости.

Ладно, Бог с ним, что было — то быльем поросло. Для человека с замаранной репутацией это хорошая смерть.

— Я рад за Филлипу, — сказал инспектор. — И за ее сына.

— Да, мальчику не придется краснеть за отца. А молодая женщина сможет снова выйти замуж.

— Я уже думал, сэр, — откликнулся Креддок. — Это открывает новые перспективы.

— Раз уж вы сейчас в Чиппинг-Клеорне, то, наверное, стоит рассказать о случившемся Филлипе.

— Хорошо, сэр. Я тотчас же пойду поговорю с

ней. Хотя нет, лучше подождать, когда она вернется в Литтл-Педдокс. Известие может сильно потрясти ее… и, потом, я хочу еще кое с кем переговорить.

Глава 19
Попытка воссоздать картину преступления

— Я ухожу, но сначала давайте-ка поставлю лампу к вам поближе, — сказала Банч. — Здесь темно. Наверно, будет гроза.

Она перенесла настольную лампу на другой конец стола: так, чтобы та лучше освещала вязание мисс Марпл, сидевшей в просторном кресле с высокой спинкой.

Шнур зашуршал по столу; кот Тиглатпаласар бросился к нему и впился в него зубами.

— Не надо, Тиглатпаласар, не надо. Ей-богу, что за ужасный котище! Посмотрите, чуть не перекусил шнур… весь его растрепал. Ну, как ты не понимаешь, дурачина, что тебя может дернуть током, если ты будешь так себя вести?

— Спасибо, дорогая, — сказала мисс Марпл и протянула руку к выключателю.

— Не здесь. Надо нажать на кнопку посередине шнура, ужасно дурацкая система! Погодите минуточку. Я уберу цветы.

Она подняла вазу с рождественскими розами.

Кот, помахивая хвостом, озорно вытянул когти и слегка оцарапал руку Банч. Из вазы пролилось немного воды. Она попала на растрепавшуюся часть шнура и на самою кота, который с возмущенным шипеньем соскочил на пол.

Мисс, Марпл нажала маленькую грушевидную кнопку. Что-то вспыхнуло и затрещало — там, где вола попала на шнур.

— О Боже! — воскликнула Банч. — Она перегорела. И наверно, все остальные лампы в комнате тоже. — Она попыталась зажечь свет. — Да. Какой идиотизм, что все лампы действуют от одной… как ее. И стол тоже прожгли… Мерзкий, мерзкий Тиглатпаласар — это все он! Что с вами, тетя Джейн? Вы испугались?

— Ничего, дорогая. Просто я вдруг увидела то, что должна была увидеть гораздо раньше…

— Я пойду вкручу пробку и принесу лампу из кабинета Джулиана.

— Не надо, дорогая, не беспокойся. Ты опоздаешь на автобус. Мне достаточно света. Я хочу просто спокойно посидеть… и все обдумать. Поторапливайся, милочка, а то не успеешь.

Когда Банч ушла, мисс Марпл довольно долго сидела не шевелясь и сосредоточенно сдвинув брови. В комнате было душно, на дворе собира-

лась гроза.

Потом старая леди пододвинула к себе листок бумаги и написала “Лампа?” — и жирно подчеркнула.

Потом написала еще одно слово.

Карандаш заскользил по листу, оставляя за собой лесенку коротких фраз…

В Боулдерсе, в полутемной гостиной с низкими потолками и решетчатыми окнами, спорили мисс Хинчклифф и мисс Мергатройд.

— Вся беда в том, Мергатройд, — говорила мисс Хинчклифф, — что ты даже не хочешь попытаться.

— Но уверяю тебя, Хинч, я ничего не могу припомнить.

— Ладно, слушай, Эмми Мергатройд. Сейчас мы попробуем мысленно воссоздать ход событий;, Пока что сыщики из нас никудышные. Я была в корне не права насчет двери. Ты не придерживала ее, помогая убийце. Ты оправдана, Мергатройд.

Мисс Мергатройд кисло улыбнулась.

— Нам, конечно, очень не повезло, что наша домработница — не болтунья, в отличие от всей прочей прислуги в Чиппинг-Клеорне, — продолжала мисс Хинчклифф. — Вообще-то я ей за это

благодарна, но на сей раз она нас подвела. Всей округе давно известно про вторую дверь в гостиную, а мы услыхали о ней только вчера…

— Но я до сих пор не понимаю, как…

— Все очень просто. Наши с тобой сомнения были совершенно оправданны. Как можно одновременно придерживать дверь, шарить фонарем по комнате, и при этом еще стрелять из пистолета! Мы исключили дверь, а пистолет и фонарь оставили. И вот тут-то мы ошиблись. Надо было исключить пистолет.

— Но у него же был пистолет! — не сдавалась мисс Мергатройд. — Я сама видела. Он валялся на полу.

— Конечно, но Шерц тогда уже окочурился. Все ясно как день. Он не стрелял из пистолета…

— А кто стрелял?

— Это нам и предстоит выяснить. Ясно одно: тот же самый человек положил отравленные таблетки возле постели Летиции Блеклок, а укокошил по ошибке бедняжку Дору Баннер. Руди Шерц сотворить этого не мог, потому что сам дал дуба. Это сделал тот, кто был среди гостей в день налета и, очевидно, на дне рождения тоже. Сразу отпадает только миссис Хармон.

— А ты думаешь, таблетки подложили именно

в день рождения?

— Скорее всего.

— Но как?

— Ну, в сортир-то, мы все ходили, — с грубой откровенностью сказала мисс Хинчклифф. — А я мыла руки в ванной, они у меня были липкие от торта. А наша маленькая пампушечка Истербрук пудрила свою грязную мордочку в спальне Блеклок, помнишь?

— Хинч! Неужто ты думаешь, что… она…

— Пока не знаю. Очень уж смело. Если хочешь подбросить кому-нибудь таблетки, вряд ли станешь околачиваться в спальне. Да нет, конечно, есть масса других возможностей.

— Мужчины наверх не поднимались.

— В доме есть черный ход. Ну, и потом… когда мужчина выходит из комнаты, ты же не потащишься за ним проверять, туда ли он побрел на самом деле, куда ты подумала. В конце концов, это бестактно! Ладно, не спорь, Мергатройд! Вернемся к первому покушению на Летти Блеклок. Для начала уясни обстановку, потому что все будет зависеть только от тебя. Мергатройл заволновалась.

— Но, Хинч, милая, ты же знаешь, я все на свете перепугаю!

— Сейчас речь не об опилках, которые у тебя вместо мозгов. Речь о твоих глазах. О том, что ты видела.

— Ноя ничего не видела!

— Я же тебе сказала, Мергатройд: вся сложность в том, что ты не хочешь попытаться. Слушай внимательно. Значит, так: кто бы ни охотился на Летти Блеклок, в тот вечер он был в комнате. Он (я говорю “он” потому, что так проще, но не вижу причины, по которой это не могла совершить и женщина, разве что только потому, что в принципе все мужики — свиньи)… так вот, он заранее смазал петли двери, которая считалась заколоченной. О том, когда он умудрился, не спрашивай, ты только собьешь меня с мысли. На самом деле., можно, улучив момент, зайти в любой дом в Чиппинг-Клеорне, сделать свое дело, и никто тебя не заметит. Надо лишь выяснить, где прислуга и куда смотались хозяева. Хорошенько прощупать почву — только и всего! Ладно, поехали дальше. Он смазал петли. Теперь дверь открывается бесшумно. А сейчас давай представим себе тот вечер… Погас свет. Дверь (главная) распахнулась настежь. Суматоха, свет фонаря, выкрики налетчика… И пока мы стоим и пялимся в темноте, Икс (будем называть его так) тихонько

прокрадывается через дверь Б в темный холл, подходит сзади к дураку-швейцарцу, выпускает пару пуль в Летти Блеклок и пристреливает и горе-гангстера. Потом бросает пистолет, чтобы такие тугодумы, как ты, решили, будто бы стрелял швейцарец, и прошмыгивает обратно, стараясь поспеть до того, как зажгут свет. Поняла?

— Д-да… но кто он?

— Ну, уж если ты, Мергатройд, не знаешь, то никто не знает!

— Я? — еле слышно пискнула встревоженная Мергатройд. — Но я абсолютно ничего не знаю. Правда, ничего, Хинч!

— Напряги, напряги опилки, которые ты называешь мозгами. Начнем сначала: кто где был, когда погас свет?

— Не знаю.

— Нет, знаешь. Ты меня с ума сведешь, Мергатройд. Ты хотя бы знаешь, где сама была? Ты стояла за дверью.

— Да-да, помню. Она еще стукнула меня по мозоли, когда распахнулась.

— Ты бы лучше к педикюрше сходила, вместо того чтобы жаловаться. Допрыгаешься до заражения крови. Ладно, поехали дальше. Ты за дверью. Я стою напротив камина, высунув язык от жажды.

Летти Блеклок у стола возле прохода под аркой, она достает сигареты. Патрик Симмонс прошел в маленькую комнату, туда, где Летти поставила напитки. Так?

— Да-да.

— Хорошо, дальше. Кто-то отправился вслед за Патриком или собирался отправиться. Кто-то из мужчин. Вот досада, что я не могу вспомнить, кто именно: Истербрук или Эдмунд Светтенхэм. Ты не помнишь?

— Нет.

— Еще бы ты помнила!.. Так… Потом кто-то еще тоже прошел в маленькую комнату. А! Филлипа Хаймс! Я ее отчетливо запомнила, потому что обратила внимание на ее осанку и подумала, что эта девочка хорошо смотрелась бы на лошади. Она подошла к камину. Не знаю, что ей там понадобилось. И в тот самый момент погас свет… Итак, фигуры расставлены. Патрик Симмонс, Филлипа Хаймс и то Ли полковник Истербрук, то ли Эдмунд Светтенхэм, — мы точно не знаем, — находятся в дальней гостиной. Теперь внимание, Мергатройд! Вероятнее всего, это сделал кто-то из них. Если человек хочет прошмыгнуть в ту самую дверь, он, естественно, заранее постарается занять удобную позицию. Так что, скорее всего,

это один из тех троих. И тогда, Мергатройд, ты ничего не сможешь прояснить.

Мисс Мергатройд явно повеселела.

— Но, с другой стороны, — продолжала мисс Хинчклифф, — возможно, это и не они. И тут все зависит от тебя, Мергатройд.

— Но откуда мне знать?

— Говорю же: кому еще знать, как не тебе?

— Но я не знаю! Правда, не знаю! Я ничего не могла видеть!

— Нет, могла. Ты — единственная, кто мог. Ты стояла за дверью и поэтому не смотрела на фонарь, поскольку дверь тебе мешала. А значит, ты глядела туда, куда светил фонарь. Всех остальных он, стало быть, ослепил, а тебя нет, значит, ты могла что-то увидеть.

— Может быть, но я ничего не видела, свет от фонаря прыгал из стороны в сторону…

— И что освещал? Он ведь задерживался на лицах, да? На столах? На креслах?

— Да-да…

Мисс Баннер стояла, разинув рот, выпучив глаза. Уставилась в одну точку и только моргала…

— Наконец-то! — облегченно вздохнула мисс Хинчклифф. — Самое сложное — это заставить тебя шевелить опилками. Ну, давай, давай!

— Но я больше ничего не видела! Честное слово!

— Ты хочешь сказать, что видела пустую комнату? И никого в ней не было? Никто не стоял? Не сидел?

— Нет, конечно нет.

Мисс Баннер стояла с открытым ртом, а миссис Хармон сидела на подлокотнике кресла. Она крепко зажмурилась и закрыла лицо руками, совсем как ребенок.

— Хорошо, с миссис Хармон и мисс Баннер мы разобрались… Ну, разве тебе не ясно, к чему я клоню? Я вовсе не хочу что-то тебе вдалбливать. Но понимаешь, когда мы исключим тех, кого ты видел а… мы сможем подойти к самому главному: кого ты не видела. Усекла? Кроме столов, кресел, хризантем и всего прочего, в комнате находились люди: Джулия Симмонс, миссис Светтенхэм, миссис Истербрук, полковник Истербрук или Эдмунд Светтенхэм… Дора Баннер и Банч Хармон. Ты увидела Банч Хармон и Дору Баннер. Прекрасно! Вычеркни их. А теперь напрягись, Мергатройд. Хорошенько подумай: кого, только точно, в комнате не было?

В растворенное окно стукнула ветка. Мисс Мергатройд от неожиданности подскочила на

стуле. Закрыв глаза, она пробормотала: “Цветы… на столе… большое кресло… фонарь не дошел до тебя, Хинч… Миссис Хармон… о да…”

Зазвонил телефон. Мисс Хинчклифф подошла к нему.

— Алло, слушаю. Кто это? Станция?

Закрыв глаза, мисс Мергатройд послушно пыталась восстановить в памяти вечер двадцать девятого числа. Фонарь медленно двигался по комнате… группа людей… окна… диван… Дора Баннер… стена, стол с лампой… пролом под аркой… внезапный звук выстрела…

— Но это невероятно! — проговорила мисс Мергатройд.

— Что? — рявкнула в телефонную трубку мисс Хинчклифф. — Он там с утра? Со скольких? Черт побери, и вы только теперь мне звоните. Я натравлю на вас ОБЖОЖ[30]. Недосмотр? И это все, что вы можете сказать?

Она швырнула трубку.

— Звонили по поводу той собаки, рыжего сеттера. Сучка. Она у них с утра на станции… с восьми! Без глотка воды, представляешь? А эти болваны позвонили только сейчас. Поеду заберу ее.

---

[30] notes: 30

ОБЖОЖ — Общество борьбы против жестокого обращения с животными.

Она ринулась вон из комнаты. Мисс Мергатройд, очнувшись, пронзительно запищала:

— Но послушай, Хинч, это невероятно… Я ничего не понимаю…

Мисс Хинчклифф выбежала из дома и помчалась через двор к сараю, служившему гаражом.

— Продолжим, когда вернусь, — откликнулась она. — Я не могу ждать, пока ты соберешься. Ты, как всегда, в шлепанцах.

Она завела мотор и рывком вырулила из гаража. Мисс Мергатройд проворно подскочила сбоку.

— Но послушай, Хинч, я должна тебе сказать…

— Когда я вернусь…

Машина рванулась с места и умчалась. Вслед ей полетел слабый, взволнованный крик Мергатройд:

— Но, Хинч, там ее не было…

Над головой собирались густые черные тучи. Пока мисс Мергатройд стояла, ошарашенно глядя вслед умчавшейся машине, упали первые крупные капли дождя. Мергатройд кинулась к веревке, на которой несколько часов назад развесила сушиться свитера и шерстяные нижние рубашки. Она бормотала, еле переводя дух:

— Нет, совершенно невероятно… Боже, я не

успею снять белье… А ведь оно почти высохло.

Борясь с заклинившей прищепкой, она вдруг услышала чьи-то шаги и, повернув голову, гостеприимно улыбнулась.

— Здравствуйте, заходите в дом, а то еще промокнете.

— Ничего, я помогу вам.

— О, если вас не затруднит… как ужасно, если вещи снова намокнут. Наверно, проще снять веревку, но я не могу дотянуться.

— Вот ваш шарф. Можно, я вам его завяжу?

— Спасибо… Вот бы мне дотянуться до той прищепки…

Шерстяной шарф обвился вокруг шеи и вдруг стиснул ее…

Мисс Мергатройд открыла рот, но из него вырывалось лишь слабое, приглушенное бульканье.

А шарф стягивал ее шею все туже и туже…

На обратном пути со станции мисс Хинчклифф притормозила рядом с мисс Марпл, которая торопливо шла по улице.

— Привет! — крикнула она. — Вы промокнете до нитки. Поедемте к нам, выпьем чаю. Я видела на остановке автобуса Банч. У викария никого нет дома. Поедемте к нам, составите нам компанию. Мы с Мергатройд пытаемся воссоздать картину

преступления. Кажется, даже кое до чего додумались. Поосторожней с собакой, она нервничает.

— Какая красавица!

— Прелестная сучка, правда? Эти кретины продержали ее на станции целый день и не удосужились мне сообщить. Я им все высказала, лоботрясам чертовым!.. О!.. Ради Бога, простите за грубость, я ведь росла в Ирландии, среди грумов…

Маленькая машина рывком завернула в небольшой задний дворик Боулдерса.

Женщины вышли из машины, и их тут же окружила стая голодных уток и прочей домашней птицы.

— Черт побери эту Мергатройд! — воскликнула мисс Хинчклифф. — Она их не покормила.

— А трудно доставать корм? — поинтересовалась мисс Марпл.

Мисс Хинчклифф подмигнула:

— Я у фермеров свой человек.

Они отогнала птиц и двинулась вслед за мисс Марпл к коттеджу.

— Надеюсь, вы не очень промокли?

— Нет, у меня прекрасный плащ.

— Сейчас разожгу камин, если Мергатройд не успела. Эй, Мергатройд, ау! Куда она запро-

пастилась? И где собака? Надо же, теперь и она пропала.

Снаружи донесся зловещий протяжный вой.

— Черт подери глупую псину! — Мисс Хинчклифф тяжело затопала к двери и позвала:

— Ко мне, Душка!.. Душка!.. Ужасно дурацкое имя, но так ее окрестили. Мы дадим ей другое. Эй, Душка!

Рыжий сеттер обнюхивал что-то, лежавшее под натянутой веревкой, на которой развевались на ветру рукава свитеров.

— Мергатройд даже не сообразила снять белье. И куда она подевалась, ума не приложу?!

Рыжий сеттер снова обнюхал что-то, похожее на кучу тряпья, задрал морду кверху и завыл.

— Что это творится с собакой?

Мисс Хинчклифф размашистым шагом направилась к ней.

Мисс Марпл внезапно все поняла и побежала следом…

Они стояли рядом, под проливным дождем. Мисс Марпл обнимала за плечи свою спутницу.

Вся напрягшись, мисс Хинчклифф смотрела на подругу, лежавшую на земле, на ее застывшее, посиневшее лицо с вывалившимся языком.

— Кто бы она ни была, я ее убью, — сказала

мисс Хинчклифф низким спокойным голосом. — Только бы мне до нее добраться!

Мисс Марпл вопросительно взглянула на мисс Хинчклифф:

— До нее?

Мисс Хинчклифф повернула к ней свое опрокинутое лицо.

— Да. Я знаю, кто это… Примерно догадываюсь… Одна из трех дамочек.

Она еще постояла, глядя на убитую подругу, потом пошла к дому. Голос ее был сухим и жестким:

— Надо позвонить в полицию. А пока я вам все расскажу. В общем-то здесь есть и моя вина. Я превратила это в игру. А убийство вовсе не игра.

— Да, — сказала мисс Марпл, — убийство не игра.

— Вы, я вижу, в этом разбираетесь? — спросила мисс Хинчклифф, снимая телефонную трубку.

Вкратце изложив происшедшее, она нажала на рычаг.

— Через пару минут они будут здесь… Да, я слышала, вы и раньше участвовали в каких-то расследованиях… Кажется, мне Эдмунд Светтенхэм говорил… Хотите знать, что мы тут с Мергатройд делали?

Мисс Хинчклифф сжато пересказала их последний перед отъездом на станцию разговор.

— Она кричала мне вслед, когда я уезжала… Поэтому я и знаю, что убийца не мужчина, а женщина. Если б я подождала!.. Если бы выслушала!.. Дьявол! Собака могла поторчать на станции еще четверть часа.

— Не изводите себя, дорогая. Горю все равно не поможешь. Вы ведь не могли предвидеть.

— Конечно нет… Я теперь припоминаю… Что-то слегка стукнуло в окно. Наверно, она уже стояла там… Должно быть, она пришла к нам, а мы с Мергатройд спорили. Очень громко… А она услышала… Она все слышала!

— Вы так и не сказали, что же крикнула ваша подруга.

— Только одну фразу: “Там ее не было…” Она помолчала.

— Понимаете? Мы не исключили трех: миссис Светтенхэм, миссис Истербрук и Джулию Симмонс. И одной из них там не было… Ее не было в гостиной, потому что она проскользнула в другую дверь и очутилась в холле.

— Так, — сказала мисс Марпл, — понимаю.

— Одна из этих трех. Я не знаю кто. Но я выясню!

— Простите меня, — начала мисс Марпл, — но она… то есть мисс Мергатройд, сказала именно так?

— Как — “так”?

— О, дорогая, как бы получше объяснить? Вы сказали: “Там ее не было”, почти не делая ударение на каком-то слове. Понимаете, можно по-разному сказать то же самое. Вы могли сказать: “Ее там не было”. Если имели в виду кого-то определенного. Или: “Ее не было там”. Тогда бы вы как бы подтверждали уже существующие подозрения. А можно сказать, и вы сейчас сказали именно так: “Там ее не было”. То есть с упором на слово “там”.

— Не знаю, — покачала головой мисс Хинчклифф. — Не припомню… Да и как я могу припомнить? По-моему… ну да, точно, она сказала: “Ее та м не было”. Мне кажется, так естественней. Впрочем, я… я не знаю. А что, это важно?

— Да, — задумчиво молвила мисс Марпл. — Полагаю, важно. Конечно, это неявное указание, но все же указание. Пожалуй, это имеет значение, и весьма существенное.

Глава 20
Мисс Марпл исчезает

К своему неудовольствию, в последнее время почтальон получил распоряжение доставлять почту в Чиппинг-Клеорн не только утром, но и к вечеру. В тот день без десяти пять он принес в Литтл-Педдокс целых три письма. Одно, адресованное Филлипе Хаймс, было написано детским почерком, два других предназначались для мисс Блеклок. Она распечатала их, когда они с Филлипой пили чай. Из-за проливного дождя Филлипа кончила работу раньше обычного: оранжерею пришлось закрыть, а других дел у нее в Дайас-Холле не нашлось.

Мисс Блеклок вскрыла первый конверт. В нем оказался счет за починку котла на кухне. Она сердито хмыкнула.

— Цены у Даймонда просто неимоверные… немыслимые! Хотя и у других, очевидно, не ниже.

Она развернула другое письмо, написанное незнакомым почерком:

“Дорогая тетя Летти!

Надеюсь, я не нарушу ваших планов, если приеду к вам во вторник? Два дня назад я написала Патрику, но он мне не ответил. Так что я решила, что все нормально. В следующем месяце мама поедет в Англию и надеется увидеть вас.

Мой поезд приходит в Чиппинг-Клеорн в шесть часов пятнадцать минут. Вам это удобно?

Искренне ваша

Джулия Симмонс".

Сначала мисс Блеклок прочла письмо с неподдельным и простодушным удивлением, потом перечитала еще раз, уже нахмурившись. Подняла глаза на Филлипу, которая улыбалась, читая письмо сына.

— Ты не знаешь, Джулия и Патрик уже пришли?

Филлипа оторвалась от письма.

— Да, сразу вслед за мной, и поднялись переодеваться. Они промокли до нитки.

— Что, если я попрошу тебя позвать их?

— Конечно. Сейчас позову.

— Погоди минуточку. На, прочти вот это.

Мисс Блеклок протянула Филлипе странное послание, Филлипа нахмурилась:

— Ничего не понимаю.

— Я тоже. А пора бы понять. Так позови их,

Филлипа.

Филлипа крикнула, подойдя к лестнице:

— Патрик! Джулия! Мисс Блеклок хочет с вами поговорить.

Патрик сбежал вниз и вошел в комнату.

— Не уходи, Филлипа, — попросила мисс Блеклок.

— Привет, тетя Летти! — радостно сказал Патрик. — Вы меня звали?

— Да. Может, ты объяснишь мне, что это значит?

Патрик начал читать, и на его лице появилось почти комическое смятение.

— Черт, я же хотел отбить ей телеграмму! Ну, осел!

— Я так понимаю, письмо от твоей сестры Джулии?

— Д-да…

— Тогда позволь спросить, — мрачно молвила мисс Блеклок, — что за юную особу ты привез сюда, выдав за Джулию Симмонс, свою сестру и мою родственницу.

— М-м… Понимаете, тетя Летти… дело в том, что… я сейчас все объясню! Конечно, мы не должны были… но нам все это казалось просто шуткой. Если позволите, я объясню.

— Да-да, изволь. Кто эта молодая женщина?

— Я встретил ее на одном коктейле, вскоре после того, как демобилизовался. Мы разговорились, я сказал, что еду сюда, а потом мы… Ну, подумали, что будет здорово, если я возьму ее с собой… Понимаете, Джулия, настоящая Джулия, сходила с ума по театру, а мама даже слышать об этом не хотела, с ней из-за этого семь сердечных приступов случилось. Ну вот, а Джулии как раз подвернулась возможность поступить в одну отличную труппу, кажется в Перте, и она решила попробовать… Но она считала, что маме будет спокойнее думать, что она, Джулия, здесь и, как паинька, учится на фармацевта.

— И все-таки мне хотелось бы знать, кто эта юная леди.

Тут в комнату с холодным и невозмутимым видом вошла Джулия, и Патрик с облегчением повернулся к ней.

— Нас разоблачили, — сообщил он. Джулия подняла брови. Потом так же невозмутимо прошла вперед и села.

— О'кей, — сказала она. — Значит, так суждено. Вы очень на меня сердитесь? — Джулия всмотрелась в лицо мисс Блеклок с каким-то ледяным любопытством. — Я бы на вашем месте

сердилась.

— Кто вы такая? Джулия вздохнула.

— Пожалуй, настал момент внести ясность. Я половинка от Пипа и Эммы. А точнее, имя, данное мне при крещении, — Эмма Джоселин Стэмфордис. Однако отец вскоре перестал называться Стэмфордисом. Кажется, он именовал себя Де Курси… Отец с матерью разошлись через три года после нашего с Пипом рождения. Каждый из них зажил самостоятельно. Нас они поделили между собой. Я досталась отцу. Родителем он оказался никудышным, хотя мужчиной был весьма обаятельным. Мне пришлось провести несколько затворнических лет в монастырских школах, когда отец сидел без денег или готовил какую-нибудь очередную авантюру. Обычно он, не скупясь, платил за обучение в первом семестре, а потом уезжал, бросив меня на попечение монахинь на год или даже на два. В перерывах мы с ним прекрасно проводили время, вращаясь в самом разношерстном обществе. Война нас разлучила окончательно. Я не имею понятия, где он и что с ним. У меня тоже не обошлось без приключений. Какое-то время я участвовала во Французском Сопротивлении. Это было потрясающе.

Короче говоря, в конце концов я обосновалась

в Лондоне и задумалась о будущем. Я знала, что брат моей матери, с которым она вдрызг разругалась, умер и оставил большое наследство. Я навела справки о завещании, надеясь, что там окажется что-нибудь и для меня. Но в завещания ничего об этом не говорилось, впрямую во всяком случае. Я навела справки о его вдове, она, похоже, дышала на ладан, держалась только на наркотиках и медленно умирала. Откровенно говоря, вы показались мне самым подходящим вариантом. Вам должны были привалить огромные деньжищи, и, насколько мне удалось выяснить, вам их особо не на кого было тратить. Буду совершенно искренней. Мне пришло в голову, что надо постараться подружиться с вами, войти в доверие, ведь после смерти дяди Рэнделла многое изменилось… Я хочу сказать, что во время бури, пронесшейся над Европой, мы с отцом растратили все наши сбережения. Так вот, я думала: может, вы пожалеете бедную сиротку, которая осталась одна-одинешенька на белом свете, и выделите ей небольшой годовой доход.

— Вот, значит, как вы рассуждали? — мрачно молвила мисс Блеклок.

— Да. Я же вас ни разу в жизни не видела… Я считала, что надо пойти к вам и поплакаться…

Потом я случайно встретила Патрика — и это было просто чудом, выяснилось, что он ваш родственник, не то племянник, не то кто-то еще. Я по уши влюбилась в него, он отвечал мне взаимностью. Настоящая Джулия просто бредила сценой, и я быстро убедила ее, что ее долг перед искусством — поселиться в вонючих номерах в Перте и попытаться стать новой Сарой Бернар[31]. Пожалуйста, не ругайте Патрика. Ему стало меня жалко, ведь я была совсем одна… он подумал, что будет действительно здорово, если я приеду сюда под видом его сестры и добьюсь вашего расположения.

— А то, что вы рассказывали эти свои сказки полиции, он тоже приветствовал?

— Помилосердствуйте, Летти! Ведь когда произошел этот дурацкий налет, — вернее после него — я поняла, что попала в мышеловку. Сами посудите: в принципе у меня было достаточно оснований желать вашей смерти. Но поверьте, у меня и в мыслях такого не было. Поймите, я же не могла сама явиться в полицию с повинной! Даже у Патрика порой возникали всякие гадкие подозрения, а уж если он мог меня заподозрить,

---

[31] notes: 31

Сара Бернар (1844—1923) — знаменитая французская трагическая актриса.

то что говорить о полиции? Инспектор настроен весьма скептически. Нет, я видела только один выход: по-прежнему прикидываться Джулией, а после окончания семестра тихо смыться. Откуда мне было знать, что эта дурища, настоящая Джулия, поцапается с продюсером и в порыве гнева пошлет театр к чертям собачьим? Она спросила Патрика в письме, можно ли ей приехать сюда, а он вместо того, чтобы тут же ей ответить: “И не думай!” — преспокойно про все забыл! Идиот несчастный!

Девушка метнула на Патрика разъяренный взгляд.

— Если бы вы только знали, — вздохнула Джулия, как тяжело приходилось мне в Мильчестере. Ни в какую больницу я, конечно, на занятия не ходила. Но куда-то ходить надо было! Вот я и просиживала часами в кино, смотрела по десять раз одни и те же отвратительные фильмы.

— Пип и Эмма, — пробормотала мисс Блеклок. — Я так до конца в них и не верила, хотя инспектор мне говорил…

Она испытующе посмотрела на Джулию.

— Значит, вы — Эмма. А где Пип?

Ответный взгляд Джулии был чист и невинен.

— Не знаю, — сказала она, — не имею ни ма-

лейшего понятия.

— По-моему, ты лжешь, Джулия. Когда ты его в последний раз видела?

Показалось ей или нет, будто Джулия чуть-чуть замешкалась с ответом? Нет, голос девушки звучал внятно и решительно:

— Последний раз видела… когда нам обоим было по три года. Мама забрала Пипа с собой. С тех пор я не встречалась с ними обоими. Где они теперь — не знаю.

— Это все, что ты можешь мне сказать? Джулия вздохнула.

— Я могу, конечно, сказать, что мне стыдно. Но это будет не правдой, потому что, если бы можно было все вернуть обратно, я поступила бы точно так же… Разумеется, если б не знала, что придурок Шерц такое выкинет.

— Джулия, — сказала мисс Блеклок, — я уж называю тебя так по привычке… Ты ведь участвовала во Французском Сопротивлении?

— Да, целых полтора года.

— Значит, ты умеешь стрелять?

И — вновь холодный взгляд голубых глаз.

— Да, и отлично. Я первоклассный снайпер. У меня, конечно, нет доказательств, но, поверьте, Легация, в вас я не стреляла. Потому что наверня-

ка бы не промахнулась…

Создавшуюся напряженность разрядил шум подъехавшей машины.

— Кто это может быть? — спросила мисс Блеклок. Мици просунула в дверь взъерошенную голову и закатила глаза.

— Опять полиция! — объявила она. — Это преследование! Почему они не оставляют нас в покое? Я не перенесу. Я буду писать премьер-министр. Я буду писать ваш король.

Креддок решительно и бесцеремонно отодвинул ее в сторону. Губы его были столь мрачно сжаты, что все сразу насторожились. Таким они его еще не видели.

Он сурово сказал:

— Убита мисс Мергатройд. Ее задушили меньше часа тому назад.

Взгляд его остановился на Джулии:

— Мисс Симмонс, где вы были днем?

— В Мильчестере, — осторожно ответила Джулия. — Я только сейчас вернулась.

— А вы? — Инспектор перевел взгляд на Патрика.

— Тоже.

— Вы приехали вместе?

— Да, да, — сказал Патрик.

— Нет, — сказала Джулия. — Какой смысл обманывать, Патрик? Ведь это легко проверить… Водители автобусов нас прекрасно знают. Я приехала раньше, инспектор, на автобусе, который приходит сюда в четыре часа.

— И что вы потом делали?

— Пошла погулять.

— В сторону Боулдерса?

— Нет, я гуляла по полям.

Он пристально на нее посмотрел. Джулия побледнела, но выдержала взгляд.

Никто не успел вымолвить ни слова, потому что зазвонил телефон.

Вопросительно взглянув на Креддока, мисс Блеклок сняла трубку.

— Да. Кто? А, Банч. Что? Нет, ее здесь не было. Не представляю… Да, он-то как раз здесь. — Она отняла трубку от уха и сказала:

— Инспектор, вас просит миссис Хармон. Мисс Марпл еще не вернулась, и миссис Хармон беспокоится.

Креддок в два прыжка пересек комнату.

— Креддок у телефона.

— Инспектор, я волнуюсь. — Голос Банч по-детски дрожал. — Тетя Джейн куда-то ушла, я не знаю куда. А тут еще говорят, мисс Мергатройд

убили. Это правда?

— Правда, миссис Хармон. Мисс Марпл как раз была вместе с мисс Хинчклифф, когда они обнаружили тело.

— А, значит, она там, — облегченно вздохнула Банч.

— Боюсь, что нет. Она ушла… сейчас скажу… где-то полчаса назад. Разве она еще не вернулась?

— Нет. А от них ходьбы всего десять минут. Где же она?

— Может, зашла к кому-нибудь из соседей?

— Нет, я их обзвонила, всех до единого. Нигде ее нет. Я так за нее тревожусь, инспектор.

“Я тоже”, — подумал Креддок. Он торопливо сказал:

— Я выезжаю к вам сию минуту.

— О, пожалуйста… тут лежит листок бумаги. Перед уходом она что-то записала. Я не знаю, есть ли в ее записях смысл… По мне, там какая-то тарабарщина…

Креддок положил трубку.

Мисс Блеклок обеспокоенно спросила:

— Что такое с мисс Марпл? Надеюсь, ничего страшного?

— Будем надеяться. — На лице Креддока появи-

лось выражение горечи.

— Она ведь такая старая и… слабая.

— Да-да.

Мисс Блеклок встала и, рванув на себе жемчужное ожерелье, осипшим голосом произнесла:

— Час от часу не легче. Просто безумие какое-то, инспектор, просто безумие…

— Да уж…

От рывка ожерелье мисс Блеклок порвалось. Гладкие белые бусины рассыпались по комнате.

— Мой жемчуг… Мой жемчуг!!! — в тоске закричала Летиция. В голосе ее звучала такая мука, что все поразились. Она повернулась, прижала руку к горлу и, всхлипывая, выбежала из комнаты. Филлипа принялась собирать жемчужины.

— Никогда не видела ее такой расстроенной, — сказала Филлипа. — Она, правда, все время носит это ожерелье. Наверно, подарок от дорогого человека. Как вы думаете? Может, от Рэнделла Геллера?

— Возможно, — задумчиво произнес инспектор.

— А они… что, если… вдруг они настоящие? — спросила Филлипа, ползая на коленях и старательно подбирая блестящие бусины.

Креддок положил одну на ладонь, собираясь

презрительно процедить: “Настоящие? Как бы не так!” Но слова застряли у него в горле.

А действительно, вдруг жемчуг настоящий? Он был таким крупным, таким откровенно фальшивым, что сразу напрашивалась мысль о подделке. Но Креддок вспомнил, как однажды, при расследовании одного дела, обнаружилось, что в ломбарде приобрели целую нитку настоящего жемчуга всего за несколько шиллингов. Летиция Блеклок уверяла, что в доме нет ценностей. Однако если жемчуг все-таки настоящий, он стоит баснословных денег. А если вдобавок его подарил Рэнделл Гедлер, так ему просто цены нет!

Да, жемчуг казался искусственным и, может, действительно был искусственным, но… что, если он настоящий?

А почему бы и нет? Летиция может и сама не подозревать. А может и охранять таким образом свое сокровище, обращаясь с ним словно с дешевой побрякушкой, красная цена которой — пара гиней. Сколько же стоит ожерелье, если оно из настоящего жемчуга? Бешеные деньги… Ради них пойдешь и на убийство. И если кто-нибудь знал об этом…

Инспектор резко встряхнул головой. Хватит раздумывать! Мисс Марпл исчезла. Надо идти к

викарию.

Банч с мужем ждали его, вид у них был встревоженный и унылый.

— Ее еще нет, — сказала Банч.

— А уходя из Боулдерса, мисс Марпл говорила, что собирается к нам? — поинтересовался Джулиан.

— Да нет, так прямо не говорила, — с запинкой ответил Креддок, припоминая обстоятельства своей последней встречи с Джейн Марпл.

Губы ее были тогда сурово сжаты, а голубые глаза, обычно такие ласковые, смотрели холодно и строго.

Эта суровость, эта… непреклонная решимость… что-то сделать, но вот что? Пойти… но куда?

— В последний раз, когда я ее видел, она разговаривала с сержантом Флетчером, — сказал Креддок. — Они стояли у калитки. Потом мисс Марпл ушла. Я решил, что она пошла к вам. Я хотел отправить ее на машине, но закрутился, и она незаметно исчезла. Может, Флетчер что-нибудь знает? Где он?

Однако, когда Креддок позвонил в Боулдерс, ему ответили, что Флетчера там нет, а куда он ушел — неизвестно. Предполагают, что он поехал в Мильчестер.

Инспектор дозвонился до полицейского управления в Мильчестере, но и там о Флетчере ничего не знали.

Тогда Креддок обратился к Банч, вспомнив, что она говорила ему про записи.

— Где тот листок? Вы сказали, она что-то написала. Банч принесла. Инспектор развернул бумагу, положил на стол. Заглядывая ему через плечо, Банч вслух повторяла написанное. Мисс Марпл писала как курица лапой, разобрать ее почерк было нелегко. “Лампа”. “Фиалки”.

Потом через промежуток: “Где пузырек, с аспирином?” Наибольшие затруднения вызвал следующий пункт.

— “Дивная смерть”, — наконец прочитала Банч. — А, так это торт Мици!

— “Справлялась”, — прочитал Креддок.

— Справлялась? Интересно, о чем? А это что такое? “И бремя печалей на сердце легло…” Скажите на милость!..

— “Йод”, — прочитал инспектор. — “Жемчуг”. Вот как? Жемчуг?! И еще: “Лотти”, нет: “Летти”. Тут “е” очень похоже на “о”. А потом “Берн”. А это что?

— “Пенсия по старости”.

Они озадаченно посмотрели друг на друга.

Креддок быстро прочитал снова:

— Лампа. Фиалки. Где пузырек с аспирином? Дивная смерть. Справлялась. И бремя печалей на сердце легло. Йод. Жемчуг. Летти. Берн. Пенсия по старости.

Банч спросила:

— Это что-нибудь означает? Есть тут смысл? Я лично не вижу никакой связи.

— У меня промелькнула какая-то мысль, но тут же исчезла. Странно, что она вставила сюда жемчуг, — произнес Креддок.

— Какой жемчуг? О чем вы?

— Мисс Блеклок всегда носит трехрядное жемчужное ожерелье?

— Всегда. Мы порою над ней подтруниваем. Он выглядит такой дешевкой, не правда ли? Но она, наверно, считает, что это модно.

— Возможно, есть и другая причина, — с расстановкой сказал Креддок.

— Уж не думаете ли вы, что он настоящий? Быть не может!

— А вам часто приходилось видеть настоящий жемчуг такого размера, миссис Хармон?

— Но ее бусы обыкновенные стекляшки!

Креддок пожал плечами.

— Ладно, сейчас не до этого. Мисс Марпл… Мы

должны ее разыскать.

Разыскать, пока не поздно… А если уже поздно? Записи мисс Марпл говорили о том, что она напала на след. Но это опасно, очень опасно! И где, скажите на милость, шляется Флетчер?

Креддок вышел из дома викария и размашистым шагом направился к машине. Надо искать… другого выхода нет…

Внезапно из мокрых зарослей лавра раздался голос.

— Сэр! — настойчиво звал Флетчер. — Сэр!

Глава 21
Три женщины

В Литтл-Педдоксе кончился обед. За столом царило неловкое молчание.

Патрик чувствовал себя очень неуютно из-за того, что впал в немилость у тети Летти, время от времени он пытался завязать разговор, но безуспешно. Филлипа Хаймс целиком была погружена в свои мысли. А сама мисс Блеклок оставила все попытки сохранить свой привычно-бодрый вид. Она надела нарядное платье и ожерелье из камей, однако под глазами у нее явственно обозначились темные круги, а в глазах сквозил страх, и руки заметно дрожали.

Одна Джулия держалась, как обычно, с циничным отчуждением.

— Прошу прощения, Летти, — сказала она, — что не могу сию минуту собрать вещички и покинуть ваш дом. Полиция не позволит. Но, надеюсь, мне недолго осталось омрачать ваше существование. С минуты на минуту сюда, очевидно, явится инспектор Креддок с ордером на арест и наручниками. Право, не понимаю, поче-

му он не сделал этого раньше.

— Он ищет ту пожилую даму, — сказала мисс Блеклок.

— Вы думаете, ее тоже убили? — спросил Патрик с чисто исследовательским любопытством. — Но почему? Что она могла такого знать?

— Бог весть, — глухо ответила мисс Блеклок. — Может, мисс Мергатройд ей что-нибудь рассказала.

— Если мисс Марпл тоже убита, — сказал Патрик, то по логике это мог сделать только один человек.

— Кто?

— Конечно же Хинчклифф! — с торжественным видом заявил Патрик. — Ведь в последний раз мисс Марпл видели живой именно у Хинчклифф. Думаю, она так и не покинула Боулдерс.

— У меня болит голова. — Мисс Блеклок стиснула лоб ладонями. — Зачем, зачем Хинч убивать мисс Марпл? Какая чушь!

— И вовсе не чушь, если это Хинч убила Мергатройд, — уверенно возразил Патрик.

Филлипа вышла из задумчивости и покачала головой.

— Хинч не могла убить Мергатройд.

Но в Патрика вселился дух противоречия.

— Нет, могла, если Мергатройд случайно обнаружила, что Хинч — преступница.

— И вообще, когда убили Мергатройд, Хинч была на станции.

— Она могла убить Мергатройд до ухода.

Внезапно Летиция Блеклок вскричала так, что все вздрогнули:

— Убийство, убийство, убийство!.. Вы что, не можете поговорить о чем-нибудь другом? Неужели вы не понимаете, что я боюсь? Боюсь? Раньше я не боялась, думала, что сама смогу… справиться… Но как можно уберечься от убийцы, который все время выжидает… выслеживает… О, Господи!

Она уткнулась лицом в ладони. Но через несколько мгновений подняла голову и натянуто извинилась.

— Простите… Я… я потеряла самообладание.

— Ничего, тетя Летти, — ласково сказал Патрик. — Я позабочусь о вас.

— Ты? — только и молвила Летиция, но с такой горечью, что это прозвучало как обвинение.

Подходило уже время обеда, а тут еще Мици подлила масла в огонь, заявив, что обед готовить не собирается.

— Я больше ничего тут не делать! Я иду своя комната. Запираю себя. И остаюсь здесь до зав-

тра. Я боюсь… столько людей убивать… Мисс Мергатройд с ее глупый английский лицо… кому нужно убивать мисс Мергатройд? Только маньяк! Значит, здесь явился маньяк. А маньяк все равно, кого убивать. Но я не хочу, чтобы меня убивать! В кухня… там тени… я слушаю шорох и думаю, кто-то во дворе. Потом видеть тень около дверь в кладовая и слышу шаги. Поэтому я иду в моя комната, запираю дверь и даже кладу к ней комод. А утром говорю этот полицейский без душа, что я уезжать. А если он не разрешает, я говорю: “Я буду закричать, и закричать, и закричать, пока вы меня не пускаете”.

Едва прозвучали эти угрозы, у всех мороз пробежал по коже, потому что каждый живо припомнил, как Мици умеет кричать.

— Поэтому я иду своя комната, — повторила Мици, чтобы ее намерение дошло до всех, и сняла театральным жестом кретоновый фартук. — Спокойной ночи, мисс Блеклок. Может, утром вас уже не будет живой. Поэтому я прощаюсь на всякий случай.

Мици вышла, и дверь затворилась за ней — как обычно со слабым жалобным стоном.

Джулия поднялась.

— Я займусь обедом, — сказала она, будто речь

шла о чем-то само собой разумеющемся. — Мудрое решение. Я избавлю вас от неловкости сидеть со мной за одним столом. Раз Патрик вызвался быть вашим защитником, тетя Летти, значит, он будет первым пробовать каждое блюдо. Я не хочу, чтобы меня обвинили еще и в том, что я вас отравила.

И Джулия приготовила и подала отменный обед.

Филлипа заглянула на кухню, пытаясь предложить свою помощь, но Джулия решительно отказалась.

— Джулия, я хочу тебе что-то сказать…

— Сейчас не время для девичьих признаний, — твердо заявила Джулия. — Отправляйся в столовую, Филлипа.

Обед закончился, и, перейдя в гостиную, все пили кофе за маленьким столиком у камина; похоже, им было нечего сказать друг другу… Они ждали.

В половине девятого позвонил инспектор.

— Я буду через четверть часа, — объявил он. — Со мной приедут полковник, миссис Истербрук, миссис Светтенхэм и ее сын.

— Но, право же, инспектор… Я не могу сегодня принимать гостей.

Казалось, у мисс Блеклок от страдания вот-вот разорвется сердце.

— Понимаю ваши чувства, мисс Блеклок, и приношу свои извинения. Но дело срочное.

— Вы нашли мисс Марпл?

— Нет, — сказал инспектор и повесил трубку. Джулия понесла на кухню кофейный поднос и, к своему удивлению, обнаружила там Мици, которая созерцала груду блюд и тарелок, стоявших возле раковины.

Мици разразилась потоком обвинений:

— Смотри, что ты сделала с мой такая прекрасный кухня! Эта сковородка… я использовать только для омлет, для омлет! А ты что с ней готовить?

— Жарила лук.

— Она испортилась. Испортилась! Теперь ее нужно мыть, а я никогда, никогда не мою моя сковородка для омлет! Я протираю аккуратно газета с сало, и все. А эта кастрюля, что ты брала, я использовываю только для молоко…

— Ну, я не знаю, какие кастрюли и для чего ты используешь, — сердито отрезала Джулия. — По-моему, ты хотела спать. Так чего ради вскочила, позволь поинтересоваться? Выметайся отсюда, дай мне спокойно помыть посуду.

— Нет, я не разрешаю использовать моя кухня!

— Мици, ты невыносима!

Не успела рассерженная Джулия выйти из комнаты, как в дверь позвонили.

— Я не иду открывать, — откликнулась Мици.

Джулия сквозь зубы тихо выругалась и пошла к входной двери. Явилась мисс Хинчклифф.

— Добрый вечер, — произнесла она своим грубоватым голосом. — Извините за вторжение. Надеюсь, инспектор уже позвонил?

— Он не предупредил, что вы тоже придете, — буркнула Джулия, проводя ее в гостиную.

— Он сказал, что, если я не хочу, то могу не приходить. Но я хочу! — отчеканила мисс Хинчклифф.

Никто не выразил ей соболезнований и ни словом не обмолвился о смерти мисс Мергатройд. У мисс Хинчклифф, обычно такой деятельной, было настолько измученное, опустошенное лицо, что все было понятно и без слов. Любые соболезнования звучали бы неуместно.

— Зажгите свет, — сказала мисс Блеклок. — И подбросьте в камин угля. Я ужасно замерзла. Проходите, садитесь возле огня, мисс Хинчклифф. Инспектор обещал приехать через пятнадцать минут. Значит, он вот-вот будет.

— Мици снова спустилась вниз, — сообщила Джулия.

— Да? Порой мне кажется, что она сумасшедшая, просто сумасшедшая. Но, может, мы все тут безумны?

— Терпеть не могу, когда говорят, что преступники сумасшедшие! — вдруг брякнула мисс Хинчклифф. — По-моему, наоборот, они очень даже неплохо соображают… раз способны так холодно и жестоко рассчитать каждый свой шаг.

С улицы донесся шум машины, и вошел Креддок с полковником, миссис Истербрук, Эдмундом и миссис Светтенхэм. Вид у них был подавленный.

Полковник Истербрук сказал голосом, прозвучавшим как слабое эхо его обычного голоса:

— Ха! Хороший огонь.

Миссис Истербрук села рядом с мужем, не снимая шубы. Ее лицо, всегда очаровательное и немножко кукольное, напоминало сейчас маленькую, облезлую мордочку ласки. Эдмунд был настроен весьма злобно и хмуро глядел по сторонам. Миссис Светтенхэм держалась напряженно и казалась пародией на саму себя.

— Ужасно, правда? — затараторила она. — Я имею в виду то, что творится. Воистину молчание — золото. Никому не дано знать, кто будет

следующим… это как с ума. Мисс Блеклок, дорогая, вам не кажется, что вам не помешало бы выпить чуточку бренди? Всего полрюмочки. Я всегда говорила, что бренди — прекрасная штука, он так взбадривает! С моей… с нашей стороны, конечно, ужасно, что мы вторглись к вам, но нас заставил прийти инспектор. Ах, все так ужасно, ее ведь не нашли. Я о бедной старушке, которая жила у викария. Банч Хармон чуть не помешалась. Никто не знает, куда она пропала. К нам не заходила… Я ее вообще сегодня не видела. А уж я бы знала, если б она возвратилась в дом викария, ведь я была в гостиной на другой половине дома, а Эдмунд работал у себя в кабинете, у него окна выходят на улицу… Так что какой бы дорогой она ни пошла, мы все равно бы ее увидели. Но я все же надеюсь и молюсь, чтобы с нашей дорогой старушкой ничего не приключилось. Хоть бы все было в порядке!

— Мама! — В голосе Эдмунда звучало страдание. — Неужели ты не можешь помолчать?

— Конечно, дорогой, охотно! — заявила миссис Светтенхэм и уселась рядом с Джулией.

Инспектор Креддок стал возле двери. Лицом к нему рядком сидели три женщины. Джулия и миссис Светтенхэм расположились на диване, а

миссис Истербрук притулилась на подлокотнике кресла, в котором восседал ее муж. Креддок их так не рассаживал, но то, что они сели вместе, очень его устраивало.

Мисс Блеклок и мисс Хинчклифф склонились над камином. Эдмунд стоял возле них. Филлипа отошла в глубь комнаты, в тень.

Креддок начал без проволочек.

— Ни для кого не секрет, что мисс Мергатройд убили, — сказал он. — У нас есть основания полагать, что убийца — женщина. По ряду причин мы можем сузить круг подозреваемых. Я намерен спросить у некоторых дам, что они делали сегодня с шестнадцати часов до шестнадцати часов двадцати минут. У меня уже есть сведения о передвижениях одной молодой особы, именующей себя мисс Симмонс. Я прошу ее повторить свои показания. Причем должен предупредить вас, мисс Симмонс, вы не обязаны отвечать, если боитесь, что ваши ответы будут вам инкриминированы, каждое ваше слово будет фиксироваться констеблем Эдвардсом и может быть использовано в качестве свидетельских показаний на суде.

— Это все обязательно, да? — спросила Джулия. Она сильно побледнела, но держала себя в руках. — Хорошо, я повторю. С четырех до двадцати

минут пятого я гуляла по полям — сначала у ручья, около фермы Комптона. Потом вышла на дорогу и свернула в поле, где растут три тополя. Насколько помню, по пути никого не встретила. Мимо Боулдерса я не проходила.

— А чем вы занимались, миссис Светтенхэм?

Эдмунд поинтересовался:

— А вы что, всех нас подозреваете?

Инспектор повернулся к нему.

— Нет. На данный момент только мисс Симмонс. Но я не исключаю, что обвинение может быть предъявлено любому из здесь присутствующих, и, разумеется, каждый из вас имеет право заявить о том, что согласен отвечать только в присутствии своего адвоката.

— О, это лишь зряшная трата времени! — вскричала миссис Светтенхэм. — Я уверена, что в двух словах смогу рассказать о том, что делала в это время. Вас ведь это интересует, да? Я начинаю?

— Пожалуйста, миссис Светтенхэм.

— Сейчас. — Миссис Светтенхэм на миг зажмурилась. — Конечно, к убийству мисс Мергатройд я не имею ни малейшего отношения. Думаю, это всем здесь очевидно. Но существуют общепринятые правила… и я прекрасно понимаю, что полиция вынуждена задавать массу ненужных

вопросов и тщательно записывать все ответы. Для так называемого “досье”. Я права? — Миссис Светтенхэм повернулась к констеблю Эдвардсу, прилежно записывавшему каждое ее слово, и снисходительно добавила:

— Надеюсь, я говорю не слишком быстро?

Констебль Эдварде, хороший стенографист, однако человек совершенно несветский, покраснел до ушей и ответил:

— Все в порядке, мадам. Разве что чуточку помедленней.

Миссис Светтенхэм продолжила свою речь, делая выразительные паузы там, где, по ее мнению, следовало ставить запятые или точки.

— Наверняка, конечно, сказать трудно, потому что у меня отсутствует чувство времени. Когда началась война, половина наших часов вообще встала, а другие спешат, отстают или вовсе не ходят, потому что мы их не заводим. — Миссис Светтенхэм помолчала, дабы присутствующие в полной мере прочувствовали, насколько ненадежны нынче временные ориентиры, а потом важно заявила с очень серьезным выражением на лице:

— Пожалуй, в четыре часа я вывязывала пятку на чулке (и по необъяснимым причинам

ошиблась… провязала лицевой ряд вместо изнаночного). А может, я была во дворе, обрезала увядшие хризантемы… Хотя нет, это произошло раньше, до дождя.

— Дождь, — напомнил инспектор, — начался в шестнадцать часов десять минут.

— Правда? Это облегчает дело. Тогда я поднялась на чердак и подставила тазик туда, где у нас обычно капает с крыши. На этот раз текло так сильно, что я поняла: водосток опять забит. Я спустилась, надела плащ и резиновые сапоги. Я позвала Эдмунда, но он не ответил, и я решила, что он работает над очередным сложным эпизодом своего романа и не стоит его беспокоить. Лучше самой все сделать, я ведь раньше прекрасно и сама справлялась. Ничего сложного тут нет, нужно только взять ручку от метлы и привязать ее к такой длинной штуке, которой поднимают фрамуги.

— Вы, вероятно, собирались прочистить водосток? уточнил Креддок, видя замешательство своего подчиненного.

— Да, он весь был забит листьями. Мне пришлось порядком повозиться, я насквозь промокла, но в конце концов добилась своего. Потом пошла домой, переоделась и помылась. Они так

“благоухают”, эти опавшие листья! Затем я отправилась на кухню и поставила чайник. Кухонные часы показывали шесть пятнадцать.

Констебль Эдварде нервно моргнул.

— А это значит, — торжествующе закончила миссис Светтенхэм, — что на самом деле было ровно без двадцати пять. Или примерно столько.

— Кто-нибудь видел, как вы прочищали водосток? спросил Креддок.

— Ну, естественно, нет! — воскликнула миссис Светтенхэм. — А то бы я их живенько привлекла. Одной ведь ужасно трудно!

— То есть, по вашим словам, выходит, что, когда начался дождь, вы вышли в плаще и сапогах на улицу и занялись чисткой водостока, но подтвердить ваши показания некому?

— Можете осмотреть водосток, — нашлась миссис Светтенхэм. — Он такой чистенький, просто прелесть!

— Мистер Светтенхэм, вы слышали, как ваша мать звала вас?

— Нет, — сказал Эдмунд. — Я спал без задних ног.

— Эдмунд, — укоризненно сказала мать, — а я-то думала, ты работаешь…

Инспектор Креддок повернулся к миссис Истер-

брук:

— Ну, а вы, миссис Истербрук?

— Я сидела с Арчи в его кабинете, — сказала миссис Истербрук, устремив на Креддока невинный взгляд. — Мы слушали радио, да, Арчи?

Последовала пауза. Полковник Истербрук густо покраснел и взял жену за руку.

— Ты не понимаешь, котеночек, — сказал он. — Я… ну, я должен сказать, инспектор, что вы нас совсем не подготовили. Она нервничает, взвинчена и не осознает всей важности…

— Арчи! — с упреком вскричала миссис Истербрук. — Неужели ты хочешь сказать, что тебя со мной не было?

— Но ведь меня и правда не было, дорогая! Нужно строго следовать фактам. Это крайне важно. Я беседовал с Лэмпсоном, фермером из Крофт-Энда, о сетке для цыплят. Было что-то без пятнадцати четыре. Домой я пришел, только когда дождь уже кончился. Лаура жарила лепешки.

— А вас тоже не было дома, миссис Истербрук?

Хорошенькое личико сильнее, чем когда бы то ни было, напоминало мордочку ласки. Миссис Истербрук явно приперли к стенке.

— Нет-нет, я как раз слушала радио и никуда не выходила. Я выходила раньше. Около… около

половины третьего. Пошла прогуляться. Неподалеку.

Казалось, она ждет дальнейших расспросов, но Креддок удовлетворенно кивнул.

— Достаточно, миссис Истербрук.

Потом обратился ко всем присутствующим:

— Показания будут отпечатаны на машинке. Вы сможете прочитать их и, если сочтете, что все верно, подписать.

Миссис Истербрук взглянула на него с неожиданной злобой.

— А почему вы других не допрашиваете? К примеру, Хаймс? Или Эдмунда Светтенхэма? Откуда вы знаете, что он спал? Никто его не видел.

Инспектор Креддок спокойно ответил:

— Перед смертью мисс Мергатройд сделала важное заявление. В тот момент, когда Шерц ворвался в дом, одного человека в комнате не оказалось, хотя он, по идее, должен был находиться там все время. Мисс Мергатройд назвала своей подруге имена людей, которых она видела. Путем исключения она пришла к выводу, что был некто, кого она не видела.

— Но никто не мог ничего увидеть, — сказала Джулия.

— Мергатройд могла, — неожиданно подала

голос мисс Хинчклифф. — Она стояла за дверью, там, где сейчас стоит инспектор. И была единственной, кого свет не слепил и кто мог видеть происходящее.

— Ага! Вы в это уверена? — заявила Мици. Она появилась весьма эффектно — распахнув дверь с такой силой, что чуть не сбила с ног Креддока. Она была чрезвычайно возбуждена.

— Так вы не приглашать Мици приходить вместе с другие, да, деревянный полицейский? Конечно, я просто Мици! Мици для кухня! Она должен сидеть на кухня, там ее место. Но я скажу: Мици, как остальные, а может, даже лучше все видит. Да, я немного видеть. И немного видеть в день налета. Немного видеть, но не поверить и до теперь держать язык… как это… за зубы. Я думать, я не буду говорить, что видеть. Пока не буду. Я буду ждать.

— А когда все успокоится, попросишь кое у кого подкинуть тебе деньжат? — ухмыльнулся Креддок.

Мици накинулась на него, как разъяренная кошка.

— А почему нет? Почему мне нельзя платить, если я великодушно молчать? Особенно если когда-то будут деньги… много, много деньги.

О! Я кое-что слышать и знаю, что есть вокруг. Я знаю эти Пип Эммары… это тайное общество, агент который, — Мици картинно указала на Джулию, — являться она. Да, я хотела подождать и просить деньги… Но сейчас боюсь. Лучше быть в безопасность. Потому что, может, скоро кто-то убьет и меня. Поэтому я скажу, что знаю.

— Прекрасно! — скептически отозвался инспектор. — Итак, что же ты знаешь?

— Я, скажу, — торжественно продолжила Мици. — Тот вечер я не сижу в чулан и очищаю серебро, как говорить. Я в столовой, когда услышать, как ружье стреляет. Смотрю дырка для замок. Холл черный, но ружье опять стреляет, и фонарь падает, он все светит, когда падает, и я вижу ее! Я вижу ее близко с налетчик. У нее в руке ружье. Я вижу мисс Блеклок!

— Меня? — Мисс Блеклок даже привстала от удивления. — Ты с ума сошла!

— Вздор! — вскричал Эдмунд. — Мици не могла увидеть мисс Блеклок…

— Ах, вот как, мистер Светтенхэм? — язвительно прервал его Креддок. — Почему же? Уж не потому ли, что не мисс Блеклок, а вы собственной персоной стояли там с пистолетом, а?

— Я? Конечно нет… Что за чертовщина?!

— Вы взяли пистолет полковника Истербрука. Затеяли всю эту бодягу с Руди Шерцем. Под видом шутки. Вслед за Патриком Симмонсом вы отправились в глубь гостиной, а когда свет погас, выскользнули через ту самую дверь, петли которой вы смазали заранее. Вы выстрелили в мисс Блеклок, а после убили Руди Шерца. Через несколько минут вы уже снова стояли в гостиной, щелкая зажигалкой.

На мгновение Эдмунд, казалось, утратил дар речи, потом забрызгал слюной:

— Ваша идея чудовищна! Почему именно я? Зачем, черт побери, мне бы это понадобилось?

— Помните завещание? Если мисс Блеклок умрет раньше миссис Гедлер, наследство получают двое. Небезызвестная парочка! Пит и Эмма. Джулия Симмонс оказалась Эммой…

— И вы решили, что я — Пил? — рассмеялся Эдмунд. — Фантастика! Просто фантастика! Единственное, что у нас может быть общего с Пипом, так это возраст. И я докажу вам, мудрейший наш полицейский, что я — Эдмунд Светтенхэм. У меня есть свидетельство о рождении, об окончании школы, университета, есть все необходимые документы!

— Он не Пип, — раздался голос из темного угла,

Филлипа Хаймс выступила вперед, лицо ее было ужасно бледным. — Пип — это я, инспектор.

— Вы???

— Да. Все почему-то решили, что Пип — мальчик. Джулия, естественно, знала, что ее двойняшка — сестра, но почему-то никому не сказала.

— Из чувства семейной солидарности, — подала голос Джулия. — Я вдруг поняла, кто ты такая. Раньше я не догадывалась.

— У меня были те же намерения, что и у Джулии, — сказала Филлипа слегка дрожащим голосом. — После того, как я… потеряла мужа, я задумалась о будущем. Моя мать давно умерла. Я выяснила, где живет мисс Блеклок, и… и приехала сюда. Нанялась на работу к миссис Лукас. Я надеялась, что, поскольку мисс Блеклок пожилая женщина, у которой нет родственников, она не откажет мне в помощи. Не мне — я в состоянии прокормить себя. Поможет Гарри получить образование. В конце концов, деньги ведь принадлежали Гедлерам, а у мисс Блеклок нет своей родни, так что ей не на кого их тратить. А потом, — Филлипа старалась говорить быстрее, как бы понукая себя, но слова все равно застревали у нее в горле, хотя ей хотелось выговориться, — потом… после тарарама, устроенного

Шерцем, я испугалась. Ведь все выглядело так, будто я единственная, у кого имелись причины убить мисс Блеклок. Я же понятия не имела, кто такая Джулия, мы с ней совсем не похожи. Мне казалось, что подозрение может пасть только на меня.

Она остановилась, отбросила упавшую на щеку прядь волос, и внезапно Креддок понял, что размытый снимок, лежавший в коробке с письмами, был фотографией матери Филлипы. Сходство было поразительным! А еще он понял наконец, кого напомнил ему штрих из письма, — о том, что Соня похожа на кошку, выпускающую когти. Именно эту ленивую кошачью грацию он увидел сейчас у Филлипы.

— Мисс Блеклок была ко мне очень добра. Очень, очень добра! У меня и в мыслях не было… ну… избавиться от нее. Но все равно Пип — это я. — Филлипа помолчала и добавила:

— Так что не надо больше подозревать Эдмунда.

— Не надо? — переспросил Креддок. В голосе его снова зазвучали язвительные нотки. — Эдмунд Светтенхэм — юноша, обожающий деньги. И наверное, он не прочь заполучить богатую невесту. Но она не разбогатеет, если миссис Гедлер умрет

раньше мисс Блеклок. А поскольку миссис Гедлер почти наверняка умрет раньше мисс Блеклок, ему надо что-то предпринять, не так ли, мистер Светтенхэм?

— Гнусная ложь! — воскликнул Эдмунд. И вдруг послышался истошный крик. Он несся из кухни. Протяжный, почти звериный крик ужаса…

— Господи, но ведь это не Мици?! — вскричала Джулия.

— Нет, — сказал Креддок. — Это кричит человек, на совести которого три убийства.

Глава 22
Правда

Когда инспектор набросился на Эдмунда Светтенхэма, Мици тихонько улизнула из комнаты в кухню. Не успела она налить в раковину воды, как появилась мисс Блеклок.

Мици украдкой бросила на нее пристыженный взгляд.

— Какая же ты лгунья, Мици! — ласково пожурила ее мисс Блеклок. — И вообще, разве… разве так моют посуду? Сначала помой серебро, да налей полную раковину. Как можно мыть, если у тебя совсем нет воды?

Мици послушно открутила краны.

— Вы не сердиться, что я сказать, мисс Блеклок? — спросила она.

— Если б я сердилась на все твои выдумки, мне пришлось бы беситься с утра до ночи, — ответила мисс Блеклок.

— И я иду сейчас к инспектор и говорю, я все выдумать? — спросила Мици.

— Он и без тебя уже в курсе, — любезно откликнулась мисс Блеклок.

Мици закрутила кран, и тут же сильные руки схватили ее за волосы и одним рывком сунули под воду.

— Только я знаю, что ты раз в жизни сказала-таки правду, — злобно прошипела мисс Блеклок.

Мици отбивалась, пытаясь вырваться, но мисс Блеклок оказалась на удивление сильной…

И вдруг совсем рядом раздался жалобный голос Доры Баннер: “О Лотти, Лотти… не надо… Лотти!”

Мисс Блеклок вскрикнула. Руки ее взлетели вверх, и Мици, задыхаясь и отплевываясь, вытащила голову из раковины.

А мисс Блеклок снова закричала, завывающим долгим криком, потому что на кухне никого не было…

— Дора, Дора, прости меня! Я должна была… я должна была это сделать…

Не разбирая дороги, она кинулась в посудомоечную, но путь ей преградил сержант Флетчер, а из шкафчика для веников вышла раскрасневшаяся, торжествующая мисс Марпл.

— Я всегда хорошо умела подражать чужим голосам, — сказала она.

— Мадам, вам придется пройти со мной, — заявил сержант Флетчер. — Я свидетель того, как вы пытались убить эту девушку. Вам будут предъяв-

лены и другие обвинения. Должен предупредить. Летиция Блеклок…

— Шарлотта Блеклок, — поправила его мисс Марпл. — Шарлотта Блеклок, вот кто она такая. И под жемчужным ожерельем, которое она носит не снимая — шрам от операции.

— От операции?

— Да. Остался после удаления зоба…

Притихшая мисс Блеклок посмотрела на мисс Марпл.

— Стало быть, вы обо всем знаете?

— Да, с некоторых пор.

Шарлотта Блеклок села к столу и заплакала.

— Зря вы это сделали, — бормотала она, всхлипывая. — Зачем вы заговорили Дориным голосом… Я любила Дору. Я действительно любила Дору.

Инспектор Креддок и все остальные столпились в дверях. Констебль Эдварде, обладавший, помимо прочих достоинств, умением оказать первую помощь пострадавшему, делал Мици искусственное дыхание. Едва Мици смогла говорить, она принялась превозносить себя до небес:

— Я все хорошо делать, да? Я умная! И смелая! О, очень смелая! Меня совсем немного — и убивать. Но я так смелая, что рискую все.

Внезапно из толпы вырвалась мисс Хинчклифф. Она набросилась на рыдающую Шарлотту Блеклок. Сержант Флетчер с трудом ее оттащил.

— Что вы, — пытался он урезонить мисс Хинчклифф, что вы… не надо…

— Пустите меня! — прорычала сквозь зубы Хинч. — Я все равно с ней расправлюсь. Это она убила Эми Мергатройд.

Шарлотта Блеклок подняла на нее глаза и всхлипнула:

— Я не хотела ее убивать. Я никого не хотела убивать… так получалось… Но жаль мне только Дору, после Дориной смерти я осталась совсем одна… с тех пор как она умерла, я одна… О Дора, Дора…

Она закрыла лицо руками и вновь зарыдала.

Глава 23
Вечер у викария

Мисс Марпл сидела в высоком кресле, Банч — на полу напротив камина, обхватив руками колени.

Преподобный Джулиан Хармон подался вперед и теперь был больше похож на школьника, чем на умудренного и много повидавшего на своем веку человека. Инспектор Креддок курил сигару, потягивая виски с содовой, и чувствовал себя вольготно. Несколько в стороне от них сидели Джулия, Патрик, Эдмунд и Филлипа.

— Я считаю, что это ваша история, мисс Марпл, сказал Креддок.

— О нет, мой мальчик. Я просто чуть-чуть помогла вам. А вы были в курсе всех событий, вели дело и знаете куда больше меня.

— Ладно, рассказывайте вдвоем, — нетерпеливо перебила ее Банч. — Каждый по кусочку. Только пусть начинает тетя Джейн, потому что мне нравится, как образно она все рассказывает. Когда вы в первый раз заподозрили Блеклок?

— Ну, Банч, милочка, трудно сказать опреде-

ленно. Конечно, поначалу мне показалось, что самый подходящий человек для этого, то есть для организации этого дурацкого налета, мисс Блеклок. Было известно, что она единственная, кто общался с Руди Шерцем. Да и потом, устроить такую штуку в собственном доме проще простого. Возьмем, к примеру, вдруг включенное центральное отопление. Потому что камин зажигать было нельзя: от него был бы свет в комнате. Но никто, кроме хозяйки дома, не может отдать приказ не разжигать камин. Не хочу сказать, что я все время об этом думала… однако я порой жалела, что все обстоит не так просто. Впрочем, я, как и остальные, была введена в заблуждение и считаю, что кто-то хочет убить Летицию Блеклок.

— Наверно, лучше сразу уточнить, что же произошло на самом деле, — сказала Банч. — Швейцарец узнал ее?

— Да. Он работал в…

Мисс Марпл в нерешительности взглянула на Креддока.

— В клинике доктора Адольфа Коха в Берне, — сказал Креддок. — Кох был всемирно известным хирургом. Шарлотта Блеклок легла в его клинику на операцию, а Руди Шерц работал там санитаром. Приехав в Англию, он увидел в гостинице

даму, бывшую пациентку, узнал ее и при случае заговорил с ней. Дай он себе труд задуматься, он бы наверняка не подошел к ней, ведь Руди уволился из клиники, когда над его головой собирались тучи; впрочем, это произошло спустя некоторое время после того как Шарлотта выписалась, и она этого могла не знать.

— Так он не говорил ей ни о Монтре, ни об отце, владельце гостиницы?

— О нет, она все выдумала. Иначе как объяснить всем окружающим, почему он с ней заговорил? — задумчиво протянула мисс Марпл. — Она чувствовала себя в относительной безопасности, и вдруг — на тебе, так не повезло! Она встречает того, кто знал ее не как одну из двух мисс Блеклок (к этому она была готова), а именно как Шарлотту Блеклок, больную, у которой был удален зоб.

— Но вы хотели услышать все с самого начала. Итак, началом этой истории я считаю, — с вашего позволения, инспектор, — тот самый момент, когда у Шарлотты Блеклок, хорошенькой, легкомысленной и ласковой девочки, стала увеличиваться щитовидная железа, именуемая в народе зобом. Это разбило ее жизнь, она ведь была очень ранимой девочкой. И болезненно относилась к своей внешности. Многие девочки

этим страдают, особенно в подростковом возрасте. Если б жива была ее мать или если б отцу Господь дал больше разума, она не оказалась бы, наверное, в столь ужасном состоянии. Но никто не пытался отвлечь ее от грустных мыслей, не побуждал к общению с людьми, не пытался помочь вести нормальный образ жизни и не думать о своем уродстве. И конечно, если б она росла в другой семье, ей бы сделали операцию гораздо раньше.

Однако доктор Блеклок был мракобесом, человеком ограниченным и упрямым. Он не верил в такие операции. И видимо, убедил Шарлотту, что ей ничто не поможет, кроме йода и прочих лекарств. Шарлотта же безоговорочно верила ему; думаю, и ее сестра чересчур доверяла медицинским познаниям своего папаши.

Шарлотта любила отца, как любят, покорные люди. Отцу, считала она, видней, что для дочери лучше. А зоб продолжал расти, становился все безобразней, и она постепенно замыкалась в себе, теряла связь с людьми. Хотя вообще-то она была очень добрым, привязчивым созданием.

— Весьма подходящая характеристика убийцы, хмыкнул Эдмунд.

— Отнюдь, — возразила мисс Марпл. — Слабые

и добрые люди часто оказываются способными на предательство. А если они к тому же еще и в обиде на жизнь, это делает их черствыми и жестокими. Летиция Блеклок была, конечно, полной противоположностью Шарлотте. Белль Гедлер отзывалась о ней очень хорошо, и, я полагаю, Летиция этого заслуживала. Она была удивительно цельной натурой, искренне не понимавшей, — по ее собственному признанию, — как можно не распознать, что честно, а что — нет. Как бы ее ни искушали, Летиция Блеклок и в мыслях не могла допустить бы мошенничества… Она преданно любила сестру. Чтобы Шарлотта не теряла связи с миром, Летиция писала ей длинные письма, подробно рассказывая обо всем мало-мальски интересном. Ее очень беспокоило душевное состояние сестры. И вот доктор Блеклок умирает. Летиция без колебании бросает работу у Рэнделла Гедлера и посвящает себя Шарлотте. Она повезла ее в Швейцарию, чтобы проконсультироваться у тамошних специалистов насчет операции. Болезнь оказалась очень запущенной, но, как мы знаем, операция прошла успешно. Зоб удалили, а шрам легко маскировался жемчужным ожерельем или другими бусами.

Разразилась война. Вернуться в Англию не

представлялось возможным, и сестры остались в Швейцарии, работали в Красном Кресте и других организациях. Время от времени до них доходили новости из Англии… очевидно, дошел и слух о том, что Белль Гедлер долго не проживет. Уверена, что любой на их месте начал бы строить планы и мечтать о тех временах, когда они получат огромное состояние. Думаю, вам всем понятно, что это было куда важнее для Шарлотты, чем для Летиции. Впервые в жизни Шарлотта чувствовала себя нормальной женщиной, на которую смотрят без отвращения или жалости. Наконец-то она вздохнула свободно… А ведь впереди у нее — целая жизнь, и оставшиеся годы будет чем заполнить! Она сможет путешествовать, купит дом и прекрасное поместье… будет иметь наряды и украшения, ходить в театры, на концерты; любая ее прихоть теперь может быть исполнена… Она грезила наяву.

И вдруг Летиция, сильная, здоровая Летиция, подхватывает простуду, перешедшую в воспаление легких, и через неделю умирает. Шарлотта потеряла не только сестру, рухнули все ее планы на будущее. Знаете, я думаю, она даже негодовала на Летицию: и чего это она умерла именно сейчас, когда они получили известие о том, что

Белль Гедлер долго не протянет?! Еще бы только месяц, и все деньги перешли бы к Блеклокам, а тогда могла бы и умирать…

В этом-то и проявилась разница между сестрами. Видимо, Шарлотта попросту не понимала, что, выдавая себя за сестру, поступает дурно, искренне не понимала. Ведь деньги должны были перейти к Летиции, — и перешли бы в ближайшем будущем! — а она рассматривала Летицию и себя как единое целое.

Наверное, мысль о подмене не приходила ей в голову, пока врач не спросил точного имени ее сестры. Тут она вдруг осознала, что почти все вокруг воспринимают их как “двух мисс Блеклок”, немолодых, хорошо воспитанных англичанок, одинаково одевавшихся и очень похожих внешне. (А я уже обращала внимание Банч на то, что все пожилые женщины удивительно похожи.) Почему бы в таком случае Шарлотте не умереть, а Летиции не остаться в живых?

Вряд ли это был продуманный план, скорее — мгновенный порыв. Но тем не менее Летицию похоронили под именем Шарлотты. “Шарлотта” умерла, “Летиция” вернулась в Англию, где и раскрылась ее природная предприимчивость, дремавшая столько лет. Шарлотта всегда играла

вторую скрипку. Теперь же она научилась командовать, в ней проявились организаторские способности, какие были у ее умершей сестры. По складу ума сестры вообще были очень схожи, а вот в нравственном плане, — видимо, полной противоположностью.

Шарлотте, разумеется, пришлось принять меры предосторожности. Она купила дом в совершенно незнакомой местности. Впрочем, ей следовало избегать только камберлендских знакомых (хотя и там она жила уединенно), ну, и, естественно, Белль Гедлер, которая слишком хорошо знала Летицию. Обмануть ее было бы невозможно. Изменившийся вдруг почерк Шарлотта объяснила артритом. И все шло как но маслу.

— А если бы она встретила знакомых Летти? спросила Банч. — У той же было полно знакомых!

— Это другое дело. Они бы потом говорили: “Я туг наткнулся на Летицию Блеклок. Она так изменилась, что я ее с трудом узнал”. Но подозрений у них бы не возникло. За десять лет люди меняются. То, что она их не узнала, списали бы на ее близорукость, да и потом, она же была в курсе мельчайших подробностей лондонской жизни Летиции, знала, с кем сестра там встречалась,

куда ходила. Шарлотте стоило просмотреть письма, и она живо устранила бы любое подозрение, упомянув про какой-нибудь случай или спросив об общем знакомом. Нет, единственное, чего ей следовало опасаться, — это того, что ее узнают как Шарлотту.

Она поселилась в Литтл-Педдоксе, познакомилась с соседями, а получив письмо с просьбой к дорогой Летиции “оказать гостеприимство” и прочее и прочее, с удовольствием согласилась приютить Джулию и Патрика, которых никогда в жизни не видела. Они воспринимали ее как тетю Летти и тем самым как бы гарантировали ее безопасность.

Все шло превосходно. И вдруг… Она совершает непоправимую ошибку. Ошибка эта была вызвана исключительно ее добросердечием и привязчивым характером. Она получила письмо от старой школьной подруги, влачившей жалкое существование, и поспешила на выручку. Возможно, ее подтолкнуло чувство одиночества. Тайна отдалила ее от людей. Кроме того, она искренне любила Дору Баннер, та была для нее олицетворением радостных и беззаботных школьных лет. Повинуясь мгновенному порыву, Шарлотта ответила на Дорино письмо. Представ-

ляю, как изумилась Дора! Она писала Летиции, а отвечает Шарлотта. Притворяться перед Дорой Шарлотте и в голову не пришло. Дора была одной из немногих школьных подруг, которым позволялось навещать Шарлотту в годы ее одиночества и несчастья.

Она знала, что Дора будет на ее стороне, и рассказала ей о своем обмане. Дора поддержала подругу от всей души. В ее затуманенном мозгу царила страшная путаница, и ей казалось совершенно правильным, что дорогая Лотти не лишится наследства из-за безвременной кончины Летти. За свои безмолвные страдания, которые она переносила так мужественно, Лотти заслуживала награду. И было бы очень несправедливо, если бы деньги перешли к каким-то самозванцам.

Дора прекрасно понимала, что обман не должен раскрыться. Получить благодаря рассеянности продавца лишний фунт масла очень приятно, считала она, хотя, конечно, знакомым об этом рассказывать не стоит. Вот таким образом Дора и приехала в Литтл-Педдокс. Но очень скоро Шарлотта поняла, что совершила ужасную ошибку. Нет, дело было вовсе не в том, что жизнь с рассеянной, все на свете путавшей неумехой

превратилась для Шарлотты в сумасшедший дом. С этим она еще могла бы примириться, ведь Шарлотта действительно любила Дору. Но вскоре подруга стала представлять для нее опасность. Шарлотта и Летиция всегда звали друг друга полными именами, но Дора признавала только уменьшительные. Она всегда звала сестер Летти и Лотти. И хотя она очень старалась привыкнуть называть Шарлотту “Летти”, старое имя частенько срывалось у нее с языка. Дора могла проболтаться о прошлом, и Шарлотте приходилось все время быть начеку. Это начинало действовать ей на нервы.

Однако на оговорки Доры никто не обращал особого внимания. Настоящая опасность нависла над Шарлоттой, когда в “Ройял Спа” ее встретил Руди Шерц, узнал и заговорил.

Я думаю, это Шарлотта Блеклок давала Руди Шерцу деньги для покрытия недостач. Но ни инспектор Креддок, ни я не думали, что Руди Шерц замышлял шантаж.

— Он и понятия не имел, чем ее можно шантажировать, — подтвердил инспектор Креддок. — Шерц знал, что он недурен собой, и уже успел удостовериться в том, что обаятельному молодому человеку не так уж сложно вытягивать

деньги из пожилых дам, надо только убедительно рассказать им какую-нибудь душещипательную историю.

Но она видела все в ином свете. Вероятно, Шарлотта решила, что Руди просто изощренно ее шантажирует, и боялась, что, когда после смерти Белль Гедлер наследственные дела получат широкую огласку, швейцарец возомнит, будто напал на золотую жилу.

А она уже завязла в обмане по уши. Все считали ее Летицией Блеклок: и банкиры, и миссис Гедлер. Так хорошо все шло, и вот надо же — появляется мерзкий швейцарец, какой-то гостиничный клерк, личность в высшей мере сомнительная, ненадежная и к тому же, вероятно, шантажист! Надо только убрать ею с дороги, и все опять пойдет как по маслу…

Вначале Шарлотта, наверное, просто фантазировала, обуреваемая жаждой острых ощущений, которыми не баловала ее судьба. Просто так, развлечения ради, она принялась думать, как бы избавиться от Шерца. И в конце концов придумала. Шарлотта решила осуществить свой план. Она предложила Руди Шерцу сыграть роль “гангстера”, объяснив, что это может сделать только незнакомый ее соседям мужчина. И конечно,

пообещала ему щедрую награду.

Шерц согласился, не заподозрив ничего дурного. Я полагаю, это подтверждает мою гипотезу: ему и в голову не приходило, что Шарлотта его опасается. Он считал ее чудаковатой старушенцией, которой, по-видимому, некуда девать деньги.

Шарлотта поручила Руди поместить объявление в газете, велела ему нанести ей визит, чтобы разузнать планировку дома, и показала, где она его встретит в назначенный вечер. Дору Баннер она в свои планы посвящать не стала.

И вот день настал…

Креддок сделал паузу. Мисс Марпл тут же продолжила:

— Думаю, она чувствовала себя ужасно. Еще не поздно было отступить… Дора Баннер говорила нам, что Летти чего-то боялась. А Шарлотта и в самом деле боялась. И своего замысла, и того, что план не удастся… Но все же боялась не настолько, чтобы пойти на попятную.

Наверно, ей все это было даже занятно проделывать: добывать пистолет у полковника Истербрука, — просто-напросто, прихватив с собой корзинку яиц или джем, проскользнуть в пустой дом. Потом смазывать петли второй двери в гостиной, чтобы она открывалась и за-

крывалась бесшумно. Потом вроде бы ненарочно предложить отодвинуть стол от двери, якобы для того, чтобы цветы, собранные Филлипой, лучше смотрелись. Все это еще можно было воспринимать как игру… Но то, что ей предстояло совершить после, совсем на игру не походило. Да, ей было чего бояться. Дора Баннер была права.

— И все же Шарлотта довела дело до конца, — сказал Креддок. — Все шло точно по плану. Едва пробило шесть, она отправилась “закрыть уток”, впустила Шерца, дала ему маску, плащ, перчатки и фонарь. Когда часы начинают бить половину седьмого, она уже у стола возле прохода под аркой, тянется за сигаретами. Все так естественно! Патрик, играя роль хозяина, пошел за напитками. Шарлотта — хозяйка, она угощает всех сигаретами. Она правильно рассчитала, что, когда часы начнут бить, это привлечет всеобщее внимание. Так и случилось. Только Дора, преданная Дора не отрывала глаз от подруги. И она сразу же заявила следствию, что мисс Блеклок подняла вазочку с фиалками.

Шарлотта заранее надрезала и растрепала кусок шнура лампы, почти оголив провод. Остальное заняло считанные доли секунды. Сигаретница, ваза и кнопка выключателя находились

рядом. Она подняла фиалки, плеснула воды на оголенный провод и включила лампу. Вода хорошо проводит электричество. Произошло короткое замыкание.

— Совсем как тогда у нас, — сказала Банч. — Вы этому тогда так поразились, тетя Джейн?

— Да, милочка. Я ведь никак не могла догадаться, почему погас свет. А потом поняла, что было две лампы, и их поменяли местами… возможно, той же ночью.

— Верно, — сказал Креддок. — Когда на следующее утро Флетчер осматривал лампу, она, как и остальные, была в полном порядке, ни тебе обтрепанного шнура, ни сожженных проводов.

— Я поняла, что Дора Баннер имела в виду лампу, когда говорила, что накануне в гостиной стояла “пастушка”, — сказала мисс Марпл, — но не придала этому значения, приняв на веру утверждение Доры, будто это шутка Патрика. Доре нельзя было верить, когда она рассказывала о том, что слышала: она всегда все преувеличивала или искажала, все вечно путала. Но зато она умела абсолютно точно, описать увиденное собственными глазами. Любопытно, правда? А она видела, как Летиция подняла вазочку с фиалками…

— Это то, что она определила как “вспыхнуло и затрещало”, — заметил Креддок.

— И конечно, когда дорогая моя Банч пролила воду из вазы с рождественскими розами на провод лампы, я сразу догадалась, что только сама мисс Блеклок могла устроить короткое замыкание, ведь, кроме нее, возле того стола никто не стоял.

— Не могу себя простить! — воскликнул Креддок. — Ведь Дора Баннер лепетала про подпалину на столе, дескать, кто-то положил туда сигарету… Но закурить-то никто не успел!.. И фиалки завяли потому, что в вазе не было воды; тут Летиция допустила промашку, ей следовало бы налить воду. Но, наверно, она подумала, что этого никто не заметит, и, действительно, мисс Баннер охотно поверила, что с самого начала забыла налить в вазу воды… Мисс Баннер можно было внушить все что угодно. И мисс Блеклок неоднократно пользовалась этим. Я полагаю, именно она внушила Банни подозрения в отношении Патрика.

— Но зачем же на мне отыгрываться? — горестно возопил Патрик.

— Вряд ли она хотела причинить вам неприятное! и, просто ей нужно было отвлечь Банни от своей персоны, объяснил Креддок. — Ну, а

дальнейшее нам известно. Едва погас свет и все начали кричать, мисс Блеклок выскользнула в дверь и подошла сзади к Руда Шерпу, который шарил фонарем по комнате, с азартом играя свою роль. Он и не подозревал, что она находится у него за спиной — сзади в садовых перчатках и с пистолетом. Мисс Блеклок подождала, пока фонарь высветил ту стену, возле которой она якобы стояла в тот момент, прицелилась и дважды выстрелила, а когда Шерц испуганно обернулся, поднесла к ею голове пистолет и выстрелила еще раз. Бросив пистолет возле трупа, она кинула перчатки на столик в холле и поторопилась вернуться на прежнее место. И еще она предусмотрительно поранила себе ухо… точно не знаю чем…

— Наверно, маникюрными ножницами, — предположила мисс Марпл. — На мочке уха от малейшего пореза начинается сильное кровотечение. Это был тонкий психологический ход. Кровь, струящаяся по белой блузке, служила бесспорным доказательством того, что стреляли именно в мисс Блеклок и промахнулись лишь чудом.

— Все вроде бы должно было обойтись, — сказал Креддок. — Уверения Доры Баннер, что Руди

Шерц хотел убить Летти, сыграли свою роль. Сама того не подозревая, Дора Баннер убедила всех, что собственными глазами видела, как ранили ее подругу. То, что произошло с Шерцем, очень походило на самоубийство или несчастный случай. И дело едва не закрыли. А не закрыли его только благодаря вам, мисс Марпл.

— О нет, нет! — решительно возразила мисс Марпл. — Я лишь чуточку помогла вам. Но основная заслуга ваша, мистер Креддок. Это вы не хотели прекращать следствие.

— Мне было не по себе, — сказал Креддок. — Я чувствовал: что-то здесь неладно. Но никак не мог понять, что именно, пока вы мне не подсказали. И кроме того, мисс Блеклок просто не повезло: схватившись не за ту ручку, я совершенно случайно обратил внимание на вторую дверь. До того наши догадки оставались гипотезой. Но смазанные дверные петли уже улика…

— Я считаю, что вас вело Провидение, инспектор, — сказала мисс Марпл. — Правда, у меня, наверное, устаревшие представления о жизни.

— И охота началась сызнова, — продолжал Креддок, — но теперь мы выясняли, у кого есть причины желать смерти мисс Блеклок.

— А кое у кого они действительно имелись,

и мисс Блеклок было это известно, — заметила мисс Марпл. — Думаю, она почти сразу узнала Филлипу. Похоже, что Соня Геллер была одна из немногих, кому дозволялось нарушать уединение Шарлотты. А в старости (вам это пока неведомо, мистер Креддок) гораздо лучше помнятся лица тех, кого знал в молодости, чем лица людей, с которыми встречался пару лет назад. Шарлотта помнила Соню примерно в том же возрасте, в каком сейчас Филлипа, а Филлипа очень похожа на свою мать. Как ни странно, узнав Филлипу, Шарлотта очень обрадовалась. Она привязалась к девушке; может быть, просто неосознанно пыталась заглушить угрызения совести, которые, наверно, все-таки у нее были. Шарлотта убеждала себя, что, получив наследство, она будет заботиться о Филлипе, заменит ей мать. И они заживут все вместе: она, Филлипа и Гарри. Думая так, Шарлотта заранее чувствовала себя благодетельницей и была счастлива. Но тут инспектор начал выяснять про Пипа и Эмму, и Шарлотта стала нервничать. Она не хотела, чтобы в конечном итоге пострадала Филлипа. Ей хотелось, чтобы все ограничилось нападением юного головореза и его “случайной” смертью. Насколько она знала (Шарлотта ведь не догады-

валась, кто такая Джулия), только Филлипа могла бы желать ее смерти. Она приложила все усилия, чтобы Филлипу не опознали, и вовремя сообразила сказать инспектору, что Соня была низкого роста и смуглой; вместе с фотографиями Летиции она вынула из альбома и Сонины снимки, чтобы вы, инспектор, не смогли уловить сходство ее с дочерью.

— Надо же, а я подозревал, что Соня Геллер — это миссис Светтенхэм, — недовольно пробурчал Креддок.

— Бедная моя мамочка! — пробормотал Эдмунд. — Заподозрить женщину со столь безупречной репутацией… По крайней мере, я всю жизнь считал ее безупречной…

— Но, конечно, — кротким голосом продолжила мисс Марпл, — настоящую опасность для Шарлотты представляла только Дора Баннер. Она делалась все более забывчивой и разговорчивой. Помню, каким взглядом мисс Блеклок смотрела на нее, когда мы с Банч пришли к ним на чай. А знаете почему? — Дора опять назвала ее Лотти. Для нас это прозвучало безобидной оговоркой, но Шарлотта испугалась. Так все и шло. Бедная Дора… ей так хотелось поболтать. Когда мы пили кофе в “Синей птице”, у меня возникло странное

ощущение, будто бы Дора говорит не об одном человеке, а сразу о двух. На самом деле так оно и было. То она говорила о подруге, что она дурнушка, но зато сильная личность, и почти сразу же расписывала ее как хорошенькую, веселую девушку. Рассказав об уме и удачливости Летти, Дора вдруг посетовала на то, что у бедняжки была такая грустная жизнь, и процитировала строки “И бремя печалей на сердце легло”. Это совершенно не вязалось с образом Летиции. Очевидно, зайдя утром в кафе, Шарлотта подслушала большую часть Дориных откровений. Наверняка она слышала, как Дора упомянула про подмену лампы дескать, это “пастушок”, а не “пастушка”. И поняла, что ее бедная преданная Дора очень опасна.

Боюсь, наш разговор в кафе окончательно решил Дорину участь, простите за столь мелодраматическое выражение. Но, наверно, этим все равно бы кончилось. Ведь, пока Дора Баннер была жива, Шарлотта не чувствовала себя спокойно. Она любила Дору… и вовсе не хотела ее убивать… но другого выхода она не видела. Возможно, она даже убедила себя (как сестра Эллертон, помнишь, Банч?), что поступает так чуть ли не из милосердия. Ну да. Бедняжка Банни, ей же все

равно осталось жить совсем недолго. К тому же конец может оказаться мучительным… Что самое интересное — Шарлотта всячески старалась сделать последний день Банни как можно счастливее. День рождения, гости, именинный торт…

— “Дивная смерть”, — содрогнулась Филлипа.

— Да-да. Именно… Она пыталась устроить подруге дивную смерть. Гости, любимые кушанья, запрет говорить о неприятных вещах, чтобы не расстраивать Банни. А потом — таблетки. Бог знает, какая гадость была в пузырьке из-под аспирина, который она оставила возле своей кровати, чтобы Банни, не найдя только что купленного ею пузырька, смогла взять из этого. А все решат, что таблетки предназначались для нее самой, рассуждала Шарлотта, и оказалась права…

Вот так Банни и умерла: во сне, совершенно счастливая, и Шарлотта вновь почувствовала себя в безопасности. Но она тосковала по Доре Баннер, по ее любви и верности, ей больше не с кем было поговорить о прошлом… Она горько плакала в тот день, когда я принесла ей записку от Джулиана, и ее горе было искренним. Она убила свою самую близкую подругу…

— Ужасно! — воскликнула Банч. — Ужасно!

— Но очень по-человечески, — сказал Джулиан

Хармон. — Вы забываете, что убийцы — тоже люди.

— Нет, я лично не забываю, — возразила мисс Марпл. — Конечно, они люди. И часто их бывает даже жаль. Но они очень опасны. Особенно убийцы со слабым характером и мягким сердцем, такие как Шарлотта Блеклок. Ведь стоит слабому человеку испытать сильный страх, как он просто теряет от ужаса голову и уже не ведает, что творит.

— Как в случае с Мергатройд? — спросил Джулиан.

— Да, бедняжка Мергатройд. Видимо, Шарлотта подошла к дому как раз в тот момент, когда они разыгрывали сцену убийства. Окно было открыто, Шарлотта прислушалась. До этого ей и в голову не приходило, что кто-то еще может представлять для нее опасность. Но мисс Хинчклифф попыталась заставить Мергатройд вспомнить, и той удалось воссоздать картину нападения… Такой оборот событий был для Шарлотты явно неожиданным… Она-то думала, что в это время все смотрели на Руди Шерца! Шарлотта притаилась под окном и слушала. Вдруг все обойдется? Но когда мисс Хинчклифф собралась ехать на станцию, Мергатройд вдруг вспомнила нечто, что

могло привести к выяснению истины. Она крикнула вслед мисс Хинчклифф: “Там ее не было…”

Я специально просила мисс Хинчклифф припомнить точные слова подруги. Потому что скажи она: “Ее не было там” — смысл утверждения коренным образом изменился бы.

— Для меня это слишком сложно, — покачал головой Креддок.

Мисс Марпл живо к нему обернулась. Ее лицо было розовым от смущения.

— А вы поставьте себя на место мисс Мергатройд. Человек очень многое видит, хотя часто сам того не подозревает. Когда я однажды попала в железнодорожную катастрофу, в память мне запало небольшое вздутие на стенке купе. Я могла бы воспроизвести его очень точно. А однажды мне пришлось пережить воздушный налет на Лондон… помню бомбы… осколки… жуткое потрясение… но ярче всего мне запомнилась какая-то женщина: она стояла передо мной, и у нее была большая дырка на чулке, а сами чулки — разного цвета. Так что когда мисс Мергатройд перестала думать и попыталась просто мысленно воспроизвести, что она видела, она припомнила очень многое.

Наверно, она начала с камина, куда первона-

чально был направлен свет фонарика… потом луч прошелся по окнам, выхватывая из темноты фигуры людей… Вот, например, миссис Хармон, она закрыла лицо руками. Мергатройд мысленно двигается вслед за фонарем дальше, доходит до мисс Баннер, которая стоит с разинутым ртом и выпученными глазами… потом взгляд Мергатройд упирается в пустую стену и стол с лампой и сигаретницей. Звучат выстрелы, и вдруг она вспоминает нечто совершенно невероятное! Она видит стену, возле которой стояла Летиция Блеклок, когда в нее стреляли. Но в тот момент, когда в нее выстрелили, ее там не был о…

Теперь понятно? Мергатройд думала о трех женщинах, на которых ей указала мисс Хинчклифф. Если б одной из них не оказалось на месте, Мергатройд сделала бы ударение на местоимении “ее”. Она бы сказала:

“Этой! Ее там не было”. Но она имела в виду место, где кто-то должен был находиться, а оно пустовало — там никого не было. И Мергатройд не смогла сразу это осознать. “Как странно, Хинч, — сказала она. — Там ее не было…” А следовательно, она имела в виду Летицию Блеклок.

— Но вы поняли это раньше, — сказала Банч, — когда перегорела лампа. Вы еще тогда написали

какие-то слова, да?

— Да, моя милая. Разрозненные фрагменты вдруг соединились в единое целое, все встало на свои места. Банч тихо процитировала:

— “Лампа”… Теперь понятно. “Фиалки”… Тоже. “Пузырек аспирина”… Вы хотели сказать, что Банни собиралась купить новый пузырек, и ей не было нужды брать аспирин Летиции?

— Да, а значит, преступнице необходимо было спрятать ее лекарство. Ведь все должно было выглядеть так, будто намеревались убить Летицию Блеклок!

— Ясно. Что там шло дальше? “Дивная смерть”. Да, это не просто торт. Это вообще весь день рождения. Предсмертный праздник для Банни. Шарлотта обращалась с ней как с собакой, которую собираются убить. По-моему, самое ужасное во всей этой истории то, что она прикидывалась такой вот добренькой.

— Но она в общем-то не была злой. Последние слова, сказанные Шарлоттой на кухне, — и это чистая правда, — “Я не хотела никого убивать…” Да, она просто хотела заполучить кучу денег, которые ей не принадлежали. И перед этим желанием, — ставшим навязчивой идеей будто бы деньги могли вознаградить ее за все страдания

в прошлом, — так вот, перед этим желанием все остальное меркло. Люди, затаившие обиду на весь мир, всегда опасны. Они считают, что их судьба в долгу перед ними. А между тем я знавала многих калек, которые страдали куда больше, чем Шарлотта, и были гораздо несчастней ее, но умудрялись радоваться жизни. Счастье или несчастье — понятия относительные, все зависит от восприятия самого человека. Впрочем, я, кажется, уклонилась от темы. На чем мы остановились?

— Мы вспоминали ваши пометки, — подсказала Банч. — Что вы имели в виду, написав “справлялась”?

— Уж вам-то, инспектор, — мисс Марпл повернулась к Креддоку, — грех было не заметить. Помните, вы показали мне письмо Летиции? Там дважды встречалось “навел справки”. А в записке, которую я попросила Банч показать вам, мисс Блеклок написала “я обо всем справилась”. Люди стареют, но присущие им обороты речи обычно не меняются. Это несоответствие показалось мне весьма существенным.

— Да, — согласился Креддок, — как же я это упустил!

А Банч продолжала:

— “И бремя печалей на сердце легло…” Но это же слова, сказанные Дорой в кафе, она подразумевала недуг Шарлотты, а у Летиции, разумеется, никакого недуга не было и в помине. “Йод” связан с зобом?

— Да, милочка. А в разговорах про Швейцарию мисс Блеклок пыталась создать впечатление, что сестра умерла от чахотки. Но я вспомнила, что в Швейцарии крупнейшие эндокринологи и самые искусные хирурги. А потом это как-то очень увязывалось с нелепым жемчужным ожерельем, которое постоянно носила Летиция Блеклок. Оно ей совершенно не шло — не ее стиль, — но зато помогало скрыть шрам.

— Теперь понятно, почему она так огорчилась, когда порвалась нитка, — сказал Креддок. — В тот момент ее переживания выглядели довольно нелепыми.

— Так, — значит, вы написали “Лотти”, а не Летти, как нам показалось? — спросила Банч.

— Ну да, я вспомнила, что сестру звали Шарлотта и что Дора Баннер несколько раз называла мисс Блеклок Лотти и каждый раз очень расстраивалась.

— А что означают слова “Берн” и “пенсия”?

— Руди Шерц работал санитаром в одной из

бернских больниц.

— А “пенсия”?

— Банч, милая, я же тебе рассказывала тогда в “Синей птице”… Правда, я еще не знала, с чего это вдруг мне вспомнилась эта история… Ну помнишь? Мисс Уозерспун получала пенсию за себя и за миссис Барлетт, а та давным-давно умерла. А стало это возможным потому, что все старухи так похожи друг на друга… Ну вот, так у меня и сложилась картина преступления. Я после всех этих размышлений безумно устала и пошла прогуляться, а заодно и еще раз обдумать, как бы вывести Шарлотту на чистую воду. Тут-то меня и подобрала мисс Хинчклифф, ведь начался ливень… а потом мы нашли мисс Мергатройд…

Голос мисс Марпл потускнел. Куда-то исчезло все ее радостное оживление. Теперь она говорила бесстрастно и сурово:

— Я знала, что нужно действовать, и действовать немедленно. Но ведь доказательств не было! И тут у меня возник план, которым я поделилась с сержантом Флетчером.

— Ну, уж я ему устроил головомойку! — воскликнул Креддок. — Какое право он имел обсуждать что-то с вами, предварительно не Доложив мне?

— Он не хотел, но я его уговорила, — сказала мисс Марпл. — Мы пошли в Литтл-Педдокс, и я начала обрабатывать Мици.

Джулия глубоко вздохнула:

— И как это вам удалось ее уговорить…

— О, мне пришлось потрудиться, моя дорогая, улыбнулась мисс Марпл. — Она ведь привыкла думать только о себе, и ей не помешало бы сделать кое-что и для других. Конечно, я ее всячески хвалила, сказала, что у себя на родине она наверняка участвовала бы в Сопротивлении. Она ответила: “Конечно”. Тогда я стала говорить, что, по-моему, героизм у нее в крови, и при ее смелости она смогла бы отлично сыграть свою роль. Я рассказывала ей про подвиги участниц Сопротивления; некоторые из них — действительный факт, а некоторые, каюсь, выдумка. И Мици страшно воодушевилась!

— Просто замечательно, — ввернул Патрик.

— Ну в общем, мне удалось ее уговорить. Мы долго репетировали, пока она не выучила роль назубок. А потом я попросила ее отправиться к себе и не спускаться до прихода инспектора Креддока. Самый большой недостаток легковозбудимых людей в том, что они нетерпеливы и могут испортить все дело.

— Но Мици прекрасно справилась со своей задачей, — сказала Джулия.

— Я не совсем понимаю, зачем вы это устроили, — сказала Банч.

— Ведь меня там не было… — добавила она извиняющимся тоном.

— Наш замысел был довольно сложным и рискованным. Мици должна была сделать вид, что собиралась шантажировать мисс Блеклок, но перепугалась и решила открыть правду полиции. Что сквозь замочную скважину в столовой она видела, как мисс Блеклок с пистолетом в руках подошла сзади к Руди Шерцу, то есть видела все, как оно было на самом деле. Мы боялись лишь одного: Шарлотта Блеклок могла сообразить, что раз в замке торчал ключ, Мици не могла ничего увидеть. Но я рассчитывала на то, что, когда человек в шоке, ему не до рассуждений. Я надеялась, что Шарлотта поверит.

— А я — и это важный момент, — подхватил Креддок, — притворился, что воспринимаю ее заявление скептически, и тут же перешел в наступление, якобы решив открыть свои карты. Я напал на того, кто раньше вообще был вне подозрений, — на Эдмунда…

— А как здорово я сыграл свою роль! — вос-

кликнул Эдмунд. — Страстно все отрицал. Точно по плану. Только вот мы не учли, что ты, моя драгоценная Филлипа, вдруг что-то залопочешь и поведаешь миру, кто ты такая. Ни инспектору, ни мне даже в голову не приходило, что ты — Пип. Пипом должен был оказаться я! На миг ты выбила нас из колеи, но инспектор ловко парировал удар, сделав пару грязных намеков на мои мечты жениться на богатой невесте; не исключено, что эти намеки станут впоследствии причиной наших раздоров.

— Не понимаю, зачем вам понадобилось ломать комедию?

— Не понимаешь? А ты встань на место Шарлотты Блеклок. Наше поведение говорило ей о том, что подозревал или знал правду всего один человек: Мици! Полиция подозревала других. Пока полицейские думали, что Мици лжет. Но если Мици будет упорствовать, они могут прислушаться к ней и принять ее слова всерьез. А раз так, то надо заставить Мици замолчать!

— Мици вышла из комнаты и отправилась на кухню, — сказала мисс Марпл. — Мисс Блеклок вышла почти сразу же вслед за ней. Она не подозревала, что Мици на кухне не одна. Сержант Флетчер спрятался за дверью в кладовке, а я — в

шкафчике для веников и щеток. Просто счастье, что я не толстая.

Банч посмотрела на мисс Марпл.

— И чего вы ждали, тетя Джейн?

— Одного из двух. Либо Шарлотта предложит Мици денег, чтобы та держала язык за зубами, — и тогда сержант Флетчер это засвидетельствует, — либо… она попытается убить служанку.

— Но не могла же она надеяться, что и на этот раз все сойдет ей с рук! Тут уж ей было бы не отвертеться!

— Ах, милая, она уже ни о чем таком не думала. Так, наверное, ведет себя испуганная крыса, угодившая в ловушку. Ты только представь, сколько событий произошло в тот день. Сцена между мисс Хинчклифф и мисс Мергатройд. Мисс Хинчклифф уезжает на станцию. Как только она вернется, мисс Мергатройд расскажет ей, что Летиции Блеклок не было в тот вечер в комнате. В распоряжении Шарлотты считанные минуты, а надо каким-то образом не позволить мисс Мергатройд открыть правду. Времени на раздумья нет. Единственный выход — убийство… Шарлотта здоровается с бедной женщиной и душит ее. Потом бегом — мчится домой и, переодевшись, усаживается у камина, чтобы к приходу

домашних все выглядело так, будто она никуда не выходила.

Затем — неожиданное разоблачение Джулии. Шарлотта нечаянно рвет ожерелье и страшно пугается: вдруг заметят ее шрам? Чуть позже звонит инспектор и говорит, что приедет с кучей соседей. Ни минуты на то, чтобы подумать, передохнуть… Руки ее уже по локоть в крови, а последнее убийство… его уже никак не назовешь актом милосердия и не успокоишь себя тем, что ты избавляешь мир от молодого проходимца… обыкновенное отвратительно жестокое убийство. Но теперь-то она хоть в безопасности? — Да, пока да. И вот появляется Мици новая угроза. Убить Мици, заткнуть ей рот! Шарлотта обезумела от страха и, окончательно потеряв человеческий облик, превращается в опасного зверя.

— Но зачем вы залезли в шкаф, тетя Джейн? — спросила Банч. — Неужели сержант Флетчер один не мог справиться?

— Так было надежней, дорогая. И потом я знала, что сумею изобразить голос Доры Баннер. Если что и могло остановить Шарлотту Блеклок, так только что.

— Так оно и вышло.

— Да, этого испытания она не вынесла.

Все притихли, погрузившись в печальные воспоминания. Наконец Джулия, чтобы разрядить обстановку, сказала нарочито беззаботным тоном:

— Мици просто не узнать. Вчера сообщила мне, что устраивается в какой-то дом около Саутгемптона. — Джулия начала мастерски пародировать кухаркин акцент:

— “Я идути туда, и если мне говорят, вы должны регистрировать себя полиция, вы иностранец, я им ответ: “Да, я буду регистрировать себя полиция! Полиция… они меня хорошо знают! Я помогаю полиция! Если не я, полиция никогда не арестовала один очень опасный преступник. Я рисковать свою жизнь, потому что я смелый, смелый, как лев… я не боюсь рисковать”. “Мици, — говорят они, — ты героиня, ты прекрасная!” “Ах, пустяк, — говорю я”. — Джулия остановилась. — Ну, и так далее.

— Полагаю, — задумчиво произнес Эдмунд, — скоро выяснится, что Мици помогла полиции не в одном, а в целой сотне дел!

— Она ко мне помягчела, — подала голос Филлипа. — Даже презентовала рецепт “Дивной смерти” в качестве свадебного подарка. Правда, добавила, чтобы я ни в коем случае не открывала

секрета Джулии, потому что Джулия испортила ее омлетную сковородку.

— А миссис Лукас, — сказал Эдмунд, — теперь очень расположена к Филлипе. Ведь после смерти Белль Геллер они с Джулией унаследуют все гедлеровские миллионы. Миссис Лукас подарила нам к свадьбе серебряные щипцы для спаржи. А я доставлю себе превеликое удовольствие, не пригласив ее на торжество.

— А потом они жили долго и счастливо, — процитировал Патрик, — Эдмунд с Филлипой… Ну, а Патрик с Джулией? — нерешительно повернулся он к Джулии.

— Нет, со мной этот номер не пройдет, — сказала та. — Намеки инспектора Креддока — скорее камешки в твой огород, а не в огород Эдмунда. Это ты юноша, мечтающий о богатой невесте. Так что не надейся.

— О, черная неблагодарность! — воскликнул Патрик. — И это после всего, что я для нее сделал.

— Да уж, из-за твоего разгильдяйства меня чуть было не упекли за решетку, — хмыкнула Джулия. — Никогда не забуду тот вечер, когда пришло письмо от твоей сестрицы. Я уж подумала: пиши — пропало. Казалось, выхода нет. Ну,

а теперь, — промурлыкала она, — я, наверное, подамся в артистки.

— Как? И ты туда же? — простонал Патрик.

— Да. Поеду в Перт. Посмотрю, может, удастся получить место твоей Джулии. А когда освоюсь — займусь театральным бизнесом… И может, буду ставить пьесы Эдмунда.

— А я думал, вы пишете романы, — сказал Джулиан Хармон.

— Я тоже так думал, — ответил Эдмунд. — И даже писал. Вполне приличный, кстати говоря, роман. На первых страницах там обстоятельно рассказывалось, как небритый мужчина вылезает из постели, как серо на улице, чем пахнет в комнате; потом появлялась жуткая старуха с отечной мордой и злобная потаскуха, и они вели бесконечные разговоры о мироздании и размышляли о смысле жизни. И вдруг я тоже начал размышлять… Мне пришла в голову забавная мысль… я ее записал… А потом из этого вышла весьма колоритная сценка. Получилось простенько, но мило… И не успел я сообразить что к чему, как закончил уморительный фарс в трех действиях.

— А как называется твоя пьеса? — спросил Патрик. — “Что увидел дворецкий”?

— Можно, конечно, и так… Но я назвал ее по-другому: “И слоны забывают”. Скажу больше: пьесу уже приняли к постановке.

— “И слоны забывают”… — прошептала Банч. — Интересно, а они на самом деле забывают?

Преподобный Джулиан Хармон виновато вскочил — Господи! Я заслушался… Моя проповедь…

— А все эти детективы, — сказала Банч. — Только на этот раз не выдуманные, а из жизни.

— Возьмите тему “Не убий”[32], — предложил Патрик.

— Нет, — решительно покачал головой Джулиан Хармон. — Не хочу.

— Ты совершенно прав, Джулиан. Есть темы гораздо более приятные. — И она своим непоставленным голоском процитировала:

— “Ибо пришла весна, пение черепах раздается над землей”… Я точно не помню, но ты понимаешь, что я имею в виду. Вот только я никак не возьму в толк, при чем тут черепахи. Разве черепахи умеют петь?

— Просто здесь не очень удачный перевод, — объяснил викарий. — Имеется в виду не черепаха, а “черепаховый голубь”, т.е. горлинки. Вообще-то

---

[32] notes: 32

“Не убий” — шестая из десяти христианских заповедей, согласно Библии, переданных Моисею Богом на Синайской горе.

в первоисточнике написано, что…

Банч перебила его, крепко обняла и сказала:

— Я знаю только одно: ты думаешь, что библейский Агасфер — это Артаксеркс Второй, но (правда, это между нами!) он был Артаксерксом Третьим…

И в который раз Джулиан Хармон не понял, что смешного находит его жена в этой истории.

— Тиглатпаласар хочет тебе помочь, — сказала Банч. — Он теперь загордился, ведь он подсказал нам, как и почему погас свет!

Эпилог

— Надо выписать газеты, — сказал Эдмунд Филлипе, когда они вернулись в Чиппинг-Клеорн из свадебного путешествия. — Пойдем к Тотмену.

Мистер Тотмен, неповоротливый мужчина, страдающий одышкой, встретил их очень приветливо.

— Рад снова увидеть вас в наших краях. Мое почтение, мадам.

— Мы хотим оформить подписку, — сказал Эдмунд.

— Извольте, сэр. Как поживает ваша матушка? Надеюсь, она здорова? Как она, обжилась на новом месте? Она в Борнмуте?

— Она в восторге, — сказал Эдмунд, не имевший ни малейшего понятия, так ли это, но, подобно большинству сыновей, предпочитавший думать, что с их любимыми, хотя и надоедливыми матушками все в порядке.

— Да, сэр, Борнмут — милое местечко. Мы ездили туда в отпуск в прошлом году. Миссис Тотмен очень понравилось.

— Я рад. Так вот насчет газет, мы бы хотели…

— А еще я слышал, ваша пьеса идет в Лондоне. Говорят, она презабавная.

— Она имеет успех.

— Вы вроде бы назвали ее “И слоны забывают”… Простите, сэр, но мне всегда казалось, что нет… то есть я хотел сказать, что они не забывают.

— Да-да, вы правы. Я теперь думаю, что зря ее так назвал. Мне уже многие об этом говорят.

— Так уж они устроены. Закон природы, сэр.

— Конечно-конечно! Как и то, что уховертки — образцовые матери.

— Неужели, сэр? Надо же, вот этого я не знал!

— Так вот, насчет газет…

— Ну… наверное, подпишемся на “Таймс”? — Мистер Тотмен застыл с карандашом наготове.

— Нет, лучше на “Дейли уоркер”, — твердо заявил Эдмунд.

— И на “Дейли телеграф”, — вставила Филлипа.

— И “Нью стейтсмен”, — добавил Эдмунд.

— И “Радио таймс”, — сказала Филлипа.

— И “Спектейтор”, — подхватил Эдмунд.

— И “Вопросы садоводства”, — спохватилась Филлипа. Они замолчали, переводя дыхание.

— Чудненько, сэр, — кивнул мистер Тотмен — Ну, и, конечно, выпишем “Газету”?

— Нет, — сказал Эдмунд.

— Нет, — поддержала его Филлипа.

— Простите… Вы что, не желаете получать “Газету”?

— Не желаем.

— Конечно нет!

— Вы не хотите получать “Норт бенхэм ньюз энд Чиппинг-Клеорн газетт”?

— Нет.

— Вам не хочется, чтобы я присылал ее в ваш дом каждую пятницу?

— Да нет же! — воскликнул Эдмунд и добавил:

— Теперь вам все ясно?

— О да, сэр… д-да…

Когда Эдмунд с Филлипой ушли, мистер Тотмен проковылял в гостиную, располагавшуюся в глубине дома.

— Мамочка, у тебя есть карандаш? — спросил он. — А то у меня кончились чернила.

— Я сама запишу, — сказала миссис Тотмен и схватила книгу заказов. — Что им нужно?

— “Дейли уоркер”, “Дейли телеграф”, “Радио таймс”, “Нью стейтсмен”, “Зритель”… погоди… еще “Вопросы садоводства”.

— “Вопросы садоводства”, — повторила миссис Тотмен, деловито записывая. — И разумеется,

“Газету”.

— Нет, “Газету” они не хотят.

— Что?

— Они не хотят “Газету”. Так прямо и заявили.

— Чепуха! — воскликнула миссис Тотмен. — Ты просто недослышал. Естественно, они хотят выписать “Газету”. Ее же все выписывают. А иначе как же узнать, что вокруг творится?